

**Лексико-семантическое поле
«память» в поэтическом языке Н.А.
Некрасова и А.А. Ахматовой**

Эсра Шоленташ

**Leksiko-semanticheskoe pole «pamjat'»
v pojeticheskom jazyke N.A. Nekrasova i
A.A. Ahmatovoj**

Esra ŞÖLENTAŞ

Yayıncı / Publisher:

Artsürem Bilim Sanat Danışmanlık Bilişim AŞ.

Genel Yayın Yönetmeni / Publishing Director /

Editor in Chief: Dr. Fırat BAŞBUĞ

T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayıncı Sertifika Numarası/

Publisher Certificate Number: 46183

ISBN: 978-605-72285-5-0

Açık Erişim Tarihi / Open Access Date: 29 Ekim 2023

Kapak Tasarım / Cover Design: Dr. Esra ŞÖLENTAŞ

© Şölentaş, Esra. *Leksiko-semanticheskoe pole «pamjat'» v poeticheskom jazyke N.A. Nekrasova i A.A. Ahmatovoj.* Ankara: Artsürem, 2023

© Шоленташ, Эсра, *Лексико-семантическое поле «память» в поэтическом языке Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой.* Ankara: Artsürem, 2023

Лексико-семантическое поле «память»

в поэтическом языке

Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой

Эсра Шоленташ

Эта книга подготовлена в 2019 году на основе диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, научный руководитель к.ф.н., доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова Ольга Николаевна Григорьева.

Выражаю глубокую благодарность за поддержку своему научному руководителю Ольге Николаевне Григорьевой, преподавателям филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, а также мужу Онуру и всей своей семье.

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Память как предмет научного исследования	11
1.1 Изучение памяти в философии.....	11
1.1.1 Концепция памяти в учении Платона и его последователей	11
1.1.2 Память и познание в философии Нового времени	15
1.1.3 Развитие идеи о взаимосвязи памяти и познания в современной философии.....	19
1.2 Определение видов памяти в физиологии и психологии	22
1.3 Основные подходы к изучению механизмов памяти в физиологии и психологии.....	25
1.4 Представление о памяти в социологии и культурологии.....	29
1.5 Феномен памяти как объект лингвистических исследований.....	31
Выводы.....	39
Глава 2. Лексико-семантическое поле «память» в современном русском языке.....	41
2.1 Понятие лексико-семантического поля.....	41
2.2 Принципы построения лексико-семантического поля «память».....	43
2.3 Архилексема <i>ПАМЯТЬ</i> как центр лексико-семантического поля.....	47
2.4 Классификация единиц лексико-семантического поля «память».....	50
2.4.1 Имена существительные с семантическим компонентом ‘память’	50
2.4.2 Имена прилагательные с семантическим компонентом ‘память’	65
2.4.3 Глаголы с семантическим компонентом ‘память’	71
2.4.4 Наречия с семантическим компонентом ‘память’	80
2.4.5 Предлоги с семантическим компонентом ‘память’	81
2.4.6 Устойчивые словосочетания с семантическим компонентом ‘память’	83
Выводы.....	90
Глава 3. Лексико-семантическое поле «память» в языковой картине мира Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой.....	92
3.1 Поэтический язык как предмет лингвистической поэтики.....	92
3.2 Тема памяти в исследованиях о языке поэзии	101
3.3 Упоминание мотива памяти в исследованиях о лирике А.А. Ахматовой	105
3.4 Обращение к мотиву памяти в научных исследованиях о лирике Н.А. Некрасова	113

3.5	Описание лексико-семантического поля «память» в произведениях Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой.....	116
3.6	Существительные с семантическим компонентом ‘память’ в поэзии Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой.....	117
3.6.1	Существительные ЛСП «память».....	117
3.6.2	Символические знаки памяти в поэтическом языке Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой.....	122
3.7	Глаголы с семантическим компонентом ‘память’ в поэтическом языке А.А. Ахматовой и Н.А. Некрасова.....	149
3.8	Прилагательные с семантическим компонентом ‘память’ в поэтическом языке Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой	172
3.9	Наречия и предлоги с семантическим компонентом ‘память’ в поэтическом языке Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой.....	182
3.10	Общеупотребительные и поэтические фразеологизмы с компонентом ‘память’ в произведениях Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой.....	185
	Выводы.....	193
	Заключение	194
	Библиография.....	197
	Приложения.....	239
	Приложение 1. Слова с семантическим компонентом ‘память’ в поэзии Н.А. Некрасова.....	239
	Приложение 2. Слова с семантическим компонентом ‘память’ в поэзии А.А. Ахматовой.....	243

Введение

О влиянии поэтического творчества Н.А. Некрасова на поэзию А.А. Ахматовой неоднократно упоминали авторы многих научных работ. Однако специально эта тема ни разу не разрабатывалась. «Еще предстоит исследовать значение для Ахматовой любовной лирики Некрасова. Ей близка эта лирика – нервная, с ее городскими конфликтами, с разговорной интеллигентской речью», – пишет Л.Я. Гинзбург.¹

Исследователи говорят о творчестве Анны Ахматовой как о «лирическом романе» с присущим ему сюжетом, о сближении в нем драматической и лирической стихии, о том, что поэтесса часто строит свои стихотворения как сцены, драматические диалоги. В этом, по мнению Н.В. Вялициной, несомненно, усматривается преемственная связь с лирикой Некрасова, особенно с «панаевским» циклом.² Ахматовой особенно близка была «некрасовская поэзия любви, извлеченная из прозы жизни, любви сложной и трагичной, передающая в интимной лирике катастрофичность времени»³. Психологизм некрасовских лирических произведений, совершенно новый принцип изображения в них человека, в особенности женского характера, спустя десятилетия проявляется в поэзии Ахматовой и получает в ней дальнейшее развитие. О значительном влиянии творческой манеры Некрасова на Ахматову пишет А.А. Урбан: «Ахматовские рыдания, выкрики, заплачки, особенно те, что связаны с первой мировой войной, без сомнения, находятся под влиянием

¹ Гинзбург, Л.Я. О лирике. – М.; Л.: Советский писатель, 1974. – С.311-397.

² Вялицина, Н.В. Традиции Н.А. Некрасова в дореволюционной лирике А. Ахматовой // Н.А. Некрасов и русская литература второй половины XIX-начала XX в. – Ярославль: Яросл. пед. ин-т, 1979. – С. 55.

³ Там же. – С. 56.

некрасовской музы. Не случайно среди любимых стихотворений она назвала «Внимая ужасам войны...».⁴

М.М. Кралин в своей статье «Некрасовская традиция у Анны Ахматовой» указывает на то, что в стихах, написанных в 1940-е годы, происходит историческое осознание Ахматовой действительности; она начинает понимать тяжесть ответственности поэта за своё время, за настоящее и будущее. «Именно в этом смысле прежде всего Некрасова и следует назвать предтечей ахматовской поэзии».⁵ Особое внимание автор придаёт тому, что «до Ахматовой русская женщина, крестьянка, заговорила своим собственным голосом именно в поэзии Некрасова».⁶ Косвенным подтверждением близости поэтов могут служить и некоторые детали биографии Анны Ахматовой. Отвечая на вопросы в анкете, которую ей предложил К.И. Чуковский в 1920 году, Ахматова указала, что Некрасов был первым из представителей русской поэзии, чьё творчество она узнала и полюбила на всю жизнь.⁷

Высказывания об этом самой поэтессы приводит М.М. Кралин: «Стихи начались для меня не с Пушкина и Лермонтова, а с Державина («На рождение порфирородного отрока») и Некрасова («Мороз, Красный нос»). Эти вещи знала наизусть моя мама» (из автобиографической заметки «Коротко о себе»); «Некрасов – чуть ли не единственная книга в доме».⁸

О.А. Седакова замечает, что «в Музе Ахматовой некрасовская Муза пережила как бы второе рождение. Некрасовская стихия была рано и глубоко

⁴ Урбан, А.А. А. Ахматова. «Мне ни к чему одические рати...» // Поэтический строй русской лирики. – С. 267.

⁵ Кралин, М.М. Некрасовская традиция у Анны Ахматовой // Кралин М.М. Победившее смерть слово (Статьи об Анне Ахматовой и воспоминания о ее современниках). – Томск: Водолей, 2000. – 383 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/kralin-pobedivshee-slovo/nekrasovskaya-tradiciya-u-ahmatovoj.htm>

⁶ Там же.

⁷ Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. – М.: Искусство, 1979. – С. 347.

⁸ Там же.

усвоена Ахматовой и, кажется, действовала в ее поэтическом подсознании. <...> Ахматова не столько продолжает Некрасова – она отвечает ему».⁹

По мысли Г.В. Адамовича в своей поэзии Ахматова – «явление гораздо более значительное, несущее на себе, как и Некрасов, – печать какого-то невыраженного трагизма. Оттого над ее книгами и плачут, что в них поэт «печаль мира», уловленная чутким слухом, хоть и не совсем уложившаяся в слова...».¹⁰

Книга посвящена исследованию лексико-семантического поля «память» в поэтическом языке Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой. Нам представляется, что преемственная связь между Некрасовым и Ахматовой наиболее ярко отразилась в словах, связанных с мотивом памяти и забвения.

Память как один из важнейших объектов изучения в филологии рассматривалась в работах А.А. Потебни («Мысль и язык», 1976), М.А. Дмитриевской («Философия памяти», 1991), Е.С. Кубряковой («Об одном фрагменте концептуального анализа слова память», 1991), Ю.М. Лотмана («Память в культурологическом освещении», 2000), Е.В. Урысон («Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике», 2003), О.Г. Ревзиной («Память и язык», 2006), Н.Г. Брагиной («Память в языке и культуре», 2007), Б.Л. Иомдина («Ментальная лексика: память и её функционирование», 2010), Анны А. Зализняк («Концептуализация забвения по данным русского языка», 2012), Л.С. Муфазаловой («Концепт память в русской языковой картине мира», 2014), Н.В. Попиль («Коннотативные смыслы концепта «память» (на материале текстов И.А. Бунина и А.И. Куприна)» 2016).

Актуальность монографии определяется перспективностью дальнейшего развития лингвопоэтики, необходимостью изучать преемственные связи в

⁹ Седакова, О.А. Наследство Некрасова в русской поэзии [Электронный ресурс] URL: <http://olgasedakova.com/Poetica/221>

¹⁰ Адамович, Г.В. Анна Ахматова // Адамович Г.В. Критическая проза / сост. О.А. Коростелева. М., 1996. С. 207-213 [Электронный ресурс] URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/adamovich-ahmatova.htm>

языке русской поэзии разного времени на основе сопоставления идиостилей авторов разных эпох. Некоторые аспекты исследования поэтического текста, в частности связанные с выявлением функций составляющих его компонентов, нуждаются в последующем уточнении и развитии.

Исследование такого рода может внести определенный вклад в развитие теории и практики лингвопоэтического анализа.

Предметом исследования выступает поэтический текст, создающий уникальные условия для преобразования семантики лексических единиц языка, их функционирования в качестве символических знаков. Стихотворения и поэмы Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой анализируются во взаимоотношении их стилистических, смысловых и формальных свойств.

Объектом являются слова ЛСП «память» общим количеством 369 единиц и 90 устойчивых словосочетаний с семантическим компонентом 'память' в современном русском языке, а также те из этих единиц, которые употребляются в их прямом и переносном значении в поэзии Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой.

Цель исследования заключается в выявлении семантико-прагматической специфики единиц, составляющих ЛСП «память» в русской языковой картине мира и в поэтическом языке Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой.

Для реализации поставленной цели было необходимо решить ряд задач:

1. Обобщить информацию об изучении памяти древнейшими и современными философами, об отражении темы памяти в исследованиях по биологии, физиологии, психологии, а также в лингвистике и литературоведении.
2. Описать лексико-семантическое поле «память» в русском языке:
 - а) определить принципы отбора лексических единиц в состав изучаемого поля;
 - б) структурировать данное поле на основе учёта однородной денотативной направленности входящих в него слов;
 - в) определить

специфику номинаций, входящих в описываемое поле с точки зрения их структурных и частеречных характеристик, а также их происхождения.

3. Рассмотреть слова лексико-семантического поля «память» в аспекте их толкования в разных словарях, в том числе этимологическом; в плане синонимии и антонимии, а также образования ими фразеологических единиц.

4. Определить возможности концептуализации единиц лексико-семантического поля «память», условия приобретения ими метафорических значений.

5. Проанализировать употребление лексических единиц семантического поля «память» в стихотворениях и поэмах Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой в их эстетической функции. Определить общие и индивидуально-авторские особенности их употребления в языке обоих поэтов.

Теоретической и методологической основой исследования явились идеи, которые были высказаны в работах по лингвокультурологии, когнитивистике, лексикологии и лингвопоэтике таких учёных, как Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, А. Вежбицкая, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Г.Д. Гачев, В.П. Григорьев, И.М. Кобозева, М.А. Кронгауз, Ю.М. Лотман, Г.Н. Складневская, В.Н. Телия, Л.О. Чернейко, Д.Н. Шмелёв, Р.О. Якобсон и др.

В книге была использована методика, включающая различные приёмы структурного, лингвокультурологического, стилистического анализа, а также лингвопоэтики. Единицы семантического поля «память» были отобраны и систематизированы на основе их словарных дефиниций, распределения по денотативным классам. Контекстуальный анализ проводился на основе сплошной выборки исследуемых единиц из всего корпуса поэтических текстов, в каждом произведении выявлялась роль этих единиц в осуществлении авторской интенции и реализации эстетической функции языка.

Материалом послужили все стихотворения и поэмы Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой. Для построения лексико-семантического поля «память»

использовались толковые, семантические, фразеологические и этимологические словари русского языка.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые дается всестороннее сопоставительное описание поэтического языка Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой в аспекте функционирования в них слов и словосочетаний с семантическим компонентом 'память'. Лексико-семантическое поле «память» в творчестве обоих поэтов не изучалось ранее в данном аспекте.

Проведённое исследование способствует выявлению роли лексических единиц с семантическим компонентом 'память' в поэтическом словаре. Обращение ко всем стихотворениям и поэмам Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой даёт возможность представить типологию конкретных образов в творчестве обоих поэтов и выстроить более полную картину развития языка художественной литературы.

Полученные результаты могут быть полезным материалом для лингвопоэтического анализа и использоваться на лекциях и семинарах по лексикологии, стилистике русского языка и лингвопоэтике, а также на практических занятиях с иностранными студентами для объяснения особенностей употребления лексических единиц в русской поэзии.

В книге представлены следующие положения:

1. Память является одной из ведущих тем исследований в области естественных и гуманитарных наук, поскольку именно память играет ключевую роль в формировании личности.
2. Лексико-семантическое поле «память» в русском языке представляет собой сложную, разветвленную систему лексических единиц, многие из которых обнаруживают в своем значении древнейшие метафорические смыслы, связанные со стихиями воздуха, огня и воды.
3. В поэтическом тексте лексико-семантическое поле существенно отличается от общеязыкового, так как здесь происходит преобразование

лексического значения слова, возникают семантические приращения, проявляются интертекстуальные связи слов.

4. Определяющую роль в формировании лексико-семантического поля в языке поэзии играет личность автора, которая во многом определяет особенности синтагматических и ассоциативных связей лексических единиц.

5. Сопоставительный анализ слов лексико-семантического поля «память» в поэтическом языке Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой в аспекте их семантико-прагматической специфики и выполняемой эстетической функции позволяет определить общие и индивидуальные черты их использования в индивидуально-образной системе обоих поэтов.

6. Поэзию А.А. Ахматовой и Н.А. Некрасова объединяет особое внимание к мотиву памяти и связанные с ним образные ассоциации.

Книга включает введение, три главы, заключение, список литературы и приложение.

Глава 1.

Память как предмет научного исследования

Для более глубокого осмысления того, как преломляется память в лексической системе языка, представляется необходимым рассмотреть подходы к данному феномену в разных науках, прежде всего в философии, психологии и в медицине, которые различаются, но имеют общие черты и иногда могут пересекаться. Для сравнения приведем три научных определения памяти: в медицинском словаре *ПАМЯТЬ* определяется как способность человека к запечатлению, сохранению и воспроизведению опыта, полученного в прошлом;¹¹ в психологическом словаре – как процесс, в результате которого организуется и сохраняется опыт прошлого, становится возможным использовать его повторно в человеческой деятельности или вернуть его в область сознания;¹² в словаре философских терминов – как «свойство мыслительной деятельности, заключающееся в способности хранить, воспроизводить и вводить в сферу сознания информацию о прошлом».¹³ Безусловно, основой любой методологии научного познания является философия.

1.1 Изучение памяти в философии

1.1.1 Концепция памяти в учении Платона и его последователей

С античных времен памяти придавалось большое значение в исследовании когнитивной деятельности человека. Во всех древних

¹¹ Большой медицинский словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/medic2/33219>

¹² Краткий психологический словарь / Л.А.Карпенко, А.В.Петровский, М.Г.Ярошевский, Ростов-на-Дону: ФЕНИКС, 1998. [Электронный ресурс]. URL: <https://psychology.academic.ru/1549>

¹³ Словарь философских терминов / Научная редакция профессора В.Г.Кузнецова. – М.: ИНФРА-М, 2005. – XVI. – С. 401.

философских системах человеческая память представляется как основа для создания когнитивного опыта.¹⁴

Одним из первых, кто отметил ведущую роль памяти в познании, был древнегреческий философ Платон (427–347 гг. до н.э.), который так же, как Пифагор и Сократ, считается родоначальником европейской философии.

Платон первый назвал память самостоятельным процессом психики. Он образно называет память «отпечатком перстня на воске» и видит ее особое значение в познании человеком мира. Свои взгляды на природу и свойства памяти Платон изложил в диалоге «Менон». Он выделяет несколько этапов, которые проходит познание человека: первый – некое заблуждение, когда человек «думает, будто знает»; второй – понимание собственного незнания; третий этап – воспоминания, которые в результате выяснения причинно-следственных отношений превращаются в знания. Платон говорит, что знания связаны с припоминанием, которому Платон отводит главное место в области познания, что соотносится с его учением об идеях и бессмертии души. Душа человека способна снова вселиться в него, но если душа не видела истины, она не сможет этого сделать, потому что человек постигает её только вместе с определенной идеей. Это и является припоминанием того, что когда-то могла видеть душа, именно тогда было подлинное бытие души¹⁵. При помощи воспоминаний человек приобретает нужные ему для связи с окружающим миром знания и навыки. Платон отмечает, что мы припоминаем, или познаем, сейчас только то, что знали раньше.¹⁶

Ключевое слово философии Платона, начиная с «Менона» и других его диалогов, – это *anamnēsis*. В Словаре философских терминов *анамнесис* [греч. *ἀνάμνησις* припоминание] толкуется как древнегреческая философская метафора, которая означает, что путь к подлинному познанию – это путь

¹⁴ Агафонов, А.Ю. Психология мнемических явлений: Учебное пособие / А.Ю.Агафонов, Е.Е.Волчек. – Самара: Универс-групп, 2005. – С. 9.

¹⁵ Платон, Ф. // Платон. Собрание соч.: В 4-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 158.

¹⁶ Там же. С. 26.

воспоминания души о том, как она пребывала в мире реальности.¹⁷ В отличие от обычного понятия памяти *анамнесис* связан с преобразованием ума и души, которое происходит вследствие объединения в памяти отдельных моментов окружающей действительности.

Платон упоминает Мнемосину (память), которая в древнегреческой мифологии является одной из самых главных богинь и считается матерью Муз, то есть одной из прародительниц культуры. В отличие от богини забвения Леты (дочери Раздора), Мнемосина объединяет все то, что было разъединено. Интересно, что мифологическое сознание определяет память и забвение как две составляющие духовного преобразования человека: было два источника – Лета и Мнемосина, первый источник давал душе очищение от хаоса былых времён, а второй – осознание неизбежности собственной судьбы.¹⁸

Ученик Платона Аристотель (384–322 гг. до н.э.), описывая то, как происходит воспоминание в обычной, повседневной жизни, оставил неизменным термин *анамнесис*. Но связь памяти с познанием, в отличие от Платона, он понимает по-другому. В своем трактате «О памяти и припоминании» Аристотель строго разграничивает понятия память и воспоминание. Невозможно помнить будущее или настоящее. Существует только память о прошлом, и помнить могут только те люди, которые обладают чувством времени¹⁹. Человеческая память связана с глубоким познанием через воображение, то есть через образ представляемого. С другой стороны, память является свойством любого ощущения. Но как тогда возможно вспомнить то, что в данный момент человек не переживает, но все-таки хранит в своей памяти? Этим вопросом задается Аристотель, он говорит о том, что всякое движение запечатлевается в сознании. Философ считает, что представления человека характеризуются некоей двойственностью: по

¹⁷ Словарь философских терминов / Научная редакция профессора В.Г.Кузнецова. – М.: ИНФРА-М, 2005. – XVI. – С. 16.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Аристотель. О памяти и припоминании // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 161.

своей сути оно является предметом созерцания и в то же время представлением, а в отношении к другому – образом и воспоминанием²⁰. Неслучайным является то, что Аристотель отделяет память от припоминания. Когда человек хочет вернуть какое-то ощущение, то есть пытается вспомнить, он совершает некое усилие, или припоминает. После этого действия появляется память. От припоминания память отличается и тем, что она есть у всех существ, которые ощущают время, а припоминание присуще только человеку. Так как припоминание является неким умозаключением, тот, кто припоминает, решает, что раньше он видел, или слышал, или испытал что-то, поэтому он совершает своего рода поиск²¹. Таким образом, Аристотель связывает припоминание с движением в широком смысле этого слова, он объясняет принцип работы механизма познания, который в дальнейшем будет обсуждаться в работах многих представителей ассоциативного течения в философии, а затем и психологии, таких как Джордж Беркли, Дэвид Юм и другие.

Другой ракурс исследования проблемы памяти предлагает Плотин (204–269). Во многом его мнение совпадает с Платоном, но, в отличие от него, Плотин не признает наличия в душе каких-либо следов или отпечатков. Воспоминания проявляются не только и не столько благодаря этим оттискам. Плотин стремится разъяснить читателю главную особенность системы познания таким образом: человек может видеть, если зримое им располагается на определенной от него дистанции. Полемизируя с Аристотелем, Плотин говорит, что душе не требовался бы никакой взгляд во внешний мир, если бы внутри неё «существовал эйдос видимого и, если бы, проникая туда, она смотрела на этот оттиск».²²

Интересные мысли по поводу взаимоотношения между памятью и познанием высказывает в своих сочинениях крупнейший римский богослов и

²⁰ Там же. С. 163.

²¹ Там же. С. 165.

²² Плотин. Об ощущении и памяти / пер. Д.В. Бугай // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 170.

философ Блаженный Августин (354 – 430). Он пишет об упорядоченном изображении в памяти внешних воздействий. В чем-то это положение близко учению Платона об идеях: в памяти сохраняются не сами по себе объекты, а их копии или отражения. Ориентируясь на зависимость познавательных способностей человека от работы памяти, Бл. Августин именует память «силой ума». Философ подчеркивает, что в человеческой памяти хранятся все навыки и сведения, которые он приобрел когда-либо в прошлом. В «Исповеди» автор подробно рассматривает, как устроена познавательная деятельность. Сами явления действительности память не может впустить в себя, она может лишь представить их образы, тогда как воспоминание непостижимым образом их освобождает.²³

Учения древних философов послужили основой для дальнейшего развития темы памяти в научных исследованиях Нового времени.

1.1.2 Память и познание в философии Нового времени

В философии Нового времени XVII–XVIII веков вопрос о взаимоотношении между памятью и познавательными способностями человека сохраняет свою актуальность. Английский ученый и политик, основоположник эмпиризма в философии Фрэнсис Бэкон (1561–1626) в трактате «Разделение наук» делит знание человека на три типа в зависимости от таких его способностей, как память, воображение и рассудок. В основе рассуждений Бэкона лежит идея о том, что сначала у человека возникает ощущение от единичных предметов. Затем эти предметы фиксируются в его памяти в своем исходном виде. И, наконец, душа реконструирует их при помощи рассудка. Бэкон пишет о том, что ощущение служит для человеческого интеллекта своеобразными воротами в непознанную реальность. В памяти каждого человека закрепляются образы отдельных

²³ Августин, А. Исповедь // Психология памяти: Хрестоматия / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова – М.: ЧеРо, 1998. – С. 17.

предметов в том неизменном, первоначальном виде, в котором они были им восприняты. Очевидно, что философия, история и поэзия являются следствием памяти, воображения и рассудка и что это единственно возможные формы определения науки.²⁴

Согласно концепции английского философа Томаса Гоббса (1588–1679), человек действительно познаёт объекты, находящиеся вне него, при помощи пяти органов чувств. Но человек также познаёт и свои представления об этих объектах. У него появляется определенное суждение о вещи, он ясно осознает, что это представление повторяется вновь и что оно возникало и раньше. Эта способность является шестым, внутренним, в отличие от остальных пяти, чувством, которое принято называть памятью.²⁵ Гоббс изучает связь памяти с образностью, исследует, как и Аристотель, вопрос о памяти в связи с категорией движения. Гоббс полагает, что движение может быть присуще не только внешнему миру, оно происходит и внутри самого человека. Поэтому в сознании человека остается образ объекта, даже если самого объекта уже давно нет. Со временем под влиянием воздействий каких-либо иных предметов движение, которое производится при любом ощущении, не слабеет, а лишь затемняется. Ученый обращает внимание на существование устойчивой связи между временем и памятью, он говорит, что время – это в определенной степени образ движения. Чтобы почувствовать протекающее время и его промежутки, мы обращаемся к какому-нибудь движению.²⁶ Гоббс обращает внимание на то, что невозможно ощутить время без работы памяти.²⁷

В истории философии существуют и другие научные концепции, характеризующие отношение памяти к познанию. Известный французский

²⁴ Бэкон, Ф. Сочинения в двух томах / сост., общ. ред. и вступит, статья А.Л. Субботина. 2-е испр. и дополн. издание. – М.: Мысль, 1977. Т. 1. – С. 149-150.

²⁵ Гоббс, Т. Сочинения в 2 т. Т. 1 / пер. с лат. и англ.; сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов. – М.: Мысль, 1989. – С. 518.

²⁶ Там же. – С. 140.

²⁷ Там же. – С. 217.

философ Рене Декарт (1598–1650) затрагивает эту тему, объясняя, что для познания следует время от времени сохранять интересующие нас объекты в памяти, чтобы потом было легче сравнивать их и рассматривать взаимосвязь и взаимоотношение между ними. Из огромного числа измерений, присущих человеческой фантазии, можно в определенный момент видеть или постигать умом лишь два, память помогает сохранять все остальные, чтобы, когда потребуется, они сразу могли представиться. Для этого природа создала память.²⁸

Декарт даёт объяснение тому, каким образом можно вызывать в памяти то, о чем хочешь в данную минуту вспомнить, приписывая при этом главную роль особому органу, находящемуся в голове, – железе, которая направляет духов к следам от виденных предметов, оставленным в мозге, или «порам мозга», из которых эти духи вышли раньше. Духи входят в эти поры, и железа начинает совершать особенное движение по направлению к тому предмету, который она предполагала вспомнить.²⁹

Представитель английского эмпиризма Джон Локк (1632 – 1704) пишет, что в душе есть врожденные, неизвестные ей самой идеи, которые запечатлеваются в памяти. Воспоминания могут достаточно точно воссоздать их, и тогда эти идеи будут признаны и будут считаться восприятиями души в прошлом. Только при таком условии любая мысль, которая оказывается в душе человека, является совершенно новой, а не той, которая пришла из глубин памяти. Это и отличает воспоминание от всех других форм мышления. Любая идея, которая находится в душе, представляет собою реальное восприятие или было раньше реальным восприятием, живет в душе и при помощи памяти может превратиться в то самое восприятие.³⁰

²⁸ Декарт, Р. Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и франц. Т. 1 / сост., ред., вступ. статья В.В. Соколова. – М.: Мысль, 1989. – С. 143.

²⁹ Там же. – С. 500.

³⁰ Локк, Дж. Сочинения в 3-х т.: Т. I / ред.: И.С. Нарский, А.Л. Субботин; Ред. I т., авт. вступит, статьи и примеч. И.С. Нарский; Пер. с англ. А. Н. Савина. – М.: Мысль, 1985. – С. 147.

В «Трактате о принципах человеческого знания» ирландский философ Джордж Беркли (1685–1753) представляет память как один из способов зарождения новых идей, он развивает эту концепцию и рассматривает разные формы идей. Для каждого, кто созерцает *объекты* человеческого познания, ясно, что они представляют из себя следующие идеи: 1) идеи, которые воспринимаются только чувствами; 2) идеи, которые постигаются эмоционально или действиями ума; 3) идеи, которые образуются с помощью воображения и памяти; 4) идеи, которые появляются благодаря всему тому, что было сначала воспринято одним из названных выше способов.³¹ По Дж. Беркли, между чувством и памятью существует невидимая связь, они вступают между собой в сложные взаимоотношения: «Чувство поставляет образы (*images*) для памяти».³²

Известный во всем мире немецкий философ, автор так называемого объективного идеализма Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770 – 1831) в работе «Феноменология духа» формулирует свой особый взгляд на проблему памяти. Гегель отмечает, что всякий индивид является несовершенным духом, в бытии которого господствует некая определенность. Когда этот дух достигает наибольшего развития и постепенно отходит на второй план, он остаётся в сознании человека как бледный отпечаток прошлого и играет роль предварительных знаний. Когда-то бывшее сутью дела, теперь представляет собой только его след; образ прошлого туманен. Человек вспоминает это прошлое, как ученый, который начиная постигать высокую науку, повторяет простые, давно известные ему сведения, освежает их в памяти.³³ После того, как дух полностью проникается знанием, человек фиксирует свое внимание на определённом моменте, а это возможно сделать только благодаря его памяти. Далее Гегель сосредотачивает внимание на том, что «содержание есть *достояние* субстанции как нечто, что уже *было в мысли*; <...> нужно

³¹ Беркли, Дж. Сочинения / сост., общ. ред. и вступит, статья И.С. Нарского. – М.: Мысль, 1978. – С. 171.

³² Там же. – С. 493.

³³ Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа. – М.: Наука, 2000. – С. 20.

только это *в-себе-бытие* – уже не просто первоначальное и не погруженное в наличное бытие, а, напротив, уже *восстановленное в памяти* – обратить в форму *для-себя-бытия*».³⁴

Соотношение памяти и познания стало одним из ключевых моментов в исследованиях по философии нашего времени.

1.1.3 Развитие идеи о взаимосвязи памяти и познания в современной философии

Вопрос о взаимосвязи памяти и познания сохраняет свою актуальность и в современной философии. Так, например, немецкий историк и культуролог Ян Ассман выделяет четыре измерения памяти:

1. Миметическая память, которая связана с деятельностью человека. Кроме письменности и других форм передачи информации существует познание окружающего мира при помощи подражания.

2. Предметная память, которая заключается в отражении в сознании человека наблюдаемых предметов, в том числе и себя самого.

3. Коммуникативная память, которая связана с получением информации от других людей.

4. Культурная память, которая заключается в передаче и воскрешении так называемого «культурного смысла»³⁵.

Философские проблемы памяти затрагивает Л.С. Муфазалова в своей статье «Концепт *память* в русской языковой картине мира». Автор упоминает о том, что память сохраняет опыт, полученный человеком в прошлом, дает возможность повторно использовать его в настоящем в повседневной деятельности. Благодаря этому личность постоянно

³⁴ Там же. – С. 21.

³⁵ Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 19 – 20.

развивается. Итак, совершенно очевидной становится связь памяти с сознанием, и благодаря этой связи обеспечивается отражение мозгом действительности, в том числе происходит разнообразная работа психики.³⁶

В современном философском словаре память также определяется как одно из свойств разума. Процесс познания включает потребности, чувства, интересы человека – все то, что связано с его внутренним миром. При этом память позволяет сохранять знания о мире, «перекидывает мостик между прошлым и настоящим, а также между прошлым, настоящим и будущим».³⁷

Один из самых ярких представителей герменевтики, французский философ Поль Рикёр (1913 – 2005) в книге «Память, история, забвение» проводит этимологический анализ слова *ПАМЯТЬ* и обращает внимание на то, что в древне-греческом языке были слова *mnēmē* и *anamnesis* для обозначения двух разных по своей сути понятий: с одной стороны, это воспоминание, которое возникает само по себе, пассивно, без каких-либо усилий человека, поэтому его зарождение в голове можно определить как чувство; с другой стороны – воспоминание является объектом поиска, который также можно назвать припоминанием или вспоминанием.³⁸ Можно уже иметь воспоминание о чем-то или же только начинать поиск, хотеть что-то вспомнить. Рикёр рассматривает проблему истинности, достоверности памяти, непосредственно связанную с ее двойственностью. Автор пишет, что путаница в этом вопросе происходит из-за того, что человек сталкивается с обычным употреблением памяти в повседневной жизни и получает возможность злоупотреблять памятью.³⁹

Один из родоначальников немецкого экзистенциализма Мартин Хайдеггер (1889 – 1976) в своей книге «Время и бытие» пишет о

³⁶ Муфазалова, Л.С. Концепт память в русской языковой картине мира // Вестник ИрГТУ. – 2014. – №9 (92). – С. 326.

³⁷ Краткий философский словарь / А.П.Алексеев, Г.Г.Васильев; под ред. А.П.Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: РГ-Пресс, 2012. – С. 356.

³⁸ Рикёр, П. Память, история, забвение / пер. с франц. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. (Французская философия XX века). – С. 25.

³⁹ Там же.

соотношении прошлого, настоящего и будущего, о том, как психика человека связана с течением времени: «... С прошлым человек связан памятью, сожалениями и раскаянием, опытом и знанием фактов. К будущему отнесены желания и надежды, страхи и предчувствия, планы и замыслы. С растяжимой («бегущей») точкой настоящего человек связан непосредственными ощущениями: восприятием и чувствованием. Настоящего как бы нет, но только в нем возможны прямые контакты с действительностью. Только в настоящем человек «присутствует» в мире».⁴⁰

Ученик Хайдеггера, основатель философской герменевтики Ханс Георг Гадамер (1900 – 2002) говорит о том, что в жизни человека, являющейся постоянным движением, удерживается одновременно прошлое и будущее. В этом заключается сущность памяти и воспоминания, которые свидетельствуют о духовной свободе человека и его духовной деятельности.⁴¹ Особым свойством человеческого бытия является объединение в нем прошлого и настоящего, существование одновременно разных эпох и стилей. Человек стремится сохранить все то, что ускользает, то главное, чем мотивируется его отношение к миру, усилия творческой игры, которые прилагают художники или зрители, участвующие в этой игре.⁴²

Большой философской глубиной обладают размышления известного русского учёного Д.С.Лихачёва (1906 – 1999) о силе памяти, о ее противодействии времени, о творческом характере воспоминаний, а также о генетической памяти, которая переходит от одного поколения к другому поколению. Говоря о памяти как одном из важнейших свойств материального и духовного человеческого бытия, Лихачёв приводит такую образную аналогию: «... Лист бумаги. Сожмите его и расправьте. На нём останутся складки, и если вы сожмёте его вторично – часть складок ляжет по прежним складкам: бумага «обладает памятью». Памятью обладают

⁴⁰ Хайдеггер, М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 399.

⁴¹ Гадамер, Х.-Г. Философия и поэзия // Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – С. 273.

⁴² Там же. – С. 314 – 315.

различные растения, камень, на котором остаются следы его происхождения и движения в ледниковый период, стекло, вода и т.д.». ⁴³

Мы видим, что исследование мнемической деятельности человека имеет многолетнюю историю, но, несмотря на длительно сохраняющийся интерес к исследованию памяти, не все в ее природе до конца разгадано. Подтверждением этому может служить то, что в разных областях науки ученые продолжают открывать новые виды памяти.

1.2 Определение видов памяти в физиологии и психологии

Выделение видов памяти является необходимой ступенью к научному изучению самих процессов памяти не только у человека, но и у всей живой и даже неживой природы.

В исследовании известного русского психолога П.П. Блонского (1884 – 1941) «Память и мышление» различаются четыре генетические ступени памяти: моторная, аффективная, образная и вербальная. ⁴⁴ Один из создателей новой психологической школы С.Л. Рубинштейн (1889 – 1960) в работе «Основы общей психологии» утверждает, что правильнее говорить не о ступенях, а о видах памяти. Автор считает, что вербальная память не является высшим видом памяти. Он говорит о значении смыслового содержания и предлагает характеризовать специфику именно человеческой памяти как памяти смысловой, представленной в форме мысли и вербального высказывания. ⁴⁵

⁴³ Лихачёв, Д.С. Письма о добром и прекрасном / сост. и общая ред. Г.А. Дубровской. – 3-е изд. – М.: Детская литература, 1989. – С. 199.

⁴⁴ Блонский, П.П. Память и мышление – СПб.: Питер, 2001. – (Серия «Психология-классика»). – С. 225.

⁴⁵ Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии – СПб.: Издательство «Питер», 2000. – (Серия «Мастера психологии») – С. 236.

В Энциклопедическом словаре медицинских терминов рассматриваются разные виды памяти, а также объясняется разница между ними:⁴⁶

1) *ассоциативная память* возникает, когда между компонентами запоминаемого существуют ассоциативные связи согласно смежности в пространстве либо времени, единообразию или контрасту;

2) *логическая (логически-смысловая, смысловая) память* проявляется в том случае, если элементы запоминаемого объединены конкретными закономерными отношениями рода и вида, причины и следствия, сущности и явления и т.п. *Опосредованная память* является общим названием ассоциативной и логической памяти;

3) *двигательная память* нацелена на координацию и последовательность движений;

4) *долговременная и кратковременная (оперативная) память* характеризуются продолжительностью сохранения данных, сопоставимой с длительностью существования организма, или определяется продолжительностью сохранения данных до нескольких десятков минут;

5) *механическая (непосредственная) память* начинает работать, когда между элементами запоминаемого нет никакой ассоциативной или логической связи;

6) *произвольная и произвольная память* зависит от того, участвует ли воля человека в процессе запоминания, прилагаются ли для этого определенные усилия;

7) *зрительная и слуховая память* – легкое запоминание визуальных образов или звуков, например, музыки;

8) *образная (иконическая) память* указывает на непродолжительное сохранение зрительных, слуховых, тактильных и других образов;

9) *словесная память* выполняет функцию прочного закрепления в сознании слова или фразы;

⁴⁶ Энциклопедический словарь медицинских терминов / гл. ред. Б.В.Петровский. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1984. – С. 858.

10) *эмоциональная память* связана с определенными чувствами человека, его эмоциями, волнениями, переживаниями.

Некоторые учёные указывают на то, что в первую очередь следует различать память наследственную (генетическую либо видовую) и память индивидуальную, то есть обретенную каждым человеком в течение всей его жизни. Под генетической памятью понимается вся наследственность, которую обретает каждый из индивидуумов с момента своего рождения и которая переходит с генами носителей этой наследственности к их потомкам. Индивидуальная память называется также приобретенной памятью, так как она оформляет основные этапы жизненного опыта человека.⁴⁷

В зависимости от того, как долго сохраняется в памяти информация: выделяют непосредственную (сенсорную), кратковременную и долговременную память.⁴⁸ Сенсорная память (зрительная, слуховая, осязательная, обонятельная, вкусовая) зависит от рецепторов, воспринимающих внешние раздражения. Кратковременная память лишь частично отображает предмет, явление, событие. Запоминание сопряжено с повторением, например, нескольких слов или цифр, что помогает сохранять информацию на длительное время – иногда на всю жизнь. Долговременная память вмещает в себя много информации. В основе этой памяти лежит способность отыскать ответ на поставленный вопрос. Долговременная память является главным звеном в упорядочении восприятия и поведения, обеспечивает «хранение, извлечение и воспроизведение информации из внешней и внутренней среды организма».⁴⁹

⁴⁷ Громова, Е.А. Память и её резервы. – М.: Знание, 1983. – (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Биология», № 8). – С. 8-9.

⁴⁸ Артемова, Г.О. Психология применения интеллектуальных систем в гуманитарной сфере Учебное пособие. Часть 1. / Г.О.Артемова, Н.Ф.Гусарова. – СПб.: НИУ ИТМО, 2012. – С. 68-69.

⁴⁹ Калиниченко, С.Г. Психофизиология: учеб. пособие / С.Г.Калиниченко, О.А. Коротина. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 7.

1.3 Основные подходы к изучению механизмов памяти в физиологии и психологии

В начале XX века знаменитым русским учёным И.П. Павловым (1849 – 1936) был применен *физиологический подход* к изучению памяти. Используя метод изучения условных рефлексов, Павлов определил механизм памяти как образование, укрепление и угасание временных и нервных связей. Условный рефлекс является физиологической основой запоминания. Известный психолог, основатель российской нейропсихологии А.Р. Лурия (1902 – 1977) развивает это учение и отмечает, что главным источником представлений о физиологических механизмах памяти является учение о высшей нервной деятельности. Информация накапливается в памяти с помощью нервных клеток, которые активизируют и саму память.⁵⁰

В теории памяти известного французского философа-интуитивиста и психолога Анри Бергсона (1859-1941) большая роль в воспроизведении различных образов прошлого отводится телу, которое является его своеобразным проводником. Вещи, которые окружают тело, действуют на него определенным образом, и оно не может не реагировать на них. Ответные реакции тела в какой-то степени сложны, они обладают некоторым разнообразием, что зависит от того, сколько приспособлений образовалось внутри него благодаря опыту и какова их природа. Тело может накапливать действия, совершаемые в прошлом, только в виде моторных навыков и установок.⁵¹ Бергсон выдвигает при этом три важных положения:

1. Прошлое переживает себя в двигательных формах и в независимых воспоминаниях. Обычный акт памяти, пользование прошлым опытом для действия в настоящем (узнавание), будет происходить или при самом действии, автоматически приспособленном к различному обстоятельству

⁵⁰ Лурия, А. Р. Нейропсихология памяти (Нарушения памяти при глубинных поражениях мозга). – М.: Педагогика, 1976. – 192 с.

⁵¹ Бергсон, А. Творческая эволюция. Материя и память / пер. с фр. – Минск: Харвест, 1999. – (Классическая философская мысль). – С. 481 – 483.

механизма, или вызовет работу духа, который будет искать что-то в прошлом, чтобы направить его на настоящее.

2. Узнавание присутствующего предмета совершается при помощи движений, когда оно исходит от объекта, и при помощи представлений, когда оно исходит от субъекта.

3. От расположенных по пути времени воспоминаний сознание постепенно переходит к движениям, которые рисуют зарождающееся или возможное действие этих воспоминаний в пространстве. Мозговые повреждения могут каким-то образом сказаться на этих движениях, но не на воспоминаниях.

П.П. Блонский развивает *генетическую теорию памяти*. Автор пишет, что многими было отвергнуто учение о врожденных идеях, независимо от того, являются ли они понятиями или представлениями. Но, тем не менее, не подлежит сомнению их существование, а также наличие инстинктивных движений. Блонский присоединяется к точке зрения тех, кто видит в понятии памяти не только опыт, приобретаемый человеком в жизни. Инстинктивные движения являются наследственными, как и моторная память, существующая у каждого с самого рождения. В индивидуальном развитии человека самой ранней является память моторная, затем аффективная, несколько позднее образная и, наконец, логическая память.⁵²

Интеллектуальная (умственная, словесная) информация расширяет генетические сведения и, сохраняясь в нервных клетках памяти и объективных материальных носителях, таких как рукописи, книги и электронные записи, формирует базу для возникновения и трансляции общественной концепции и понимания человека как социального существа.⁵³

⁵² Блонский, П.П. Память и мышление – СПб.: Питер, 2001. – (Серия «Психология-классика»). – С. 384.

⁵³ Коротяев, А.И. Роль генетической и умственной систем информации в возникновении и развитии жизни на Земле / А.И. Коротяев, С.А. Бабичев. – Нальчик: Эльбрус, 2009. – С. 173.

Согласно *культурно-исторической теории* памяти Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурия человеческая память развивалась в истории в основном как «опосредованное запоминание», человек научился при помощи волевых приемов подчинять себе память, следить за ходом запоминания. Произвольная память в отличие от произвольной является результатом культурного, социального развития человека и, следовательно, имеет социальную природу.

Л.С. Выготский (1896-1934) анализирует со всех сторон взаимосвязь между памятью и её развитием, особенно в детском возрасте. Многие наблюдения в психологии показывают, что память очень сильна в раннем возрасте и со временем по мере развития детей ослабевает. Л.С. Выготский приходит к заключению: «... Если для ребенка раннего возраста мыслить – значит вспоминать, то для подростка вспоминать – значит мыслить».⁵⁴

А.Р. Лурия в течение длительного срока наблюдал развитие памяти одного конкретного человека, наделённого особо чувствительной памятью, и в процессе эксперимента описывал её особенности. В результате анализа процесса запоминания Лурия делает вывод о том, что, фон любого запоминания создают синестезические компоненты, которые несут дополнительную информацию и обеспечивают точность запоминания. Пропуски запоминаемых элементов являются не дефектами памяти, а дефектами восприятия, то есть «ключ к ошибкам, лежит в психологии восприятия, а не в психологии памяти».⁵⁵

Основатель деятельностного подхода в психологии А.Н. Леонтьев (1903-1979) провёл ряд экспериментальных исследований развития памяти, в результате которых определил, что запоминание цифр и слов зависит от того, насколько громко или тихо их читают человеку, каким тембром и тоном. Если человек сможет приобрести господство над своей памятью, он сможет

⁵⁴ Выготский, Л.С. Психология развития человека. – М.: Смысл; Эксмо, 2005. – С. 593.

⁵⁵ Лурия, А.Р. Маленькая книжка о большой памяти. – М.: Изд-во Московского университета, 1968. – С. 23.

освободить свое поведение из-под власти автоматического воздействия прошлого.⁵⁶

Представитель харьковской психологической школы П.И. Зинченко, развивая идеи своего учителя А.Н. Леонтьева, разрабатывает *деятельностный подход* в психологии памяти. Результаты его исследований обобщены в работе «Вопросы психологии памяти».⁵⁷ Позже вышла его монография «Непроизвольное запоминание» (1961). По мысли автора, главная задача изучения памяти в современной психологии заключается в том, чтобы понять закономерности деятельности самого субъекта, то есть раскрыть собственно психологические закономерности. Исследование психической деятельности человека с учетом ее предметного содержания, а также субъекта этой деятельности не может не привести к конкретным представлениям об условиях, определяющих появление ассоциаций, и к точной оценке этих значения ассоциаций в процессах памяти.⁵⁸

Т.П. Зинченко, автор книги «Когнитивная и прикладная психология», развивает идеи своего отца. Она разделяет виды памяти на три группы в соответствии с основными критериями деятельностного подхода:

- 1) характером психической активности, преобладающей в деятельности (двигательная, эмоциональная, образная и словесно-логическая);
- 2) характером целей деятельности (непроизвольная и произвольная);
- 3) временем для закрепления и сохранения материала (кратковременная и долговременная).⁵⁹

Наряду с исследованиями в области психологии большую роль в понимании природы играют разработки социологов и культурологов.

⁵⁶ Леонтьев, А.Н. Развитие памяти (1931) // Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности: Ранние работы / под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. – М.: Смысл, 2003. – с. 251.

⁵⁷ Зинченко, П.И. Вопросы психологии памяти // Психологическая наука в СССР в 2-х тт. Т. 1. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. – 599 с.

⁵⁸ Зинченко, П.И. Непроизвольное запоминание. – М., Изд-во АПН РСФСР, 1961. – С.135.

⁵⁹ Зинченко, Т.П. Когнитивная и прикладная психология. – М.: МОДЭК, 2000. – С. 45.

1.4 Представление о памяти в социологии и культурологии

В XX веке, преимущественно во второй его половине, особое распространение приобретали понятия коллективной, социальной, исторической и культурной памяти. По мнению американского психолога Гарри Триандиса, «культура для общества – то же, что память для отдельного человека». ⁶⁰ Иными словами, культура включает в себе традиции, которые передают людям обычаи былых времён. Культурная память помогает воспринимать окружающий мир и самого себя, формировать представления о нормах поведения в обществе.

Основоположник научных исследований исторической коллективной памяти французский философ, социолог, социальный психолог Морис Хальбвакс (1877–1945) даёт объяснение реконструкции прошлого и локализации воспоминаний. Хальбвакс определяет память не как определенные воспоминания, а как культурное коллективное сознание. По мнению автора, коллективная память формируется определенной социальной группой, и различные обстоятельства воздействуют на её появление и развитие. Среди этих факторов важнейшими являются традиции семей, особенно «аристократических, где трепетно хранят память о славных деяниях и достоинствах великих предков, памятные традиции религиозных групп». ⁶¹

Ян Ассман пишет о двух функциях, которые выполняют воспоминание и минувшее, и выделяет два модуса коллективной памяти: модус базирующего воспоминания, связанного с истоком либо происхождением, и *модус биографического воспоминания*, которое соотносится с непосредственным экспериментом и его контекстом. Второй модус, то есть коммуникативная память, основывается на общественном взаимодействии. Воспоминание

⁶⁰ Триандис Гарри К. Культура и социальное поведение. Перевод В.А.Соснина. – М.: Форум, 2007. – С. 191.

⁶¹ Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина – М.: Новое издательство, 2007. – С. 117 – 118.

сворачивается в символические образы, к которым прикрепляется память о прошлом. Принадлежность человека к памяти культуры обычно является дифференцированной: с одной стороны, она побуждает к участию, но в то же время – отказывает в возможности участия. За сохранность механизма культурной памяти и безупречность его работы обычно отвечают такие ее носители, как жрецы, учителя, писатели, художники, ученые и др.⁶²

Д.С. Лихачёв размышляет об удивительно равнодушном отношении людей к кладбищам и пепелищам. Память человека, его отношение к предкам, родным и старым друзьям не может не быть связанной с общими воспоминаниями, так же как история, она формирует нравственный климат в обществе. Культура человека не просто обладает памятью, но это преимущественно и есть память. Культура всего человечества представляет собой его активную память, которая является неотъемлемой частью современности. «Память о прошлом, прежде всего, «светла» (пушкинское выражение), поэтична. Она воспитывает эстетически».⁶³

Как считает Ю.М. Лотман (1922 – 1993), один из первых разработавший структурно-семиотический метод в российской науке, в современных исследованиях по семиотике коллективная память исследуется как пространство определённой общей памяти, а именно пространство, где какие-то из общих текстов сохраняются и актуализируются.⁶⁴ Культура каждого народа сама определяет то, что нужно помнить, и то, что необходимо забыть. Со временем эта парадигма может изменяться. То, что следовало бы помнить, становится «как бы не существующим», а забытое – вновь делается важным для общества. Еще до эпохи Возрождения находили античные статуи, но их не хранили, уничтожали. Древнерусская икона была

⁶² Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 56 – 57.

⁶³ Лихачёв, Д.С. Письма о добром и прекрасном / сост. и общая ред. Г.А. Дубровской. – 3-е изд. – М.: Детская литература, 1989. – С. 199.

⁶⁴ Лотман, Ю.М. Память в культурологическом освещении // Ю.М. Лотман Семиосфера. – СПб.: Искусство–СПб, 2000. – С. 673.

известна в XVIII и XIX веках. Но только в XX веке она была признана высоким искусством и стала считаться культурной ценностью и сохраняться.⁶⁵

Кроме Ю.М. Лотмана семиотическую природу памяти рассматривали Р. Барт, Н.Г. Брагина, К. Леви-Стросс, Б.М.Гаспаров, О.Г. Ревзина, Б.Л. Иомдин, М.Фуко. Так, например, Н.Г. Брагина отмечает, что память концептуализируется в языке подобно произведению живописи, преобразуя прошлое в образы.⁶⁶ Подробнее мы рассмотрим эту и другие работы в следующем параграфе.

1.5 Феномен памяти как объект лингвистических исследований

В своё время известный русский языковед и философ А.А. Потебня (1835–1891) писал, что слово является не только средством понимать другого, но и средством понимать самого себя. Автор обращал внимание на то, что сила человеческой мысли основана не на способности вызывать словом прежние впечатления в сознании, а на том, чтобы заставить человека воспользоваться опытом своего прошлого.⁶⁷ Потебня говорит, что, когда человек вспоминает, он может забыть некоторые части предмета, которые он видел, и то, как они связаны с другими частями. Когда мы пытаемся восстановить в памяти тот или иной образ, мы сомневаемся в том, чем мы можем заполнить имеющиеся пробелы (а таких возможностей много) и связать вместе то, что представляется нами разрозненным. Так образуется кажущаяся неясность представлений, которая становится тем больше, чем обширнее поле человеческой фантазии.⁶⁸

⁶⁵ Там же. – С. 675.

⁶⁶ Брагина, Н.Г. Память в языке и культуре. – М.: Языки славянских культур, – (Studia Philologica). 2007. – С.49.

⁶⁷ Потебня, А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. – М.: Издательство «Лабиринт», 1999. – С. 122.

⁶⁸ Потебня, А. А. Эстетика и поэтика / ред. коллегия: М.Ф. Овсянников (пред.) и др. Сост., вступит, статья и примеч. И. В. Иваньо и А. И. Колодной. – М.: Искусство, 1976. – С.131.

Изучение памяти как абстрактного феномена и способов его отображения в языке представлено в современной лингвистике тремя взаимосвязанными ключевыми направлениями: когнитивным, лингвокультурологическим и дискурсивным.

О.Г. Ревзина в статье, которая посвящена этой теме, пишет: «Память и язык представляют собой две врожденных когнитивных способности человека».⁶⁹ Говоря о глубокой взаимосвязи между памятью и языком, автор выделяет так называемые «знаки памяти», которые определяются особым типом отношений между означающим и означаемым. К знакам памяти относятся так называемые иконические знаки, в которых означаемое и означающее находятся в отношениях сходства. Такое воспоминание есть образ. У индексальных знаков связь между означающим и означаемым основывается на принципе смежности, что можно обнаружить в таких следах памяти, в которых испытанное ощущение или предметная деталь предстают как знак чего-либо целого. «Наконец, память имеет дело с символическими знаками, когда отношение между означающим и означаемым основано на конвенции, – например, зарубки или узелки на память».⁷⁰ Приведенное высказывание представляется особенно важным для нашего исследования.

С точки зрения когнитивного аспекта ученые исследуют отдельный сегмент языковой картины мира, который соответствует области памяти с учетом его национально-культурной специфики.⁷¹

Феномену памяти посвящена монография Н.Г. Брагиной «Память в языке и культуре», где всесторонне анализируется концепт «память» и даётся лингвистическое, социологическое и культурологическое описание памяти. Автор рассматривает взаимоотношения между языком и пространством, между языком и временем, а также функции памяти: селективную,

⁶⁹ Ревзина, О.Г. Память и язык // Критика и семиотика. – Вып. 10. – Новосибирск, 2006. – С. 12.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Тивьяева, И. В. Теоретические подходы к исследованию памяти в современном отечественном языкознании // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 4. – С. 165.

интерпретативную и реверсивную. Селективная, или избирательная, функция памяти заключается в способности отбирать значимые отрывки прошлого для его хранения и отсекаать его незначимые фрагменты. Интерпретативная, или корректирующая, функция памяти выражается в возможности взаимодействовать с воображением и исправлять прошлое. Реверсивная функция памяти проявляется в возобновлении какой-либо части управляемого процесса воспроизведения прошлого.⁷²

Памяти и её функционированию посвящен раздел «Проспекта активного словаря русского языка», написанный Б.Л. Иомдиным. Этот раздел содержит словарные статьи, включающие лексемы, относящиеся к «идее памяти». Автор описывает ряд вопросов, которые представлены в работах по лингвистике, посвящённых лексике с семантическим компонентом 'память'. Это вопросы о типах памяти, различаемых языком; о соотношении явлений языка и данных таких наук, как биология, психология и психолингвистика; о метафорах, на которых основаны лексические единицы, описывающие память; об устройстве языковой модели памяти и так далее. Б.Л. Иомдин выделяет тринадцать групп слов, в зависимости от тех аспектов памяти, которые эти слова описывают.⁷³ Автор подробнейшим образом толкует и анализирует лексемы, которые связаны с памятью, приводит примеры из произведений разных авторов XIX и XX веков. Б.Л. Иомдин сравнивает слова, связанные с памятью, с ментальной лексикой из других областей. Например, он обращает внимание на то, что глагол *помнить* по типу информации отличается от других ментальных глаголов. «*Помнить* можно гораздо более широкий круг объектов и ситуаций, чем *понимать*».⁷⁴ В языке *память* представлена как некое вместилище, в котором содержится большая

⁷² Брагина, Н.Г. Память в языке и культуре. – М.: Языки славянских культур, – (Studia Philologica). 2007. – С. 159.

⁷³ Иомдин, Б. Л. Ментальная лексика: память и её функционирование // Проспект активного словаря русского языка / Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2010. – С. 365-366.

⁷⁴ Там же. С. 467.

часть информации, получаемой человеком, и которое имеет существенный объем. Информация может извлекаться из памяти помимо воли человека, бессознательно.⁷⁵ Обратимость памяти заключается в том, что постепенное забывание является нормальным развитием событий, а если информации в памяти долгое время сохраняется, это отмечается специально (*долго помнить*). Обратимость забывания, в свою очередь, проявляется в том, что можно совсем *забыть* что-то и через много времени *вспомнить*.⁷⁶

Анна А. Зализняк и Е.С. Кубрякова исследовали валентности таких русских имен существительных, как *память, воспоминанье, прапамять, забвение* с точки зрения когнитивной лингвистики.⁷⁷

Анна А. Зализняк отмечает, что говорящие на русском языке люди представляют *память* как «вместилище» (*сокровищница памяти, извлекать из памяти, рыться в памяти, объем памяти* и т.д.). Автор сравнивает память с большим чемоданом или чуланом, в котором хранятся «отпечатки» личного опыта, которые располагаются один под другими. Доступнее всего те, которые человек использует каждый день. Менее обычная информация находится глубже, она заслонена более новыми оттисками бытия. Совсем в глубине помещается то, чем мы никогда не пользуемся, о чем забыли. «...То, что человек *помнит*, и то, что человек *забыл*, находится в одном и том же вместилище. *Забыл* значит: в данный момент не могу воспользоваться тем, что имею».⁷⁸

Е.С. Кубрякова пишет, что память в русском языке характеризуется тем, что она локализуется в мозге, голове, рассудке, сознании, душе, сердце.⁷⁹ Виды памяти оказываются весьма разнообразными: впечатления и

⁷⁵ Там же. – С. 467-469.

⁷⁶ Там же. – С. 471-472.

⁷⁷ Тихомирова, Е.А. Мотив памяти в лирике А.А.Ахматовой // Polilog. StudiaNeofilologiczne. – nr 2. – SlupskAkademiaPomorskawSlupsku, 2012. – С. 360.

⁷⁸ Зализняк, Анна А. Концептуализация забвения по данным русского языка [Электронный источник] URL: www.ksu.ru/cogsci04/sod.php3

⁷⁹ Кубрякова, Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова *память* // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1991. – С. 86.

вспоминания могут быть сосредоточены в сознании, в сердце, в душе, в произнесенном слове, то есть место памяти различно. Кроме этого, сердце может помнить совершенно другое, чем то, что мы помним рассудком.⁸⁰

Значения слова *ПАМЯТЬ* в разных толковых и аспектных словарях современного русского языка рассматривает Л.С. Муфазалова в статье «Концепт *память* в русской языковой картине мира». Автор подробно исследует вербализованный компонент концепта «память», то есть инвариантную для всех носителей современного русского языка основу данного языкового концепта. Описывая языковые единицы как вербализаторы концепта в русской языковой картине мира, автор анализирует различные лексикографические источники и проводит исторический анализ слова *ПАМЯТЬ*. Л.С. Муфазалова группирует основные признаки концепта «память» следующим образом:⁸¹

- 1) способность человеческой души удерживать и воспроизводить в сознании события;
- 2) запас хранимых в сознании впечатлений прошлого;
- 3) мысль;
- 4) мораль, совесть;
- 5) церковная служба в честь умершего.

Г.А. Хайрутдинова рассматривает образно-ассоциативные связи лексемы *ПАМЯТЬ*, исследует, каким образом слово *ПАМЯТЬ* реализует свои потенции в качестве предмета сопоставления. Автор делает важный вывод о том, что образно-ассоциативные возможности *ПАМЯТИ* определяются разными факторами. Хайрутдинова обращает свое внимание на то, что в первую очередь это свойства самого понятия, которое обозначает слово, и,

⁸⁰Там же. – С. 87.

⁸¹ Муфазалова, Л.С. Концепт *память* в русской языковой картине мира. Вестник ИрГТУ. – 2014. – №9 (92). – С. 326.

кроме этого, расположенность человека к очеловечиванию всего, что составляет его внешний и внутренний мир.⁸²

Модели метафорических представлений феномена памяти анализирует Е.И. Баранчеева. Рассматривая метафорические употребления слова *ПАМЯТЬ* на материале примеров из Национального корпуса русского языка, автор выделяет шесть разных типов метафоризации памяти:⁸³

1) память как сосуд с жидкостью или водное пространство, которое имеет значимую глубину;

2) память как тесное и ограниченное пространство либо место, сопоставимое с разными топосами;

3) память как представление, которое выражается лексемами с компонентом 'свет';

4) память как «внутренний экран», на который вписываются образы;

5) память как киноплёнка, которую можно показать;

6) память человека как память компьютера.

Развитие памяти и реализация новой ментальной структуры, как правило, может осуществляться либо волей субъекта, либо внешними факторами, или какими-то совершенно необъяснимыми ситуациями, бесконтрольно или самопроизвольно.⁸⁴

В исследовании Т.И. Скоробогатовой обсуждается связь русской фразеологии и исторической памяти и приводится исчерпывающий список фразеологических единиц, которые соответствуют структурному формированию коллективной памяти. Автор характеризует национально-

⁸² Хайрутдинова, Г.А. Об образно-ассоциативных связях лексемы память: в контексте концепции инвариантности образа // Ученые записки казанского университета, Гуманитарные науки. 2015, Том 157, кн. 5. – С. 252.

⁸³ Баранчеева, Е.И. Особенности вербализации процессов памяти: лексикографические рамки и дискурсивная репрезентация // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2014. – № 4 (20). – С. 116–118.

⁸⁴ Баранчеева, Е.И. «Запечатленные образы» и их языковое воплощение: память как невидимый орган // Проблемы интерпретационной лингвистики: типы восприятия и их языковое воплощение: межвузовский сборник научных трудов – Новосибирск: Издательство НГПУ, 2013. – С. 83.

культурные параметры фразеологического ресурса как своеобразные маркеры прошлого, которые отразились во фразеологии национального языка и обусловлены избирательностью исторической памяти.⁸⁵

Об объёме культурной памяти фразеологизма пишет И.В. Зыкова, обращая внимание на то, что культурная память фразеологической единицы формируется культурными смыслами пяти взаимозависимых видов осмысления мира: философскими, научными, мифологическими, архетипическими и религиозными.⁸⁶

Е.В. Урысон характеризует память как «воображаемое устройство, представляемый орган, вместилище», и это устройство «может функционировать независимо от воли субъекта».⁸⁷ Автор соотносит эту особенность с одним из словарных толкований: неслучайно в Толково-комбинаторном словаре русского языка лексема *ПАМЯТЬ* определяется как «специальное устройство внутри организма X-а, которое воплощает способность X-а запоминать, помнить и вспоминать Z».⁸⁸

Некоторые значения и употребления слов, которые относятся к полю памяти, анализирует М.А. Дмитриевская в статье «Философия памяти». Автор рассматривает вопрос о связи памяти с восприятием, сознанием и мышлением. Образная память имеет отношение к идее времени и минувшей жизни человека, логическая память связана с запоминанием мыслей и их последующим воспроизведением в речи. При воспоминании прошлое переходит в настоящее, и параллельно существуют два «я», то есть нынешнее «я» человека и его прошлое «я», непосредственно участвующее в

⁸⁵ Скоробогатова, Т.И. Фразеология и историческая память: интериоризация нового знания в лингвистике (на материале французского языка): автореф. дис. ...д-ра филол. наук / Т. И. Скоробогатова. – Майкоп, 2013. – С. 14.

⁸⁶ Зыкова, И.В. Фразеологический знак: к вопросу об объёме его культурной памяти / И. В. Зыкова // Мир русского слова. – 2013. – № 1. – С. 45.

⁸⁷ Урысон, Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. – М.: Языки славянских культур, 2003. – С. 38.

⁸⁸ Апресян, Ю.Д. Память // Апресян, Ю.Д., Жолковский, А.К., Мельчук, И.А. Толково-комбинаторный словарь русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. – Wien: Wiener Slavistischer Almanach, 1984. – С. 559–571.

происходившем или выступающее в роли наблюдателя прошедших случаев, который созерцает этот процесс. В прошлом и настоящем человек отождествляет себя как одно и то же лицо, и на следующем этапе реализуется ощущение человеком одинаковости этих двух «я». К концу этого процесса человек снова осознаёт самого себя и возвращается в нынешний мир.⁸⁹

С точки зрения лингвокогнитивного подхода слово *ПАМЯТЬ* определяется с помощью различных эмоций и чувств, которые человек испытывает при прочтении произведений, вследствие чего возникают дополнительные смыслы. По мнению Н.В. Попиль, это способствует развитию смыслового поля концепта и демонстрирует совокупность знаний, достоинства культурной идентичности и характерных особенностей языковой личности.⁹⁰

Коммуникативная особенность художественного произведения, которое всегда представляет собой диалог между автором и читателями, дает памяти возможность воплощаться на основе ощущений, впечатлений, эмоций и переживаний. В диссертации Н.З. Коковиной показано, как отражается тема памяти в разных литературных жанрах русских писателей XIX века⁹¹. Определяя «память жанра» и «память мифа» в разных по форме художественных произведениях, автор анализирует архаические структуры и жанровые элементы воспоминания. Применяя исторический и социальный подход, Н.З. Коковина исследует категорию памяти в художественной антропологии данного века.

По мнению Е.Г. Озеровой, в прозаическом тексте память проявляется на двух уровнях восприятия. Первым уровнем является восприятие сознанием и дополнение его совокупностью чувственных воспоминаний-ассоциаций, а

⁸⁹ Дмитриевская, М.А. Философия памяти // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 80.

⁹⁰ Попиль, Н.В. Коннотативные смыслы концепта «память» (на материале текстов И.А. Бунина и А.И. Куприна) // Научные ведомости, Серия «Гуманитарные науки». – 2016. – № 28(249). Выпуск 32. – С. 33.

⁹¹ Коковина, Н.З. Категория памяти в русской литературе XIX века: дис. ... д-ра филол. наук. – Тверь, 2004. – 346 с.

вторым – порождение апперцептивной номинации на основе уже имеющегося у человека знания.⁹² Как пишет В.Ю. Даренский, поэтический текст возбуждает в человеке некую прапамять, которая предшествует человеческой памяти и является причиной возникновения прошлых чувств, прежнего внутреннего состояния.⁹³ Подход к проблеме памяти Д.С. Лихачёва позволяет соединить события, произошедшие в прошлом, настоящем и будущем. Как считает автор, прошлое благодаря памяти становится частью настоящего, а будущее можно предугадать благодаря соединению настоящего с прошлым.⁹⁴

Как мы видим, в работах по лингвистике память предстает как слово, образующее определенные смысловые поля, как источник метафоризации, как концепт и как тема разных по стилю и жанру речевых произведений.

Выводы

В первой главе феномен памяти был рассмотрен как предмет исследования в различных науках: философии, физиологии, психологии, социологии, культурологии, литературоведении и лингвистике. Изучение памяти как особого свойства сознания человека и стимула его деятельности имеет многолетнюю историю, но, несмотря на длительность этого процесса, многое в природе памяти остается загадкой. Это подтверждает открытие новых видов памяти учеными разных областей науки.

Древние философские учения явились основой для дальнейших исследований, связанных с темой памяти в философии Нового времени.

⁹² Озерова, Е.Г. Когнитивные аспекты апперцепции памяти. / Е.Г.Озерова, Н. В. Попиль // Сетевой научно-практический журнал Научный результат, Серия Вопросы теоретической и прикладной лингвистики, №2. 2014. – С. 92.

⁹³ Даренский, В.Ю. Поэзия как метафизическая память, Философия, искусство, метафизика, // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2011. №2(10). – С. 78.

⁹⁴ Лихачёв, Д.С. Письма о добром и прекрасном / сост. и общая ред. Г.А. Дубровской. – 3-е изд.– М.: Детская литература, 1989. – С. 199.

Одним из ключевых вопросов современной науки стал вопрос о взаимосвязи познания и памяти как важнейшей формы бытия человека. Большую роль в понимании природы памяти играют исследованиями в области психологии, социологии и культурологии. Одновременно с развитием науки изменялось понимание памяти в повседневном восприятии человека, что не могло не отразиться в языке.

Изучение феномена памяти в языкознании наиболее широко представлено в научных работах по семиотике, когнитивистике, лингвокультурологии и дискурсивной лингвистике. В работах по лингвистике память предстает как источник метафоризации, как денотат слова, образующего определенные смысловые поля, как культурный концепт и как тема разных по стилю и жанру речевых произведений.

Глава 2.

Лексико-семантическое поле «память» в современном русском языке

Исследование эстетической функции лексических единиц с семантическим компонентом 'память' в поэтическом языке Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой требует всестороннего рассмотрения слова *ПАМЯТЬ* и его производных в составе соответствующего лексико-семантического поля в современном русском языке.

2.1 Понятие лексико-семантического поля

Лексико-семантическое поле – одно из ключевых понятий современной лингвистики. Наряду с этим понятием используется термин *семантическое поле*. А.А.Уфимцева пишет, что существует множество различных пониманий этого термина: это сферы, понятийные круги, полисемантические слова и др. Но как бы мы ни толковали слово *семантический*, оно принадлежит, прежде всего, семантическому уровню⁹⁵.

Для нас особенно важно разграничить эти два термина. Семантическое поле является родовым понятием, а к видовым понятиям можно отнести лексико-семантическое, фразео-семантическое, лексико-фразеологическое и другие поля. В составе поля могут объединяться языковые единицы, которые относятся к различным уровням языка или грамматическим классам.⁹⁶

Как пишет К.А. Кочнова, определение *лексико-семантическое* указывает на лексическую природу элементов поля. Объединение единиц семантического поля происходит на основе наличия общих для всех

⁹⁵ Уфимцева, А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М.: Наука, 1968. – С. 263.

⁹⁶ Полевые структуры в системе языка / ред. З.Д.Поповой. – Воронеж: Издательство Воронеж.ун-та, 1989. – С.5.

компонентов простейших единиц смысла, то есть оно является полем плана содержания, фразео-семантическое поле включает в качестве основных компонентов фразеологические единицы. П.Гиро и Г.С. Щур выделяют так называемые морфосемантические поля, которые характеризуются семантически близкими элементами, имеющими общий аффикс или основу. Это группы слов, которые объединяются благодаря общности значений, то есть семантически, и, кроме этого, общностью входящих в них морфем. В качестве предмета анализа могут выступать и языковые средства разных уровней, объединяемые на основе общности выполняемых ими функций.⁹⁷ По концепции А.В. Бондарко, существует функционально-семантическое поле, которое основывается на определенной семантической категории и является группировкой лексических, грамматических и лексико-синтаксических единиц языка, которые взаимодействуют благодаря общности их семантических функций.⁹⁸

Термин «лексико-семантическое поле» является более предпочтительным, если при анализе какого-либо языкового явления по семантическому (понятийному) принципу объединяются лексические единицы. Благодаря этому возможно устранить разницу между значением данного термина и его внутренней формой, которая присуща термину «семантическое поле», «который диктует представление об области смыслов, значений вне их лексической объективации».⁹⁹ Нам представляется наиболее приемлемой точка зрения К.А. Кочновой. Для нас также важно высказывание автора о том, что «термин “лексико-семантическое поле”, является

⁹⁷ Кочнова, К.А. Дифференциация понятия «лексико-семантическое поле» в рамках изучения языковой картины мира // Филология и литературоведение. – 2015. – № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.snauka.ru/2015/05/1370>

⁹⁸ Теория функциональной грамматики / под.ред. А.В.Бондарко, М.А.Шелякина. – Л.: Наука, 1987. – С.11.

⁹⁹ Кочнова, К.А. Дифференциация понятия «лексико-семантическое поле» в рамках изучения языковой картины мира // Филология и литературоведение. – 2015. – № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.snauka.ru/2015/05/1370>

предпочтительным, если предметом исследования становится семантическая организация лексической системы языка личности (писателя)».¹⁰⁰

2.2 Принципы построения лексико-семантического поля «память»

В состав лексико-семантического поля «память» входят пять групп слов разных частей речи: имена существительные, имена прилагательные, глаголы наречия и предлоги в их прямых значениях, связанных семантическим компонентом 'память/забвение'.

При классификации одно и то же слово может входить в разные группы из-за того, что оно имеет несколько значений, выраженных соответствующими лексико-семантическими вариантами. В предложенной нами классификации представлены следующие группы:

I. Имена существительные с семантическим компонентом 'память'

1. Сохранение информации в памяти: *память¹, прапамять¹⁰¹*.
2. Свойство/способность человека помнить что-либо: *памятливость, злопамятность*.
3. Свойство чего-либо быть запоминаемым: *незабываемость, памятность*.
4. Запоминание чего-либо с усилием: *выучивание, долбёжка*.
5. Воспроизведение в памяти: *припоминание, воспоминание*.
6. То, что служит написанием:
 - 1) Общие названия: *напоминание, отпечаток*.
 - 2) Конкретные названия: *зарубка, памятка*.
7. Место памяти:
 - 1) Место для хранения культурного наследия: *библиотека, музей*.
 - 2) Место сохранения праха умершего: *кладбище, усыпальница*.
 - 3) Мемориальные сооружения и памятные здания: *монумент*,

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ В качестве примера приводятся две-три слова.

памятник.

8. Явления культуры, сохраняющие историческую память: *наследие, обычай.*

9. Записи или рассказы о прошлых событиях: *воспоминания, мемуары.*

10. Памятные предметы: *реликвия, медаль, сувенир.*

11. Наименования человека по роду занятий: *библиотекарь, мемуарист.*

12. Утрата памяти: *амнезия, забывчивость.*

II. Имена прилагательные с семантическим компонентом 'память'

1. Сохранившийся в памяти: *бессмертный, неизгладимый.*

2. Обладающий хорошей или плохой памятью: *памятливый, забывчивый.*

3. Запомненный с усилием: *вызубренный, затверженный.*

4. Относящийся к месту памяти:

1) Относящийся к месту хранения культурного наследия: *библиотечный, музейный.*

2) Относящийся к месту сохранения праха умершего: *кладбищенский, могильный.*

3) Относящийся к мемориальному сооружению: *монументный, обелисковый.*

5. Относящийся к явлению культуры, сохраняющему историческую память: *традиционный, обрядный.*

6. Относящийся к записям о прошлых событиях: *дневниковый, мемуарный.*

7. Относящийся к памятному предмету: *медальонный, сувенирный.*

8. Не сохранившийся в памяти: *забытый, покинутый.*

III. Глаголы с семантическим компонентом 'память'

1. Сохранять в памяти: *помнить, беречь.*

2. Сохраняться в памяти: *запечатлеваться, помниться.*

3. Прикладывать усилия, чтобы запомнить: *зубрить, усваивать.*

4. Восстанавливать в памяти: *вспоминать, воскрешать*.
5. Восстанавливаться в памяти *припоминаться, всплывать*.
6. Заставлять вспомнить: *попомнить, напоминаться*.
7. Переставать помнить: *забывать, запомнить*.
8. Переставать помниться: *забываться, изглаживаться*.

IV. Наречия:

1. Сохраняясь в памяти: *назубок, наизусть*.
2. Не сохраняясь в памяти: *беспамятно, самозабвенно*.

V. Предлоги: *памяти, в память о*.

VI. Устойчивые словосочетания с семантическим компонентом 'память':

1. Атрибутивные словосочетания

- 1) По отношению к человеку: *живая летопись, девичья память*.
- 2) По отношению к предмету или явлению: *мемориальная доска, вечный огонь*.

2. Глагольные словосочетания

- 1) Хранить в своей памяти: *брать/взять на заметку, завязать на память узелок*
- 2) Восстанавливать(ся) в памяти: *всплывать/всплыть в памяти, вставать как живой*
- 3) Заставлять запомнить или вспомнить: *вбивать/вбить в голову/голова, дарить на память*.
- 4) Переставать помнить(ся): *выбрасывать из головы /из памяти, былъем порости*.

3. Наречные словосочетания: *по старой памяти, на свежую память*.

4. Речевые формулы: *дай Бог память/памяти, не поминай(те) лихом*

В приведенной классификации в соответствии с научной традицией можно выделить тематические группы, образующие центр поля и его

периферию.¹⁰² Для лексем, входящих в центральные группы, сема «память/забвение» является ядерной. Они обладают меньшим числом дифференциальных признаков.

Таковыми являются группы существительных: «Сохранение информации в памяти», «Свойство/способность человека помнить что-либо», «Свойство чего-либо быть запоминаемым», «Запоминание чего-либо с усилием», «Воспроизведение в памяти», «Утрата памяти».

Среди прилагательных это следующие группы: «Сохранившийся в памяти», «Обладающий хорошей или плохой памятью», «запомненный с усилием», «Не сохранившийся в памяти»;

В центр поля можно включить все группы глаголов.

К периферийным можно отнести группы слов, обладающие более сложным, специализированным содержанием. Это группы существительных: «То, что служит напоминанием», «Место памяти», «Явления культуры, сохраняющие историческую память», «Памятные предметы», «Записи или рассказы о прошлых событиях», «Наименования человека по роду занятий»; группы прилагательных «Относящийся к месту памяти», «Относящийся к явлению культуры, сохраняющему историческую память», «Относящийся к памяtnому предмету», «Относящийся к записям о прошлых событиях». Ядром значения компонентов, входящих в эти группы, не является сема «память», она отступает на второй план.

По нашим наблюдениям слова с семантическим компонентом 'память/забвение' отражены в словарях по-разному, поэтому для большей объективности при толковании слов мы обращались к разным толковым словарям, а также энциклопедиям и специальным справочникам.

¹⁰² Новиков, А.Л. Эскиз семантического поля // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2011. – №2. – С.8-17.

Предпочтение отдавалось тем толкованиям, которые включают интересующий нас семантический признак 'память'.

2.3 Архилексема **ПАМЯТЬ** как центр лексико-семантического поля

В исследуемом лексико-семантическом поле ключевое понятие выражено архилексемой **ПАМЯТЬ**. Она же является именем поля. В современном русском языке это слово является многозначным и толкуется в разных словарях по-разному. Так, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова дается три значения:¹⁰³

Память. 1. Способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений, опыта. 2. То же, что воспоминание о ком-, чем-нибудь. 3. То, что связано с умершим (воспоминания о нем, чувства к нему).

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова встречается ещё два значения:

Память. 1. Способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления. 2. Воспоминание о ком-, чем-нибудь. 3. Поминание умершего день его смерти, а также самый этот день (разг., церк.). 4. Запись или книжечка с записями о чем-нибудь, что нужно помнить (устар.). 5. Деловое отношение, предписание (старин.).¹⁰⁴

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова слово **ПАМЯТЬ** определяется следующим образом:

Память. 1. Способность запоминать, сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления. Запас хранимых в сознании впечатлений. 2. Воспоминание о ком-, чём-либо. 3. Способность осмысленно воспринимать окружающее, отдавать отчёт в своих поступках, чувствах; сознание. 4. В

¹⁰³ Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: Оникс, 2008. – С. 481.

¹⁰⁴ Толковый словарь русского языка. В 4 т. / под ред. Д.Н.Ушакова Т. 3. – М.: Гос. издательство иностр. и национ. словарей, 1939. – С. 250.

России 16 – 17 вв.: вид служебной переписки. 5. информ. Составная часть компьютера, предназначенная для размещения, хранения и передачи информации в цифровой форме.¹⁰⁵

Пятое значение было отмечено только в этом словаре.

Широкое толкование значения слова *ПАМЯТЬ* мы находим в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка», в котором даётся 6 разных значений этого слово с примерами употребления. Но из 6-ти значений на интересуют только первые 4:

Память. 1. Способность запоминать, сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления. 2. Запас впечатлений, хранящихся в сознании и могущих быть воспроизведенными. *Хранить, беречь, держать в памяти*. 3. Воспоминание о ком-либо или чем-либо. *Приводить на память; приходить на память (кому). Для памяти, на память (записать, заметить и т. н.) Оставлять о себе, по себе и т.п. На память, в знак памяти (о ком, чем), в память чего.* || О том, что напоминает о ком-, чем-либо. || Воспоминание об умершем. *Чтить, сохранять и т.п. память кого, чью. Быть верным памяти кого, чьей; В память кого*. 4. *Устар.* День смерти кого-либо, посвященный воспоминаниям об умершем, обычно отмечаемый религиозными обрядами. 5. Способность мыслить, рассуждать, отдавать отчет в своих поступках, чувствах; сознание (*быть без памяти, без сознания*). 6. *Устар.* Письменное приказание, предписание.¹⁰⁶ Последние два значения не связаны собственно с памятью.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слово *ПАМЯТЬ* надделено значениями, которые позволяют соотнести её с духовной жизнью человека:

Память (мнить, мнети). Способность помнить, не забывать прошлого; свойство души хранить, помнить, сознание о былом; памятованье или

¹⁰⁵ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. – с. 777.

¹⁰⁶ Словарь современного русского литературного языка в 17 томах / под ред В.И. Чернышева. – М.: Академия Наук СССР, 1950-1965 (БАС). Т. 9. – С. 90-96

воспоми́нанье; памятная записка; стар. письменное отноше́нье, деловое сообще́нье, предписа́нье, записка; церковная служба в честь святых, а также поминовение усопших.¹⁰⁷

Точное и четкое определение значения слова *ПАМЯТЬ*, на наш взгляд, дается в словаре Т.Ф. Ефремовой¹⁰⁸:

Память

1. Способность запоминать, сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления.
2. Запас впечатлений, хранящихся в сознании и могущих быть воспроизведенными.
3. а) Воспоминание о ком-либо или чем-либо.
б) То, что напоминает о ком-, чем-либо.
4. устар. Воспоминания об умершем в день смерти кого-либо. (обычно отмечаемый религиозными обрядами).
5. Способность мыслить, рассуждать, отдавать отчет в своих поступках, чувствах; сознание.

В приведённой выше работе Б.Л. Иомдина «Ментальная лексика: память и её функционирование» даётся наиболее полное толкование слова *ПАМЯТЬ* и приводится много примеров. Данное слово здесь определяется следующим образом:¹⁰⁹

Память 1.1 «Способность человека А1 хранить и воспроизводить в своем сознании ранее воспринятые им образы объектов, испытанные им ощущения и иную полученную им информацию класса А2, или невидимый орган в голове человека А1, реализующий эту способность».

¹⁰⁷ Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т.: – М.: Рипол классик, 2006. Т. 3. – С. 14.

¹⁰⁸ Толковый словарь Ефремовой. 2012. [Электронный ресурс]. – URL: <https://slovar.cc/rus/efremova-tolk/324874.html>

¹⁰⁹ Иомдин, Б. Л. Ментальная лексика: память и её функционирование // Проспект активного словаря русского языка / Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2010. – С. 485-488.

Память 1.2 «Компонент электронного устройства А1, служащий для записи, хранения и выдачи информации – как бы память А1».

Память 1.3 «Способность вещества или устройства А1 воспроизводить какие-либо свои прежние характеристики – как бы память А1».

Память 2.1 «Хранящаяся в памяти человека или людей А1 информация А2».

Память 2.2 необходим. «Образ умершего человека А1, хранящийся в памяти других людей, обычно связанный с хорошим отношением к А1».

Память 3 уходящ. «Объект А1, связанный с событием или человеком А2 и вызывающий воспоминания об А2, обычно хорошие».

Память 4 «Способность человека А1 в описываемый момент воспринимать окружающее и реагировать на происходящее, обеспечивающая нормальное состояние человека А1, или само это нормальное состояние в описываемый момент».

В этимологическом словаре слово *ПАМЯТЬ* дается как общеславянское, образованное при помощи приставки *па-* от существительного **mьntь* (>*мять*), являющегося производным посредством суффикса *-ть* от той же основы (*мьн-*), что и *мнить*.¹¹⁰

2.4 Классификация единиц лексико-семантического поля «память»

2.4.1 Имена существительные с семантическим компонентом 'память' (161)

1. Сохранение информации в памяти (10)

Архивация [*архив* лат. *archivum* присутственное место]. Действие по глаголу *архивировать* (Крысин, с. 91).

¹¹⁰ Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. изд. 2-е, исп. и доп. Под ред. чл. кор. АН СССР С.Г. Бархударова. – М.: Просвещение. 1971. – С. 324.

Архивирование [*архив* лат. *archivum* присутственное место]. 1. Процесс действия по несомновершенному глаголу *архивировать* 2. Результат такого действия. (Ефремова)

Коммеморация [фр. *commémoratie* памятная записка]. Сохранение в общественном сознании *памяти* о значимых событиях прошлого. Понятие введено французским ученым Пьером Нора.¹¹¹

Летописание. Составление *летописей* (Кузнецов, с. 494).

Памятование (*Памятованье*). устар. Сохранение, удержание в *памяти* чего-либо (Кузнецов, с. 777).

Память. 2. Запас впечатлений, хранящихся в сознании и могущих быть воспроизведенными. Ефремова 5. Информ. Составная часть компьютера, предназначенная для размещения, хранения и передачи информации в цифровой форме (Кузнецов, с. 777).

Прапамять. Значения слово *прапамять* в толковых словарях отсутствует, но в электронном словаре синонимов В.Н.Тришина толкуется как синоним к *памяти*. (Тришин). **Пра-** Первая часть сложных слов. 1. Вносит значение: первоначальный; исконный, древний. Праистория, *прапамять*, прародина, праславянский, праязык (Кузнецов, с. 951)

Сохранение. Действие по значению *сохранить* (Даль, т. 4, с. 284).

Хранение. Действие по глаголу *хранить* в значении *помнить* (Кузнецов, с. 1453).

Мнемозина [греч. *μνημοσύνη* Мнемосина] 1. Богиня памяти, мать девяти муз (в древнегреческой мифологии). 2. Употребляется как поэтический символ памяти (Ефремова, т. 2, с. 89).

¹¹¹ Нора, П. Франция-память / П. Нора [и др.]; пер. с франц. Д. Хапаевой. – СПб.: Изд-во СПбУ, 1999. – С. 39.

2. Свойство/способность человека помнить что-либо (б)

Гипермнезия [греч. *hyper* над, сверх + *mnēsis* воспоминание]. Психол., мед. В патологии сохранение в памяти обилия мелких, несущественных, случайных деталей; г. возникает также под гипнозом и в сновидениях, ее демонстрируют лица с так называемой феноменальной памятью – *мнемонисты* (Комлев, с. 33).

Памятливость. Разг. Отвлеч. сущ. к *памятливый*; способность твердо помнить что-нибудь, легко *запоминать* (Ушаков, т. 4, с. 251).

Память. 1. Способность запоминать, сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления (Ефремова).

Злопамятность. Свойство по прилагательному *злопамятный* (БАС. т. 4, с. 1256).

Злопамятство. То же, что *злопамятность* (Кузнецов, с. 366).

Эйдетизм [греч. *eidōs* образ]. Психол. Разновидность образной памяти, способность сохранять яркие образы предметов долгое время спустя после исчезновения их из поля зрения (Комлев, с. 135).

3. Свойство чего-либо быть запоминаемым (б)

Бессмертие. 2. *Перен.* Сохранение влияния, воздействия на последующие поколения; неувядаемая слава (Ефремова). Слово *бессмертие* включает семантический признак ‘незабываемый’.

Незабываемость. Свойство по прилагательному *незабываемый*.

Неизгладимость. Свойство по прилагательному *неизгладимый*.

Памятность. Свойство или качество по прилагательному *памятный* (Даль, т. 3, с. 14).

Ретроспективность [фр. *retrospektif* оглядывающийся назад, в прошлое от лат. *retrō* обратно, назад + *spectāre* смотреть]. Свойство *ретроспективного* (Крысин, с. 673).

Традиционность [*традиция* лат. *trāditio* передача; передание]. Существительное по значению прилагательного *традиционный* (Ефремова, т. 3, с. 546).

4. Запоминание чего-либо с усилием (7)

Выучивание. Длительное действие по глаголу *выучивать* (Даль, т. 1, с. 386).

Долбёжка. разг. Действие по значению *долбить* к 4 и 5 значению (Ожегов, с. 173).

Затверживание. Длительное действие по глаголу *затверживать* (Даль, т. 1, с. 700).

Заучивание (*заучиванье*). Действие по значению *заучивать* (Даль, т. 1, с. 710).

Зубрёжка. Действие по глаголу *зубрить* (Ефремова)

Зубрение. Действие по значению *зубрить* (Даль, т. 1, с. 747).

Мнемоника [фр. *mémonique* < греч. *μνημη* память]. Совокупность приемов, имеющих своей целью облегчить запоминание возможно большего числа сведений, фактов и т. п. (БАС, т. 6, с. 1077).

5. Воспроизведение в памяти (14)

Ана́мнесис [греч. *ανσιυvρiοiγ* припоминание]. Идея-метафора древнегреческой философии, в соответствии с которой путь к истинному познанию лежит через воспоминание души о её пребывании в более реальном и совершенном мире (Гайденко, с. 121).

Воспоминание (*воспоминанье*). Мысленное воспроизведение чего-либо прошедшего, сохранившегося в памяти (Кузнецов, с. 152).

Вспоминание. Длительное действие по значению *вспоминать* (Даль, т. 1, с. 313).

Освежение. Восстановление в памяти.

Память. 2. Воспоминание о ком-, чём-либо. (Кузнецов, с. 777).

Припоминание. Действие по значению *припоминать*.

Проблеск. Слабое проявление чего-нибудь (обычно каких-либо способностей, чувств и т.п.) (Ожегов, с. 605)

Промельк. Действие по значению *промелькнуть* – возникнуть, появиться на мгновение (о мысли, воспоминании и т. п.) (Евгеньева МАС, т. 3, с. 501).

Реминисценция [фр. *reminiscence* смутное воспоминание < лат. *reminiscētia* воспоминание]. Книжн. 1. Смутное воспоминание, а также явление, наводящее на воспоминание, на сопоставление с чем-либо (Баш, с. 660).

Ретроспектива [фр. *retrospektif* оглядывающийся назад, в прошлое от лат. *retrō* обратно, назад + *spectāre* смотреть]. 2. Демонстрация произведений одного художника или кинорежиссера во временной последовательности их создания, переходя от настоящего к прошлому (*в искусстве и кинематографии*) (Ефремова).

Ретроспекция [лат. *retrō* обратно, назад + *spectāre* смотреть] мн. нет. То же, что *ретроспектива* (Крысин, с. 673).

Тоска. 2. Когда кто-либо испытывает тоску по чему-либо, он с грустью вспоминает какие-либо прошедшие события, которые не повторятся, или места, куда трудно или невозможно вернуться (Дмитриев, с. 1370).

Узнавание. Восстановление в памяти прежде воспринятого, опознание воспринимаемого объекта, который уже известен по прошлому опыту.¹¹²

Упоминание (*упоминанье*). 1. Действие по значению *упоминать* (Евгеньева МАС, т. 4, с. 504).

¹¹² Азимов, Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) // Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М.: Издательство ИКАР, 2009. – С. 320.

6. То, что служит напоминанием (18)

1) Общие названия (10)

Напоминание. То, что заставляет вспомнить кого-, что-либо (Кузнецов, с. 563). Обращение, напоминающее о чём-нибудь (Ожегов, с. 389).

Отголосок. 3. То, в чём обнаруживаются следы воздействия чего-либо; отзвук (Кузнецов, с. 742).

Отзвук. То, что *напоминает* о чём-либо; неясное указание на что-либо, отголосок (3 зн.). *Отзвуки прошлого* (Кузнецов, с. 746).

Отклик. 3. Отражение чего-либо; след, пережиток (Кузнецов, с. 747).

Отпечаток. То же, что *след* в 5 значениях. (Кузнецов, с. 756).

Память. О том, что (или кто) является напоминанием о ком-либо, о каком-либо событии, происшествии и т.п. (Ефремова)

Реминисценция [фр. *reminiscence* смутное воспоминание < лат. *reminiscēntia* воспоминание]. Книжн. 2. Отзвук, отголосок, неосознаваемая скрытая цитата чужого или своего собственного более раннего произведения в музыке, поэзии и т.п. (Баш, с. 660).

След. 5. Перен. То, что осталось как результат чего-либо или как *воспоминание* о чём-либо. *Неизгладимый след* (Кузнецов, с. 1207).

Упоминание. 2. Замечание, слова, касающиеся кого-, чего-либо (Евгеньева МАС, т. 4, с. 504).

Эхо. 2. *Отзвук*, отклик чего-либо. *Эхо минувших событий*. (Кузнецов, с. 1528).

2) Конкретные названия (8)

Заметка. 1. Знак, сделанный на чём-либо; отметка. 2. Краткая запись о чём-либо (Кузнецов, с. 333).

Зарубка. Выемка или заметка, сделанная на чем-либо топором или иным рубящим орудием (Евгеньева МАС, т. 1, с. 567).

Затесь. *Метка*, зарубка на деревьях на память (Евгеньева МАС, т. 1, с. 583).

Метка. Знак, сделанный на какой-либо вещи, на каком-либо предмете и т. п. (для отличия их от других подобных) (БАС, т. 6, с. 919).

Напоминалка. В разговорном языке используется для того, чтобы обозначить то, что напоминает людям что-либо в нужном моменте.

Отметина. Метка, знак, поставленный для обозначения чего-либо, указания на что-либо. // След, отпечаток на какой-либо поверхности. (Кузнецов, с. 752).

Памятка. 1. Запись, перечень необходимых дел, того, что нужно помнить (МАС, т. 3, с. 15).

Узелок. Угол платка или куска ткани с завязанными в нем какими-либо предметами на память (БАС, т. 16, с. 398).

7. Место памяти (27)

«Место памяти» [фр. *lieu de mémoire*] – понятие, введённое французским учёным Пьером Нора в начале 80-х годов XX века.¹¹³ Оно воплощает в себе единство духовного и материального, которое со временем и по воле людей стало символическим элементом наследия национальной памяти общности.

1) Место для хранения культурного наследия (3)

Архив [лат. *archivum* присутственное место]. 1. Учреждение, занимающееся хранением, систематизацией и описанием рукописных памятников прошлого (Кузнецов, с. 48).

Библиотека [греч. *biblíon* книга и *thēkē* хранилище, ящик]. Учреждение или отдел какого-либо учреждения, собирающие и хранящие книги, периодику, памятники письменности для общественного пользования (Кузнецов, с. 77).

Музей [фр. *musée* т., *muséum*, > нем. *museum* < гр. *museion* храм муз]. 1. Учреждение, занимающееся собиранием, хранением и выставкой для

¹¹³ Нора, П. Франция-память / П. Нора [и др.]; пер. с франц. Д. Хапаевой. – СПб.: Изд-во СПбУ, 1999. – С. 39.

обозрения *памятников истории, искусства*, научных коллекций (Епишкин, с. 3030).

2) Место сохранения праха умершего (16)

Гробница. Сооружение из камня, в котором *хранится прах умершего*; усыпальница (Ефремова).

Захоронение (*захороненье*). Место погребения, *могила* (Кузнецов, с. 355).

Захоронение. 2. Место погребения; могила. (Ефремова).

Кладбище. Место, предназначенное для погребения умерших (Евгеньева МАС, т. 2, с. 53).

Колумбарий [лат. *columbarium* голубятня]. Место, где устанавливаются после кремации урны с прахом. (Кузнецов, с. 442).

Мавзолей [греч. *mausōleion* гробница Мавсола – царя Карики (375-351 гг. до н. э.)]. Большое надгробное *мемориальное* сооружение (Ефремова).

Могила. Место погребения; холм (обычно с каким-либо сооружением) на месте погребения (Кузнецов, с. 549).

Могильник. 1. Древнее *кладбище*, место многих погребений, захоронений (Кузнецов, с. 549).

Надгробие (*надгробье*). 1. Надгробный камень, *памятник* или другое *памятное сооружение* на могиле (Ожегов, с. 379).

Некрополь [от греч. *nekrós* мёртвый и *rólis* город]. 1. В странах древнего Востока и в античном мире: *кладбище, могильник*. 2. *Кладбище*, на котором похоронены знаменитые люди (Кузнецов, с. 626).

Погост. Сельское *кладбище* (Кузнецов, с. 856).

Погребение. 2. Место захоронения, *могила* (Кузнецов, с. 857).

Саркофаг [греч. *sarkophagos* букв. пожирающий мясо]. Гроб, или *могильный памятник* в виде гроба, или такой же отдельный *памятник* (Даль).

Склеп [польск. *sklep* свод, подвал]. 1. Внутреннее помещение *гробницы*, расположенной обычно ниже уровня земли (в церкви или на кладбище) (Ефремова).

Урна [лат. *urna*]. 1. Сосуд – обычно в виде вазы – для хранения праха умершего, подвергнувшегося кремации (Ефремова). // Надгробный памятник в виде такого сосуда как символ смерти (Ефремова).

Усыпальница. *Склеп*, помещение для погребения, обычно членов одного рода, одной семьи (Ожегов, с. 842).

3) Мемориальные сооружения и памятные здания (8)

Мемориал [фр. *memorial* от лат. *memoriālis: memōria* память]. Мемориальное архитектурное сооружение, мемориальный комплекс (Ожегов, с. 350).

Монумент [нем. *Monument* > фр. *monument* > лат. *monumentum* памятник > *mōnere* напоминать]. Архитектурное или скульптурное сооружение в память о каком-нибудь историческом лице, событии (Ожегов, с. 365).

Обелиск [греч. *obelískos* букв. небольшой вертел]. Памятник, сооружение в виде пирамидального суживающегося кверху, обычно гранёного каменного столба. (Кузнецов, с.665).

Памятник. 1. Архитектурное или скульптурное сооружение в честь человека или события, предназначенное для сохранения *памяти* о нём (Апресян, с. 757).

Пепелище. 2. Перен. Родной дом, родное место, где жил прежде (Ефремова)

Развалины. 1. Остатки разрушенного (разрушившегося) строения, поселения. // Перен. То, что осталось, уцелело от чего-либо исчезнувшего, ушедшего (Евгеньева МАС, т. 3, с. 588).

Руины [от лат. *ruina* обвал, развалины]. Развалины какого-либо сооружения или населённого пункта, в ряде случаев являющиеся археологическими или историческими памятниками. (БСЭ)

Стела [греч. *stela* столб]. Каменный столб или плита с надписью или рельефным изображением, поставленные в качестве надгробья, в память о каком-л. событии и т.п. (Ефремова).

8. Явления культуры, сохраняющие историческую память (22)

С передачей от предшествующих к новым поколениям явлений культуры, обеспечивающих то, чтобы сохранилась историческая память, связаны такие номинации, как *традиция, предание, обычай, наследие* и др.

Годовщина. День, в который заканчивается полный год от начала какого-либо события; празднование этого события (БАС, т. 4, с. 205).

Дата. 2. Точное календарное время какого-либо события. *Памятная, незабываемая дата. Знаменательная дата* (БАС, т. 3, с. 289).

Девятины. Поминки в девятый день кончины (Даль).

Завет. То, что вошло в традицию, установилось с давнего времени (Кузнецов, с. 313). Обычай, унаследованный от прошлого (Ефремова).

Литургия [греч. *leiturgia*, от *leitos* общественный + *ergon* дело, труд]. Богослужение в православной церкви, в котором совершается таинство св. евхаристии; обедня, служба в *воспоминание* всей земной жизни Иисуса Христа. (Чудинов) «По своему существу Литургия, в церковном православно-христианском самосознании, есть таинство воспоминания – воспоминания о Христе».¹¹⁴

Месса [лат. *missa* отпущение]. Римско-католическая *литургия*. (Чудинов)

Наследие. Явление культуры, быта, унаследованное, воспринятое от прежних поколений, от предшественников (Кузнецов, с. 600).

Наследство. То, что передаётся кому-либо его предшественником или предшествующими поколениями (обычно во владение) (Кузнецов, с. 600).

Обряд. Совокупность установленных *обычаем* действий, в которых воплощаются религиозные представления или бытовые традиции (Кузнецов, с. 685).

¹¹⁴ Постовалова, В.И. «Памяти животворящий свет... » (к герменевтике литургического воспоминания) // Предвосхищение и язык: Материалы Всероссийской научной конференции, сентябрь 2012 год. – М.: Изд-во СГУ, 2012. – С. 51–82.

Обычай. Традиционно установившиеся правила общественного поведения (Ожегов, с. 442).

Панихида [греч. *pannychida* всенощная]. 1. Христианская церковная служба, совершаемая над телом умершего, а также в годовщину его смерти или рождения. 2. Панихида гражданская – траурный митинг возле гроба (урны с прахом), посвященный *памяти* умершего (Ефремова).

Помин. *Поминание*, поминовение, в память об умершем (Ожегов, с. 559).

Поминание. 2. Во время *литургии*: упоминание священником имени умершего, призванное облегчить участь их душ. (Ожегов, с. 559).

Поминки. Обрядовое угощение в память умершего (Кузнецов, с. 915).

Поминовение (*поминовенье*). 2. Молитва о здоровье живого или об упокоении умершего (Ожегов, с. 559).

Реквием [от первого слова латинского текста: *reguiem aeternam dona eis* покой вечный дай им] 1. В католической церкви: заупокойное богослужение. (Кузнецов, с. 1114)

Сороковины, сорочины. 1. Сороковой день после чьей-либо смерти. 2. Церковная поминальная молитва об умершем в сороковой день после его смерти. Поминки в такой день (Ефремова).

Сорокоуст. (церковное) ежедневное молитвенное поминание в течение сорока дней на Литургии, совершаемое священнослужителями в Русской Православной Церкви. (Викисловарь)

Традиция [лат. *trāditio* передача; передание]. 1. То, что сложилось исторически и передается из поколения в поколение путем преданий, устно или письменно (идеи, знания, взгляды, образ действий и т.п.) (Ефремова)

Третины. Поминки по усопшем на третий день (Даль).

Тризна. 2. В христианской религии: церковный обряд похорон или *поминовения* усопшего (Кузнецов, с. 1345).

Юбилей [от лат. *jubilaeus (annus)* юбилейный (год)]. Годовщина чьей-либо жизни, деятельности, существования кого-, чего-либо (обычно о круглой дате) (Кузнецов, с. 1528).

9. Записи или рассказы о прошлых событиях (16)

Воспоминания. Только мн. Записки или рассказы о прошлом; *мемуары* (Кузнецов, с. 152).

Дневник. 1. Ведущиеся изо дня в день записи каких-либо фактов, событий, наблюдений и т. п. во время путешествия, экспедиции или каких-либо занятий, деятельности. // Книга, журнал, в которые записываются наблюдения, события и т. п. 2. Тетрадь для записи заданных ученику уроков и для выставления оценок. (Евгеньева МАС, т. 1, с. 406).

Записки. Чьи-либо наблюдения, замечания, воспоминания (Кузнецов, с. 337).

Летопись. Всякая регулярная запись исторических событий, дневник, хроника (Евгеньева МАС, т. 2, с. 179).

Мемуаристика [фр. *mémoire* память, воспоминание]. 1. Литературный жанр, основанный на воспоминаниях, описаниях очевидца. 2. собир. = Мемуары. (Кузнецов, с. 532).

Мемуары [фр. *mémoire* память, воспоминание]. Воспоминания. (Епишкин, с. 2873). Литературное произведение в форме записок о прошлых событиях, современником или участником которых был автор (Ушаков, с. 294).

Обрядник. Сборник описаний обрядов (БАС, т. 8, с. 428).

Память. 4. В России 16 – 17 века: вид служебной переписки (Кузнецов, с. 777).

Предание. Переходящий из уст в уста, от поколения к поколению рассказ о былом, легенда (Ожегов, с. 579).

Сувенир [фр. *souvenir* воспоминание, память]. 2. устар. Род записной книжки, которую носят при себе, и в которой находятся таблетки или пергаментные

листки, связанные между собою, для записывания чего-нибудь для *памяти*, перочинный ножик и прочие. (Епишкин, с. 4243-4244).

Запись, которая сделана в честь умершего для того, чтобы его помнили и поминали всегда, остаётся как последняя память тем, кто сохраняет его в своем сердце. Эти наименования приведены ниже:

Мартиролог [гр. *martyrologos* < *martyros* мученик, свидетель + *logos* слово, сказание] 1. Сборник повествований о христианских мучениках. 2. *перен.* Перечень пострадавших, замученных, а также перечень пережитых кем-н. страданий, фактов преследования (Крысин, с. 464).

Надгробие (*Надгробье*). Надпись на могильном *памятнике* (Ожегов, с. 379).

Памятцо. Тетрадь, лист бумаги, куда вписывали имена умерших, поминаемых на панихидах (Ефремова).

Поминальник (*помянник*). Синодик, поминальная книжка (Даль, т. 3, с. 273).

Синодик [греч. *synodikón* сопутствующее]. церк. Памятная книжка, в которую вносятся имена умерших для поминовения их во время богослужения (Кузнецов, с. 1187).

Эпитафия [греч. *epitáphios* надгробный]. Стихотворение, написанное по поводу чьей-либо смерти (Кузнецов, с. 1524).

10. Памятные предметы (10)

Антиквариат [лат. *antiquus* старый] Старинные и ценные предметы (картины, книги и т.п.). (Ефремова)

Архив [лат. *archivum* присутственное место]. 2. Собрание писем, рукописей, документов, фотографий, относящихся к деятельности какого-либо учреждения, общества, лица (Кузнецов, с. 48).

Медаль [фр. *médaille* < ит. *medaglia* < лат. *metallia* (*moneta*) металлическая (монета)]. О знаке, изготовленном *в память* какого-либо исторического события или выдающегося деятеля (Кузнецов, с. 528).

Медальон [фр. *medallion* из ит. *medaglione* от лат. *metallia (moneta)* металлическая (монета)]. 1. Ювелирное изделие – обычно овальной или круглой формы – в виде небольшого плоского футляра, в который помещается чье-либо изображение или вкладывается что-либо *памятное*, носимое на шее. (Ефремова)

Памятка. 2. раз. Предмет, служащий напоминанием о ком-, чём-либо (Евгеньева МАС, т. 3, с. 15).

Памятник. 3. устар. Что-либо являющееся напоминанием о ком-, чем-либо; *памятка* (БАС, т. 9, с. 86-87).

Реликвия [лат. *reliquiae* остатки, останки]. Вещь, хранимая как память о прошлом и являющаяся предметом почитания (Евгеньева МАС, т. 3, с. 704).

Реликт [лат. *relictut* остаток]. Организм, вещь или явление, сохранившиеся как пережиток древних эпох (Кузнецов, с. 1116).

Сувенир [фр. *souvenir* воспоминание, память]. 1. Подарок на *память*; вещь, связанная с воспоминаниями о ком-либо, чем-либо (БАС, т. 14, с. 1141). 5. устар. Вид ювелирного украшения на память (Епишкин, с. 4243-4244).

Фотография [фр. *photographie* < греч. *phōs (phōtos)* свет + *graphō* пишу]. Изображение, отпечаток, полученные посредством фотографирования; снимок. (Ефремова). Фиксация памятных моментов (уточнение наше – Э.К.).

11. Наименования человека по роду занятий (10)

Существительные данной группы называют специальности, связанные с культурной памятью, хранением культурного наследия, а также развитием памяти.

Антиквар [лат. *antiquarius* любитель, знаток древностей]. 1. Торговец антиквариатом; продавец антикварных вещей в специализированном магазине или отделе. 2. Знаток и собиратель антиквариата (Кузнецов, с. 48).

Архивариус [лат. *archivarius* < *archivum* присутственное место]. Сотрудник или хранитель *архива* (Кузнецов, с. 48).

Архивист [фр. *archiviste* < лат. *archivum* присутственное место]. Специалист по архивному делу (Кузнецов, с. 48).

Архивщик [*архив* лат. *archivum* присутственное место]. раз. *Архивист*, специалист по архивному делу (Кузнецов, с. 48).

Библиотекарь [*библиотека* греч. *biblíon* книга и *thēkē* хранилище, ящик]. Работник *библиотеки*, осуществляющий обработку, хранение и выдачу книг. (Ефремова, т. 1, с. 166).

Летописец. Составитель *летописи* (Кузнецов, с. 494).

Мемуарист [фр. *mémoire* память, воспоминание]. Автор мемуаров. (Кузнецов, с. 532).

Мнемоник [греч. *mnētonikos* обладающий хорошей памятью]. Специалист по укреплению памяти мнемоническими методами (Ефремова).

Музейщик [*музей* греч. *mouséion* Дом муз]. Разг. Работник музея, специалист по музейному делу (Ожегов, с. 369).

Хранитель. Название некоторых должностных лиц в *библиотеках, музеях, архивах* (Ожегов, с. 868).

12. Утрата памяти (15)

Амнезия [греч. *a* отрицание + *tnesis* воспоминание]. Полное отсутствие памяти, когда человек не может воспроизвести ранее образовавшиеся понятия, представления. (Егорова, с. 36).

Беспамятство. 3. устар. Потеря памяти (Ефремова, т. 1, с. 154).

Забвение (*забвенье*). Устар. и высок. Утрата *воспоминаний, памяти* о ком-либо или чём-либо. (Кузнецов, с. 310).

Заброшенность. Свойство по прилагательному *заброшенный* (забытый).

Забывание. Неспособность припомнить или узнать, либо в ошибочном припоминании и узнавании.¹¹⁵

Забывчивость. Свойство по прилагательному *забывчивый*; недостаточность памяти (Евгеньева МАС, т. 1 с. 497).

Забывать. Лёгкое беспамятство (Кузнецов, с. 312).

Запустение. Состояние запущенности, упадка. (Ожегов, с. 217).

Запущение. *Запущенность, запустение.* (Ефремова, т. 1, с. 760).

Запущенность. Свойство по прилагательному *запущенный*.

Лета [греч. *Lēthē* забвение]. Река забвения подземного царства, в древнегреческой мифологии, вода её заставляла души умерших забыть о жизни на земле, все прошлое (Егорова, с. 377).

Летаргия [от греч. *lethe* забвение и *argia* бездействие]. Патологическое состояние, характеризующееся утратой двигательных способностей, потерей сознания и глубоким продолжительным сном (Ушаков).

Провал. Перен. Перерыв в восприятии окружающего; *потеря памяти, сознания* (Ефремова).

Самозабвение. 1. Забвение своих личных интересов во имя кого-либо, чего-либо; самопожертвование, самоотречение (Ефремова).

Склероз [греч. *skleros* твердый]. 2. Разг. Ухудшение памяти; забывчивость (Ефремова).

2.4.2 Имена прилагательные с семантическим компонентом 'память' (67)

1. Сохранившийся в памяти (18)

Бессмертный. 1. Не подверженный смерти, живущий вечно. Народ бессмертен. 2. высок. Остающийся навсегда в памяти людей (Ожегов, с. 46).

¹¹⁵ Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. – М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

Достопамятный. 1. Устар. Замечательный, достойный сохранения в памяти об исторических эпохах, событиях и памятных местах, связанных с ними. // Заслуживший память потомков (о человеке). 2. Надолго сохранившийся в памяти, памятный (Кузнецов, с. 280).

Заветный. Особенно ценимый, оберегаемый, свято хранимый (Кузнецов, с. 313).

Коммеморативный [фр. *commémoratif*]. Памятный, мемориальный. Совершаемый в память чего-, кого-л.; памятный. (Исторический словарь галлицизмов русского языка). Спец. названный, выпущенный, организованный в память о ком-либо или о чём-либо; то же что *памятный* (Викисловарь)

Литургический. Относящийся к *литургии* (Ефремова)

Негасимый (*неугасимый, неугасающий*). 2. перен. Не ослабевающий в течение долгого времени (Ефремова).

Незабвенный. Высок. Всегда сохраняющийся в памяти; незабываемый (Кузнецов, с. 622).

Незабываемый. Такой, о котором нельзя *забыть*; *памятный* (Кузнецов, с. 622).

Незапамятный. 2. То же, что *незабываемый* (Евгеньева, т. 2, с. 445).

Неизгладимый. Такой, который не может *изгладиться из памяти*, незабываемый (Ожегов, с. 406).

Немеркнувший. То же, что *неувядаемый*.

Неопалимый. То же, что *неувядаемый*.

Нетленный. Никогда не исчезающий, вечный (Ожегов, с. 414).

Неувядаемый. 2. перен. Такой, что всегда будут *помнить*, ценить, (Ожегов, с. 414).

Памятный. 1. Хорошо сохранившийся в памяти, *незабываемый* // Такой, о котором помнят; знакомый, известный. 2. Служащий для заметок, для

напоминания о чём-л. *Памятный листок*. 3. Сделанный в память о ком-, чём-либо. *Памятные нагрудные знаки* (Кузнецов, с. 777).

Приснопамятный. Стар. Всегда памятный, незабываемый (Кузнецов, с. 989).

Ретроспективный [*ретроспектива* фр. *retrospektif* оглядывающийся назад, в прошлое < лат. *retrō* обратно, назад + *spectāre* смотреть]. Обращенный к прошлому, посвященный рассмотрению прошедших событий. (Л.М.Баш, с. 668).

Свежий. 5. Отчетливо и ясно сохранившийся в памяти, не забытый (Евгеньева, т. 4, с. 39).

2. Обладающий хорошей или плохой памятью (7)

Безголовый. разг. Рассеянный, забывчивый (Кузнецов, с. 65).

Беспамятный. разг. Обладающий слабой памятью; *забывчивый* (Кузнецов, с. 73).

Забывчивый. Легко и быстро забывающий (Кузнецов, с. 312).

Злопамятливый. То же, что *злопамятный*.

Злопамятный. Не забывающий, не прощающий причинённого зла, обид (Ожегов, с. 230).

Летаргический [от греч. *lethe* забвение и *argia* бездействие]. Относящийся к *летаргии*.

Памятливый. разг. Обладающий хорошей памятью, хорошо помнящий всё (Кузнецов, с. 777).

Последние два прилагательных обозначают свойство человека никогда не забывать негативное отношение к нему других людей и причиненное ему зло, а также готовность отомстить.

3. Запомненный с усилием (5)

Вызубренный. То же, что *зазубренный*.

Зазубренный. Разг. Заученный без осмысления (Кузнецов, с. 323).

Затверженный. Прилагательное из прич. от *затвердить* (Ефремова).

Заученный. Старательно выученный и производимый автоматически (Ефремова).

Мнемонический [*мнемоника* фр. *mnémonique* < нем. *mnenonik* < лат. *mnenonikos* обладающий хорошей памятью < греч. *mnēma* память].
Относящийся к *мнемонике* (Крысин, с. 495.)

4. Относящийся к месту памяти (10)

1) Относящийся к месту хранения культурного наследия (3)

Архивный [*архив* от лат. *archivum* присутственное место]. Относящийся к *архиву*.

Библиотечный [*библиотека* от греч. *biblíon* книга и *thēkē* хранилище, ящик].
Относящийся к *библиотеке* (Евгеньева МАС, т. 1, с. 89).

Музейный [*музей* от греч. *mouséion* Дом муз]. Относящийся к *музею* (Ефремова).

2) Относящийся к месту сохранения праха умершего (4)

Кладбищенский. К нему принадлежащее, при нем находящийся (Даль, т. 2, с. 117).

Могильный. Относящийся к *могиле* (Ефремова).

Надгробный. 1. Находящийся над могилой, на могиле (Ожегов, с. 379). 2. связанный с похоронами, со скорбью по умершем, почитанием его памяти; погребальный (Ушаков).

Склепный [*склеп* польск. *sklep* свод, подвал]. Свойственный *склепу*; такой, как в склепе (Кузнецов, с. 1196).

3) Относящийся к мемориальному сооружению (3)

Монументный [*монумент* нем. *Monument* < фр. *monument* < лат. *monimentum* памятник < *mōnere* напоминать]. 1. Соотносящийся по значению с существительным *монумент*, связанный с ним. 2. Свойственный монументу, характерный для него. 3. Принадлежащий *монументу* (Ефремова, т. 2, с. 110).

Мемориальный [*мемориал* фр. *memorial* < лат. *memoriālis: memōria* память]. Относящийся к *мемориалу* (Ефремова).

Обелисковый. Относящийся к *обелиску*. (Ефремова).

5. Относящийся к явлению культуры, сохраняющему историческую память (6)

Традиционный [*традиция* лат. *trāditiō* передача; передание]. Сохранившийся от старины, основанный на традиции (Крысин, с. 784).

Обрядный, обрядовый. Относящийся к обряду, установленный обрядом (БАС, т. 8, с. 428).

Наследственный. Соотносящийся по значению с существительным *наследство*, связанный с ним (Ефремова).

Поминальный. Соотносящийся по значению с существительными *поминание* и *поминки* (Кузнецов, с. 915).

Годовщинный. Соотносящийся по значению с существительным *годовщина*.

Юбилейный [от лат. *jubilaeus (annus)* юбилейный (год)]. *Прил. к юбилей*; по случаю юбилея (Ушаков).

6. Относящийся к записям о прошлых событиях (3)

Дневниковый. Соотносящийся по значению с существительным *дневник*, связанный с ним (Ефремова).

Мемуарный [*мемуары* фр. *mémoire* память, воспоминание]. Соотносящийся по значению с существительным *мемуары*, связанный с ним (Ефремова, т. 2, с. 58).

Летописный. Соотносящийся по значению с существительным *летопись*, связанный с ним (Ефремова, т. 1, с. 1126).

7. Относящийся к памяtnому предмету (5)

Антикварный. 1. Старинный и ценный. 2. Относящийся к старинным и ценным предметам, связанный с ними (Евгеньева, т. 1, с. 39)

Медальный [*медаль* фр. *médaille* < ит. *medaglia* < лат. *metallia (moneta)* металлическая (монета)]. 1. Соотносящийся по значению с существительным *медаль*, связанный с ним. 2. Свойственный медали, характерный для нее (Ефремова, т. 2, с. 45).

Медальонный [*медальон* фр. *medallion* < ит. *medaglione* < лат. *metallia (moneta)* металлическая (монета)]. 1. Соотносящийся по значению с существительным *медальон*, связанный с ним. 2. Свойственный медальону, характерный для него. 3. Принадлежащий *медальону* (Ефремова, т. 2, с. 46).

Сувенирный [*сувенир* от фр. *souvenir* воспоминание, память]. Относящийся к *сувениру*.

Реликвийный [*реликвия* от лат. *reliquiae* остатки, останки]. Относящийся к *реликвии*.

8. Не сохранившийся в памяти (13)

Заброшенный. Оставленный без присмотра, надзора, забытый, покинутый (Кузнецов, с. 311).

Забытый. 1. Не сохранившийся в памяти. // *Заброшенный*, *покинутый*. // *Преданный забвению*. 2. Оставленный где-либо по рассеянности, по забывчивости; *позабытый* (Кузнецов, с. 312).

Запущенный. Неухоженный, заброшенный; оставленный без присмотра (Кузнецов, с. 341).

Заглохший. 1. Пришедший в упадок, запустение; запущенный. 2. Притупившийся, забывшийся (о чувствах, мыслях и т.п.). *Оживить заглохшее воспоминание.* (Кузнецов, с. 316).

Запустелый Пришедший в запустение; опустевший (Ефремова)

Затерянный. 2. *Забывтый*, всеми заброшенный и покинутый (Ефремова).

Оставленный. То же, что *покинутый*.

Самозабвенный. 1. Преисполненный самозабвения. 2. Выражающий самозабвение, свидетельствующий о нем (Ефремова).

Позаброшенный. Из причастия по значению глагола: *позабросить* (Ефремова)

Позабывтый. Разг. *Забывтый* (Кузнецов, с. 889).

Покинутый. Оставленный, забытый всеми, одинокий (Кузнецов, с. 894).

Полузабывтый. До некоторой степени, почти забытый (БАС, т. 10, с. 1091).

Полузброшенный. То же, что *полузабывтый*.

2.4.3. Глаголы с семантическим компонентом 'память' (118)

По своей семантике глаголы, имеющие общее значение «помнить», можно разделить на двенадцать групп:

1. Сохранять в памяти (14)

Архивировать [*архив* + суфф. -ировать от лат. *archivum* присутственное место]. Создавать *архив* (Ефремова).

Беречь. Стремиться сохранить в первоначальном виде; не потерять – о воспоминаниях и чувствах (Кузнецов, с. 72).

*Запечатлевать, запечатлеть.*¹¹⁶ 2. Закреплять, сохранять что-либо (в сознании, памяти и т.п.) (Ефремова).

Запоминать, запомнить. Удерживать, сохранять в памяти (Ефремова).

Зарубить. Разг. Принять к сведению, запомнить навсегда (Кузнецов, с. 343).

Злопамятствовать. Быть злопамятным, долго помнить зло и обиду, даже и ненамеренную, не забывать и не прощать, быть мыслительным (Даль, т. 1, с. 737).

Обессмертить. Сделать бессмертным, незабываемым для потомков. (Кузнецов, с. 666).

Памятовать. устар. *Памятуя* (обычно в форме деепр.) Помнить, не забывать (Шведова, 2011, с. 610).

Помнить. Сохранять, удерживать в памяти, не забывать (Ожегов, с. 559).

Сберегать, сберечь. Удерживать, запечатлевать в памяти, сердце (Кузнецов, с. 1151).

Сохранять, сохранить. Удерживать в памяти, не забывать (Кузнецов, с. 1243).

Увековечивать, увековечить. Делать памятным на вечные времена, сохранять в воспоминаниях потомства (Ефремова)

Упомнить. разг. 1. Запомнить, удержать в памяти (Евгеньева МАС, т. 4, с. 504).

Хранить. Не забывать, всегда помнить (Кузнецов, с. 1453).

2. Сохраняться в памяти (12)

Врезаться, врѣзаться. Перен. Надолго, сильно, сразу *запечатлеться* в сознании, в душе (Кузнецов, с. 157).

Западать, запасть. Глубоко запечатлеться. *Западать в душу, в память* (Кузнецов, с. 215).

¹¹⁶ Глаголы даются в форме несовершенного вида, если она есть. Рядом приводится форма совершенного вида.

Запечатлеваться, запечатлеться. Книжн. Глубоко входить в сознание, в душу. *Запечатлеваться в памяти, в душе, в сердце* (Ожегов, с. 215).

Запоминаться, запомниться. Сохраняться в памяти (Ожегов, с. 216).

Наследовать, унаследовать. 3. Взять, заимствовать у предшественников в качестве наследия (Ефремова).

Обессмертиться. Стать бессмертным, незабываемым для потомков (Кузнецов, с. 667).

Отпечатываться, отпечататься. Перен. Сохраняться в ком-, чём-либо (Кузнецов, с. 756).

Помниться. 1. Сохраняться, удерживаться в памяти, не забываться. 2. Помнится, вводные слова (Ожегов, с. 559).

Сберечься, сберечься. 1. Разг. Сохраняться в целостности, в нетронутом виде. (Кузнецов, с. 1151).

Сохраняться, сохранить. 1. Удерживаться в памяти, запоминаться. (Ефремова).

Увековечиваться, увековечиться. Становиться памятным на вечные времена, сохраняться в воспоминаниях потомства. Сохраняться навечно в памяти поколений (Кузнецов, с. 1365).

Храниться, сохранить. Не забываться, всегда оставаться в памяти (Кузнецов, с. 1453).

3. Прикладывать усилия, чтобы запомнить (11)

Вызубривать, вызубрить. 1. Заучивать наизусть. 2. Запоминать механически (Ефремова).

Выучивать, выучить. Уча, запоминать, усваивать (Кузнецов, с. 182).

Долбить. То же, что *зубрить* (Ожегов, с. 173).

Зазубривать, зазубрить. Заучивать, затверживать без осмысления заучиваемого (Кузнецов, с. 323).

Затверживать, затвердить. Твердить про себя, для памяти, учить на память, наизусть (Даль, т. 1, с. 700).

Заучивать, заучить. Твёрдо выучивать, запоминать (Ожегов, с. 223).

Зубрить. Разг. Заучивать наизусть путём многократного повторения (Кузнецов, с. 371).

Повторять, повторить. 4. Возобновить ещё раз в памяти ранее изученное.

Повторить урок, роль. (Кузнецов, с. 854)

Твердить. 2. Перех. Повторять что-либо много раз с целью заучить, запомнить. (Кузнецов, с. 1308)

Усваивать, усвоить. Запоминать, выучивать, осваивать, поняв что-либо, разобравшись в чем-либо (Ефремова).

Учить. 4. Перех. Усваивать, стараться воспринять и запомнить (Ефремова).

4. Восстанавливать в памяти (17)

Воскрешать, воскресить. Перен. Возобновлять в сознании, в памяти утраченное, забытое, вызывать яркое представление о ком-либо, чем-либо (Ефремова).

Воспроизводить, воспроизвести. Повторять, воссоздавать, восстанавливать что-либо в точности (Кузнецов, с. 152).

Воссоздавать, воссоздать. Создавать вновь, повторять; возобновлять в памяти (Ожегов, с. 99).

Восстанавливать, восстановить. Устанавливать, вновь представлять что-либо забытое; воспроизвести (Кузнецов, с. 152).

Всплывать, всплыть. Перен. Вспоминаться, возникать (Кузнецов, с. 161).

Вспоминать, вспомнить. Восстанавливать в сознании, в памяти события, обстоятельства, образы и т.п., относящиеся к прошлому (Ефремова).

Вспомнать. Разг. *Вспомнить* в 1-ом значении (Кузнецов, с. 161).

Оглядываться, оглянуться. 2. Перен. Окидывать мысленным взором, воспроизводить в памяти (Евгеньева МАС, т. 2, с. 585)

Освежать, освежить. 5. Восстановить в памяти (Кузнецов, с. 727)

Погружаться, погрузиться. Перен. Приходить в какое-либо состояние. // Полностью, целиком отдаваться какому-либо занятию, чувству. *П. в мечты, в воспоминания.* (Кузнецов, с. 857).

Поминать, помянуть. Помнить, не забывать; вспоминать, припоминать, напоминать; храня в памяти прошлое, обращаться мысленно к нему, сказывать минувшее (Даль, т. 3, с. 268).

Попомнить. Разг. 1. Не забыть, припомнить (в 1 знач.) (Кузнецов, с.922).

Припоминать, припомнить. 1. Восстанавливать в памяти, вспоминать (Кузнецов, с. 987).

Спыхватываться, спыхватиться. Внезапно вспомнить о чём-либо, обнаружить какое-либо упущение, допущенную оплошность, промах (Евгеньева, с. 230).

Тосковать. 1. Когда кто-либо *тоскует* по чему-либо, он сильно сожалеет о прошедших событиях, местах, куда он стремится, но куда трудно или невозможно попасть, вернуться и т. п. *Тосковать по юности. Тосковать по дому, по родине, по своей деревне.* (Дмитриев, с. 1371)

Узнавать, узнать. Восстанавливать в памяти прежде воспринятого, опознавать воспринимаемый объект, который уже известен по прошлому опыту.¹¹⁷

Упомнить. разг. (обычно с отрицанием) 2. Припомнить, вспомнить (Евгеньева МАС, с. 504).

5. Восстанавливаться в памяти (18)

Воскресать, воскреснуть. 3. Перен. Вновь с прежней ясностью, силой возникать в сознании, воображении. // Становиться известным (о чем-либо забытом или незнакомом, неведомом) (Ефремова).

¹¹⁷ Азимов, Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М.: Издательство ИКАР, 2009.

Воссоздаваться, воссоздаться. Восстановиться в памяти, воображении (Евгеньева, т. 1 с. 217).

Восстанавливаться, восстановиться. Воспроизводиться, вновь возникать в памяти (Кузнецов, с. 152).

Восставать, восстать. Перен. Возникать вновь, восстанавливаться (Ефремова).

Всколыхнуть. Пробудить воспоминания.

Всколыхнуться. Пробудиться, ожить в памяти.

Всплывать, всплыть. Перен. Возникать в сознании, в памяти; вспоминаться (Ефремова).

Вспоминаться, вспомниться. Восстанавливаться в сознании, приходить на память (Ефремова).

Вставать, встать. Появляться в воображении; вспоминаться (Кузнецов, с. 161).

Зашевелиться. Перен. Начать помнить что-либо.

Мелькать, мелькнуть. Перен. Являться, показываться на недолгое время и исчезать; появляться время от времени (Кузнецов, с. 532).

Нахлынуть. Перен. Внезапно возникнуть, появиться в сознании во множестве (о мыслях, чувствах). Нахлынули воспоминания (Евгеньева МАС, т. 2, с. 411)

Освежаться, освежиться. Восстанавливаться в памяти.

Поминаться. Страдательное к глаголу *поминать* (Ефремова).

Припоминаться, припомниться. 1. Приходить на память, вспоминаться. (Кузнецов, с. 987).

Промелькивать, промелькнуть. Явиться на короткое время, мелькнуть. *Промелькнуть перед глазами* (Ожегов, 615).

Прихлынуть. Хлынув, приблизиться. перен. *Прихлынут воспоминания* (Ожегов, с. 602).

Хлынуть. 6. Внезапно возникнуть, проявиться с большой силой (о чувствах, мыслях). *Воспоминания хлынули рекой.* (Кузнецов, с.01446).

6. Заставлять вспомнить (12)

Внушать, внушить. 2. что кому-чему и без доп. Поучать, наставлять, заставлять *усвоить* какие-н. убеждения. (Евгеньева МАС, т. 1, с. 190).

Долбить. Говорить, напоминать, повторять много раз (Ожегов, с. 173).

Напоминать, напомнить. 1. О ком-чем или что. Приводить на память, заставлять кого-нибудь вспомнить (Ушаков, с. 335).

Напоминаться, напомниться. Страд. к *напоминать*.

Повторять, повторить. 4. Возобновить ещё раз в памяти ранее изученное. (Кузнецов, с. 854).

Поминать, помянуть. 1. Разг. Вспоминать. // Упомянуть о ком-либо, чем-либо (Ефремова).

Попомнить. Разг. 2. Припомнить кому-л. что-либо (Ефремова).

Припоминать, припомнить. 2. Разг. Не забывать сделанного кем-либо, чтобы отомстить (Кузнецов, с. 987).

Припоминаться, припомниться. 2. Разг. Не забываться, не прощаться (Кузнецов, с. 987).

Твердить 2. Разг. Повторять много раз, чтобы заучить, запомнить (Кузнецов, с.1308).

Упомянуть, упомянуть. Поминуть, говорить, касаться, напоминать кстати, к слову; говорить мимоходом, слегка, коротко (Даль, т. 4, с. 489).

Упомянуться, упомянуться. Страд. к глаголу *упомянуть/упомянуть* (Ефремова).

7. Переставать помнить (17)

Забрасывать, забросить. То же, что *забывать*.

Забывать, забыть. 1. Утрачивать из памяти, перестать помнить // Не вспоминать в нужный момент, переставать на некоторое время помнить. 2. Оставлять, покидать по забывчивости. 3. Переставать помнить (Ушаков, с.144).

Забываться, забыться. 2. Забывать об окружающем, отвлекаться от действительности (Кузнецов, с. 312).

Запамятовать. То же, что *забыть* во 2 значении (Ожегов, с. 214).

Запускать, запустить. Оставлять без ухода, наблюдения, надзора, доводить до состояния упадка, разрушения (Кузнецов, с. 341).

Изглаживать, изгладить. Делать незаметным, неощутимым; устранять, уничтожать (Кузнецов, с. 379).

Оставлять, оставить. Положив, поставив, поместив куда-либо, *забывать* или намеренно не брать с собой при уходе (Кузнецов, с. 372).

Перезабывать, перезабыть. Забывать всё или многое, или всех, многих. (Кузнецов, с. 802).

Подзабывать, подзабыть. Немного забывать, не удерживать в памяти (Ожегов, с. 535).

Позабрасывать, позабросить. То же, что *забросить* (Ефремова)

Позабывать¹. Устар. и прост. несов. к *позабыть* (Евгеньева МАС, т. 3, с. 236).

Позабывать². сов., перех. Разг. Забыть постепенно все, многое или всех, многих. *Позабывать всех друзей.* (Евгеньева МАС, т. 3, с. 236).

Похоронить. 4. Предать забвению, отказаться от чего-л. (Кузнецов, с. 946).

Сгинуть. Разг. Исчезнуть, пропасть (обычно бесследно, безвозвратно) (Ефремова).

Стирать, стереть. Трением удалять с поверхности или уничтожать. *Стирать из памяти* (перен.: изгладить) (Ожегов, с. 766).

Схоронить. 2. Отказаться от чего-либо, предать забвению (Кузнецов, с. 1296).

Хоронить. 2. Отказываться от чего-либо, предавать забвению (Кузнецов, с. 1452).

8. Переставать помниться (16)

Вылетать, вылететь. Перен. Забываться (Кузнецов, с. 174).

Выпадать, выпасть. Разг. Перен. Переставать участвовать в чём-либо; исчезать, выбываться, забываться (Кузнецов, с. 177).

Выскакивать, выскочить б. Разг. Не задерживаться надолго; исчезать, удаляться (из сознания, памяти и т.п.). (Кузнецов, с. 182).

Забываться, забыться. 4. Не удерживаться, не сохраняться в памяти (Кузнецов, с. 312).

Заглохнуть. 3. Притупить, забыться (о чувствах, мыслях и т.п.) (Кузнецов, с. 316).

Изглаживаться, изгладиться. Исчезать, уничтожаться, забываться о впечатлениях, чувствах (Кузнецов, с. 379).

Кануть. Пропасть, исчезнуть, скрыться. *К. в вечность, в прошлое.* Уйти в прошлое, минуть, забыться (Кузнецов, с. 415).

Ослабевать, ослабнуть. Становиться менее восприимчивым, притупляться (о слухе, зрении, памяти и т.п.). (Ефремова).

Оставляться, оставиться. Страд. к глаг. *оставлять*.

Перезабываться, перезабыться. Забываться, исчезать из памяти о всём, многом или о всех, многих (Кузнецов, с. 802).

Подзабываться, подзабыться. Возвратный глагол от *подзабывать, подзабыть*.

Позабываться, позабыться. То же, что *забыться*. (Кузнецов, с. 889).

Притупляться, притупиться. Перен. Утратить остроту, силу; ослабеть. Чувства притупились. *Память* и зрение притупились к старости. (Евгеньева МАС, т. 3, с. 451)

Стираться, стереться. Перен. То же, что *изглаживаться* (Ожегов, с. 766).

Угасать, угаснуть. Перен. *Ослабевать, замирать* (Ефремова).

Улетучиваться, улетучиться. Перен. *Исчезать из памяти* (Ефремова).

У нескольких глаголов можно отметить метафорическое выражение значения «память-забвение». Наиболее употребительными являются метафоры огня, воздуха и воды такие как *улетучиваться, всплывать, нахлынуть, хлынуть, погружаться, угасать* и др. Показательно, что среди приведенных глаголов практически нет заимствований.

2.4.4 Наречия с семантическим компонентом ‘память’ (18)

1. Сохраняясь в памяти (12)

Заученно. Соотносится по знач. с прил. *заученный* (Ефремова).

Злопамятно. Соотносится по значению с прилагательным: *злопамятный*.

На память. 1. С глаголами *давать, дарить, брать, получать, вручать* и т.п. Чтобы помнить, не забывать кого-либо или что-либо. 2. *Знать, говорить, читать* и т.п. *Наизусть*, не обращаясь к тексту, к оригиналу (Рогожникова, с. 230).

Назубок. Разг. Очень хорошо, наизусть.

Наизусть. *На память, по памяти*, не заглядывая в текст. *Выучить стихотворение н. //* Очень прочно, подробно, со всеми деталями (знать, помнить что-либо) (Кузнецов, с. 582).

Незабвенно. 1. Так, что всегда хранится в *памяти*. 2. Так, что трудно или невозможно *забыть* (Ефремова).

Незабываемо. Соотносится по значению с прилагательным *незабываемый* (Ефремова).

Памятливо. Запоминая, сохраняя в памяти (БАС, с. 86).

Памятно. Разг. Соотносится по значению с прилагательным: *памятный* (Ефремова).

По памяти. Как сохранилось в памяти, *наизусть*, не обращаясь к тексту (Рогожникова, с. 305).

Ретроспективно [*ретроспектива* фр. *retrospektif* оглядывающийся назад, в прошлое от лат. *retrō* обратно, назад + *spectāre* смотреть]. Соотносится по значению с прилагательным *ретроспективный* (Ефремова).

Свежо. 4. Перен. Разг. Не изглаживаясь из памяти (Ефремова).

2. Не сохраняясь в памяти (6)

Беспамятно. 1. В состоянии беспомыслия, полной потери сознания (Ефремова).

Заброшенно. Соотносится по значению с прилагательным: *заброшенный*.

Забывчиво. Так, что быстро забывается (Ефремова).

Затвержено. Соотносится по значению с прилагательным: *затверженный*.

Затерянно. Соотносится по значению с прилагательным: *затерянный*.

Будучи всеми забытым, брошенным, покинутым (Ефремова).

Самозабвенно. 1. Преисполнившись *самозабвения*, проникшись им.
2. Выражая *самозабвение* или свидетельствуя о нем (Ефремова).

2.4.5 Предлоги с семантическим компонентом ‘память’ (5)

В современном русском языке из всех частей речи самая малочисленная группа слов с лексико-семантическим компонентом ‘память’ – предлоги. По своему строению все эти предлоги являются производными.

Памяти *кого*. В честь кого-нибудь умершего или какого-нибудь важного события в прошлом (Ожегов, с. 490).

В память *кого/чего*. В честь умершего, для сохранения памяти о ком-чем-нибудь (Ожегов, с. 490).

В память о *ком/чём*. То же, что *в память* кого-чего-нибудь (Ожегов, с. 490).

На память *кого/чего*. То же, что *в память* кого/чего.

На память о *ком/чём*. 2. Чтобы не забывал. То же, что *в память о* *ком/чём*.

Все слова с семантическим компонентом 'память' распределены по частям речи и происхождению и представлены в приведенных ниже таблицах с указанием количества и процентного соотношения.

Таблица 1

Части речи	Количество	Заимствования	Исконные слова
Существительные	161	61	100
Прилагательные	67	16	51
Глаголы	118	1	117
Наречия	18	1	17
Предлоги	5	0	5
Всего	369	79	290

Таблица 2

Происхождение слов	Количество	Доля (%)
из французского языка	27	8,25
из латинского языка	27	8,25
из греческого языка	21	6,42
из польского языка	2	0,61
из немецкого языка	2	0,61
всего	79	24,15

2.4.6 Устойчивые словосочетания с семантическим компонентом 'память' (90)

В русском языке память и утрата памяти представлены в устойчивых образах, запечатленных в фразеологических словосочетаниях: *поток воспоминаний, груз воспоминаний, зарубить на носу, завязать узелок, всплыть в памяти, оставить след, погрузиться в воспоминания, отпечататься в памяти; быльем поросло, дырявая голова, выскочить из головы, провал в памяти, стереться из памяти* и др. В русском языке устойчивые словосочетания с семантическим компонентом 'память' представляют собой разнообразную по значению и по грамматическим признакам группу:

1. Атрибутивные словосочетания (24)

1) По отношению к человеку (14)

В полной памяти. Устар. В здравом уме, в нормальном психическом состоянии кто-либо (Федоров, с.454).

Девичья память. Плохая, слабая память (Тихонов, с. 785).

Дырявая голова. О человеке с плохой памятью, рассеянном и забывчивом (Федоров, с. 454).

Дырявая память. Разг. Плохая, никуда не годная память (Федоров, с. 455).

Живая летопись. О том, кто хорошо помнит все современные ему события (Евгеньева МАС, т. 2, с. 179); 2. Ирон. Когда-то процветавший, преуспевавший, но потом исчезнувший, вспоминаемый с сожалением (Федоров, с. 454).

Живая память. О свидетеле каких-либо событий (Евгеньева МАС, т. 3, с. 16).

Короткая память. Плохая, слабая память (Тихонов, с. 785).

Летаргический сон. То же, что *летаргия* (Чудинов).

Не помнящий родства Иван. Презр. Неблагодарный, относящийся с полным безразличием к своим предшественникам, воспитанникам (Федоров, с. 501).

Лёгкок на помине. О том, кто появляется в тот момент, когда нём говорят или думают (Бирих, с. 461).

Память / голова как решето. О крайне рассеянном, забывчивом человеке (Лебедева, с. 200).

Печальной (недоброй) памяти. Устар. 1. Умерший, покойный, о котором вспоминают с неприязнью, презрением, ненавистью. 2. Некогда существовавший широко распространенный, но затем оживший, исчезнувший, о котором сохранились плохие воспоминания (Молотков, с. 309-310).

Провал в памяти. Неспособность вспомнить какие-то события, факты, которые человек должен помнить (Дмитриев, с. 822).

Старческий склероз. Устойчивое выражение в русском языке, которое зачастую используются, когда память нарушается у людей пожилого возраста.¹¹⁸

2) По отношению к предмету или явлению (10)

Вечный огонь. Постоянно горящее пламя у памятников погибшим воинам (Кузнецов, с. 698).

Груз воспоминаний. В толковании слова *груз* 3. То, что тяготит, удручает; бремя. *Груз воспоминаний.* (Кузнецов, с. 231).

Знаменательная дата. Важное, значительное; обладающее особым смыслом памятное событие (Кузнецов, с. 367).

Мемориальная доска. Плита (чаще всего из мрамора, гранита и т.п.) с надписью (иногда с изображением), увековечивающая память о каком-либо

¹¹⁸ Карта слов и выражений русского языка [Электронный ресурс] URL: <https://kartaslov.ru/>

лице или событии; обычно устанавливается на стене здания, связанного с этим лицом или событием (Прохоров, с. 792).

Могильная плита. То же, что *надгробие*.

Надгробное слово (*надгробная речь*). Речь об умершем, произносимая при погребении (Ожегов, с. 379).

Надгробный камень. То же, что *надгробие*.

Памятная дата. Важное, значительное; обладающее особым смыслом памятное событие (Кузнецов, с. 367).

Память сердца. То, что затрагивает чувства, душу, запоминается навсегда (Серов, с. 532).

Память души. Разг. То, что глубоко прочувствовано кем-либо, тяжело пережито (Федоров, с. 455).

2. Глагольные словосочетания (53)

1) Хранить в своей памяти (19)

Брать/взять на заметку. Обращать на что-либо внимание, запоминать, записывать для памяти (Кузнецов, с. 333).

Взять в (на) память. Запомнить что-либо (Мокиенко, с. 480).

Войти в историю. Стать памятью человечества (о прошлом о выдающихся событиях и людях) (Быстрова, с. 52).

Врезаться в память. Прочно, крепко запоминаться, запечатлеваться (Молотков, с. 82).

Держать в памяти. То же, что *помнить* (Дерибас, с. 217).

Держать в уме. Экспрес. 1. Постоянно думать или помнить о ком-либо или о чём-либо (Федоров, с. 192).

Жить в памяти / в сердце. Вечно помниться (Регинина, с. 100).

Завязать на память узелок. Разг. Экспрес. Постараться хорошенько запомнить что-либо (Федоров, с. 235).

Зарубить себе на лбу. Принять к сведению, запомнить навсегда (Кузнецов, с. 343).

Зарубить себе на носу. Запомнить, как следует, крепко-накрепко (Аристова, с. 192).

Из головы / из ума не идёт / не выходит. Никак не забывается, постоянно присутствует в сознании (Аристова, с. 199).

Оставаться в памяти. Всегда помниться (Регинина, с. 160).

Оставить глубокий след в душе. Не пройти бесследно, вызвать какие-либо последствия, сохраниться в чём-либо (Кузнецов, с. 372).

Оставить по себе хорошую память. Не пройти бесследно, вызвать какие-либо последствия, сохраниться в чём-либо (Кузнецов, с. 372).

Помнить / запомнить, как отче наш. Помнить хорошо, основательно, твёрдо (Лебедева, с. 200).

Помнить, как сквозь сон. Помнить неотчётливо, неясно (Лебедева, с. 194).

Помнить/запомнить, как таблицу умножения. Помнить очень хорошо (Лебедева, с. 201).

Удерживать в памяти. Помнить, не забывать, хранить в сознании.

Хранить в памяти. Не забывать, помнить (Дерибас, с. 217).

2) Восстанавливать(ся) в памяти (9)

Восстанавливать в памяти. То же, что *вспоминать*.

Всплывать/всплыть в памяти. Вспоминаться (Молотков, с. 84).

Вставать как живой. О ком-либо или о чём-либо, возникающем в памяти, представлении ясно, отчётливо, во всех подробностях (Лебедева, с. 198).

Освежить в памяти. То же, что *освежить*.

Перебирать в памяти. Последовательно, поочередно представлять в сознании; постоянно вспоминать (Телия, с. 441).

Приходить на память. Припоминаться (Дерибас, с. 217).

Рыться в памяти. Стараться вспомнить что-либо (Евгеньева МАС, т. 3, с. 16.)

Стоять перед глазами. Разг. Экспрес. Неотступно зрительно представляться; постоянно оставаться в зрительном представлении. Федоров Представляться, чувствовать, *вспоминать* что-либо очень ярко, зримо. Словарь многих выражений

Тряхнуть стариной. Вспомнить старое, поступить так, как раньше, в молодости (Аристова, с. 278).

3) Заставлять запомнить или вспомнить (8)

Вбивать/вбить в голову/головы. Внушать, заставлять усвоить, запомнить (Телия, с. 440).

Вдалбливать/вдолбить в голову/головы. Внушать, заставлять усвоить, запомнить (Телия, с. 440).

Вколачивать/вколотить в голову/головы. Внушать, заставлять усвоить, запомнить (Телия, с. 440).

Втемяшивать/втемяшить в голову/головы. Внушать, заставлять усвоить.

Дарить на память. Дарить что-то, чтобы помнить, не забывать кого-, что-либо.

Забивать/забить голову. Перегружать память, сознание чем-либо, не заслуживающим внимания, неважным, лишним (Аристова, с. 191).

Набивать/набить себе голову. Обременять сознание, перегружать память; стараться заполнять до предела свою память множеством обычно пустых, несущественных сведений, знаний и укрепляться в их необходимости, важности (Телия, с. 439).

Тыкать в глаза. Бесцеремонно напоминать, попрекать (Аристова, с. 278). запомнить (Телия, с. 440).

4) Переставать помнить(ся) (16)

Быльем порастти. Быть забытым навсегда (Молотков, с. 344).

Выбрасывать из головы /из памяти. Стараться забыть; оставлять мысль о ком-либо или о чём-либо (Молотков, с. 90).

Выветриваться/выветриться из головы. Полностью забываться (Телия, с. 442).

Выкидывать/выкинуть из памяти/головы. Заставить себя перестать удерживать в сознании что-либо; перестать думать, переживать, постараться забыть (Телия, с. 442).

Вылетать/вылететь из головы (из памяти). Внезапно исчезать, неожиданно забываться (Аристова, с. 199).

Выпадать из памяти. Совершенно, совсем забываться (Молотков, с. 895).

Выскакивать/выскочить из головы. Внезапно исчезать, неожиданно забываться (Аристова, с. 199).

Вычеркнуть из памяти. Забыть, заставить себя забыть кого-либо или что-либо, перестать думать о ком-либо или о чём-либо (Молотков, с. 99).

И в помине нет. Не вспоминают, не говорят о ком-, о чём-либо (Бирих, с. 461).

Изглаживаться/изгладиться из памяти. Исчезнуть из памяти (Кузнецов, с. 379).

Кануть в вечность, в прошлое. Уйти в прошлое, минуть, забыться (Кузнецов, с. 415).

Кануть в Лету. Исчезнуть из памяти (Кузнецов, с. 415).

Память отшибло. О человеке, который не может вспомнить чего-либо (Мокиенко, с. 481).

Прожить память. Стать забывчивым в старости (Мокиенко, с. 481).

Сдать в архив. Разг. Перен. Предавать забвению как нечто устаревшее, негодное. (Федоров, с. 604).

Улетучиваться/улетучиться из головы. Полностью забываться (Телия, с. 442).

3. Наречные словосочетания (5)

В память о чём-то. Книж. Употребляется при указании на что-либо, являющееся памятным событием для кого-либо. *Стихи написаны в память об этих встречах* (Рогожникова, с. 96).

На свежую память. Пока хорошо помнится, пока не забылось (Евгеньева, т. 4, с. 40)

На чьей-либо памяти (на памяти кого-либо). В период жизни кого-либо, когда он сам был свидетелем чего-л. и ещё помнит происходившее тогда (Кузнецов, с. 777).

На память / по памяти (говорить, рассказывать, знать и т.п.). Наизусть, не смотря в текст (Кузнецов, с. 777).

По старой памяти. Разг. Под влиянием воспоминаний о прежнем (делать что-либо, поступать как-либо) (Федоров, с. 454).

4. Речевые формулы (9)

Блаженной памяти. 1. устар. высок. Покойный, о котором вспоминают с уважением, почтением, любовью (Федоров, с. 454).

Вечная память. 1. устар. Молитва о вечной загробной жизни для умершего (Федоров, с. 455). 2. Пожелание, призыв всегда помнить умершего, обычно за его дела, поступки и т.п. (Денисов, с. 370).

Дай Бог память/памяти. Прост. Выражение припоминания, желания припомнить (Шведова, 1998, т. 3, с. 218).

Если память не изменяет. Оговорка возможной ошибки, неточности (Федоров, с. 455).

Мemento мори [лат. *memento mori* помни о смерти]. Философический девиз, напоминание о том, что нельзя избежать смерти (Комлев, с. 73).

Не поминай(те) лихом. Вспоминая, не думай(те) плохо (положение, просьба при расставании на долгий срок (Быстрова, с. 149).

Незабвенной памяти. Высок. Об умершем, покойном, которого вспоминают с уважением, почтением, любовью (Федоров, с. 454).

Поминай как звали. О бесследном исчезновении кого, чего. Выражение связано с народным обычаем поминать не только умерших, но и уехавших (за здоровье) (Бирих, с. 462).

Светлой памяти. Высок. Об умершем, покойном, которого вспоминают с уважением, почтением, любовью (Федоров, с. 454).

2.5 Выводы

Во второй главе было дано описание понятия лексико-семантического поля «память» в современном русском языке. Было выявлено, что в современной лингвистике существуют разные подходы к определению понятия семантического поля и его разновидностям как объектам лингвистических исследований. Семантическое поле является родовым понятием по отношению к лексико-семантическому, лексико-фразеологическому и другим видам полей.

Архилексемой исследуемого лексико-семантического поля является слово *ПАМЯТЬ*. Слова с семантическим компонентом ‘память’ общим количеством 369 единиц были классифицированы по частям речи и тематическим группам. Группа имён существительных с семантическим компонентом ‘память’ включает 12 подгрупп (всего 161 лексема), глаголов – 8 подгрупп (118 лексем), имён прилагательных – 8 подгрупп (67 лексем), наречий – 2 подгруппы (18 лексем). Группа предлогов состоит из 5 лексических единиц. Одно и то же слово в некоторых случаях входит в разные группы, так как имеет лексико-семантические варианты с разной семантикой.

Исследуемое лексико-семантическое поле включает 290 исконных слов и 79 заимствований из французского (27), латинского (27), греческого (21), польского (2) и немецкого (2) языка. Среди глаголов только один является заимствованным, тогда как среди существительных их почти половина.

Все слова с семантическим компонентом 'память' были представлены в соответствующих таблицах в зависимости от принадлежности к разным частям речи и происхождения с указанием количества и процентного соотношения.

Наряду с этим, в данной главе были представлены фразеологизмы с семантическим компонентом 'память', которые включают устойчивые атрибутивные словосочетания, глагольные словосочетания и речевые формулы.

Проведённое в данной главе исследование лексико-семантическое поле «память» в современном русском языке является необходимой предпосылкой, фоном для выявления специфики этого же поля в идиолектах Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой. Это даёт нам возможность проецировать материал, полученный в результате анализа поэтических текстов Некрасова и Ахматовой, на то, чем располагает русская языковая картина мира, информация о которой извлечена из лексикографических источников. Без изучения определенного фрагмента русской языковой картины мира выявление специфики идеолектов невозможно.

Глава 3.

Лексико-семантическое поле «память»

в языковой картине мира Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой

3.1 Поэтический язык как предмет лингвистической поэтики

Поэтический язык обычно рассматривается как особая форма существования так называемого естественного языка, присущего любому этносу. Иосиф Бродский определяет поэзию как «высшую форму существования языка».¹¹⁹

Изучению поэтического языка посвящены исследования таких ученых, как В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Х.Г. Гадамер, А.Т. Грязнова, М.Л. Гаспаров, В.П. Григорьев, С.Т. Золян, Л.Г. Кихней, Ю.М. Лотман, О.Г. Ревзина, Ю.Н. Тынянов, Д.Н. Шмелёв, Р.О. Якобсон и др. Остановимся на некоторых из этих исследований.

В своей работе «Философия и поэзия» Х.Г. Гадамер определяет главное отличие слова в поэтическом тексте от этого же слова в повседневной речи. Поэтическое слово «обладает способностью замыкаться на себя и, материализуясь в отвлеченном – тексте, быть, тем не менее, высказываемым как бы автономно, – собственной властью».¹²⁰

Еще одной важной особенностью языка поэзии считается его непереводаемость на иностранные языки. Это объясняется его особой музыкальностью, благодаря которой достигается «равновесие звучания и смысла». Поэтический язык имеет свой собственный статус. В обыденной речи главным является не форма высказывание, а его смысл. В поэзии же

¹¹⁹ Бродский, И. Поэт и проза // Бродский о Цветаевой: интервью, эссе. – М.: Независимая газета, 1997. – С. 67.

¹²⁰ Гадамер Х.-Г. Философия и поэзия // Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. – С. 117.

смысл слова поддерживается «структурированием звуков, ритмов, рифм, вокализаций, ассонансов и т.д.». ¹²¹

Гадамер комментирует цитату из «Поэтики» Аристотеля: «Поэзия более философична, чем история». История, описывая то, что происходило когда-то, придает значение, прежде всего, тому, как это происходило, поэзия же показывает нам, как бы это могло происходить. В поступках человека и его чувствах поэзия видит нечто всеобщее. «А поскольку всеобщее, конечно же, является задачей философии, то искусство, когда оно подразумевает всеобщее, философичнее, чем история». ¹²²

Как пишет О.Г. Ревзина, в поэтическом дискурсе раскрываются возможности системы языка. «Поэтический язык извлекает скрытое знание о мире, содержащееся в языке». ¹²³ Такой «прирост бытия» (Г.Г. Гадамер) наблюдается в поэтической семантике, если «означаемое как бы распускается подобно цветку: языковой знак входит в высказывание и выполняет в нем свою роль, но это означаемое не «расходуется» полностью в этом высказывании и задействуется многократно в том же стихотворном пространстве». ¹²⁴ Ревзина приводит высказывание М. Хайдеггера о том, что поэзия устанавливает бытие при помощи слова. Автор определяет поэтический язык «как язык художественного мышления в модусе собственно языкового существования». ¹²⁵

В «Нобелевской лекции» И. Бродский говорит о том, что поэт вступает с непосредственным контактом с языком, ощущает зависимость от него и от всего того, что на этом языке уже было написано, поэт является в определенном смысле средством языка для того, чтобы продолжить свое

¹²¹ Там же. – С. 120.

¹²² Там же. – С. 278.

¹²³ Ревзина, О.Г. Безмерная Цветаева: Опыт системного описания поэтического идиолекта. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2009. – 600 с.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же.

существование.¹²⁶ Установка на творчество – это главное, что определяет поэтический язык, а так как любое творчество может получить эстетическую оценку, то этот язык ориентируется на значимое с эстетической точки зрения творчество. Об этом пишет В.П. Григорьев в своей книге «Поэтика слова».¹²⁷

О.Г. Ревзина подчеркивает, что в лингвопоэтике наибольшее признание получила теория, которая была предложена и развита представителями формального, а затем семиотического направления. Наилучшее выражение эта теория получила у Р.О. Якобсона в работе «Лингвистика и поэтика» (1975), в который он дал определение особой, поэтической функции языка: «Направленность на сообщение как таковое, сосредоточение внимания на сообщении ради него самого...».¹²⁸

Из тех загадок, которые предлагает поэзия, самой сложной является поэтическое мышление. Его наличие интуитивно чувствует почти каждый читатель, так же, как и отсутствие его. «Например, полная вербальная экспликация того, что хочет вложить автор в поэтический текст: «однозначность» текста – явный признак отсутствия поэтического мышления».¹²⁹

Размышляя о природе поэзии, Ю.М. Лотман обнаруживает следующие ее главные особенности: значимость может приобретать каждый речевой элемент; являющийся формальным в обычном языке, каждый элемент может «приобретать в поэзии семантический характер, получая дополнительные значения».¹³⁰

¹²⁶ Бродский, И. Нобелевская лекция // Сочинения Иосифа Бродского. В 7 т. Т. I. – СПб.: Пушкинский фонд, 1997. – С. 15.

¹²⁷ Григорьев, В.П. Поэтика слова. На материале русской советской поэзии. – М.: Наука, 1979. – 344 с.

¹²⁸ Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 202. Цит. по: Ревзина, О.Г. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. Сборник статей, посвященный юбилею Г. А. Золотовой. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 418 – 433.

¹²⁹ Ревзина, О.Г. Безмерная Цветаева: Опыт системного описания поэтического идиолекта. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2009. – С. 422.

¹³⁰ Лотман, Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – С. 418 – 419.

Поэтический язык обладает не только своими собственными списками слов, но и своей системой синонимов и антонимов. Поэтому в некоторых стихотворениях слово *любовь*, например, может быть синонимом слова *жизнь*, в других же оно может являться синонимом *смерти*. *День* и *ночь*, *жизнь* и *смерть* в поэтическом тексте могут стать синонимами. В противоположность этому, «одно и то же слово может быть в поэзии не равно самому себе или даже оказываться собственным антонимом».¹³¹

Нам представляется особенно важной мысль Ю.М. Лотмана о том, что текст может «функционировать как поэтический», если в сознании читателя присутствует «ожидание поэзии», а в самом тексте возникают определенные сигналы, позволяющие считать этот текст стихотворным. «Минимальный набор таких сигналов воспринимается как "основные свойства" поэтического текста».¹³²

Существуют понятия общепоэтического языка и поэтического языка определенной эпохи. Академик В.В. Виноградов писал в своем исследовании «О языке художественной литературы» (1959) о двуплановости поэтического слова, которое соотносится с общим языком, с его лексической системой, но в то же самое время по поэтической форме и поэтическому содержанию связано с символической структурой всего художественного произведения.¹³³ С афористической точностью характеризует единицу поэтического языка Г.О. Винокур: «Поэтическое слово вырастает в реальном слове как его особая функция, так же как поэзия вырастает из окружающего нас мира реальности».¹³⁴

В более поздней работе В.В. Виноградова, которая посвящена поэзии А.А. Ахматовой, говорится о необходимости постижения особенностей

¹³¹ Там же. – С. 483.

¹³² Там же.

¹³³ Виноградов, В.В. О языке художественной литературы. – М.: Гослитиздат, 1959. – С. 185.

¹³⁴ Винокур, Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М.: Гос. уч.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1959.

индивидуально-поэтического стиля, являющегося замкнутой системой языковых средств. Эти особенности ярче всего заметны «на фоне повседневной-интеллигентской речи в ее разных функциях. И вместе с тем такое изучение не нуждается в предварительных блужданиях среди более ранних стилистических традиций».¹³⁵

Таким образом, мы можем говорить о поэтическом языке отдельного автора. Несомненно, что все поэты обращаются к одинаковым приемам выразительности, будь то метафора, эпитет или гипербола. Но, как писал Н.С. Трубецкой, эти приемы не одинаковы, прежде всего, потому что применяются людьми, которые имеют совершенно различные «системы поэтического мышления».¹³⁶

Проблемам описания поэтического идиолекта посвящена докторская диссертация О.Г.Ревзиной. Индивидуально-авторский поэтический язык, или поэтический идиолект, по мысли автора, обладает внутренней цельностью и неподражаемыми чертами. В лингвопоэтическом исследовании важнейшим приемом анализа является выделение вербальной составляющей, которая является другим названием индивидуального поэтического языка. Этот язык в первую очередь представлен его собственным словарем.¹³⁷ Описание этого словаря может быть достоверным только при условии, если каждая языковая форма может быть определена с точки зрения того, какую функцию в данном тексте она выполняет, какую художественную нагрузку несет, по какой причине сделан именно такой, единственно возможный для данного текста выбор. «Целостное описание удовлетворяет своему назначению, если оно

¹³⁵ Виноградов, В.В. О поэзии Анны Ахматовой: (Стилистические наброски) // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. – М.: Наука, 1976. – С. 367-459. С. 369.

¹³⁶ Письма и заметки Н.С. Трубецкого. – М. , 2004. С. 17.

¹³⁷ Ревзина, О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта: дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. – М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 1998. – С. 40.

позволяет опознать возможное и невозможное в данной поэтической системе».¹³⁸

Для нас особую ценность представляет высказывание О.Г. Ревзиной о том, что текст «богаче любой теории и, более того, текст сам подсказывает, как его следует анализировать, тем самым бросая вызов любой редукции и упрощению».¹³⁹ Об этом в свое время писал А.А. Потебня в своей работе «Из записок по теории словесности» (1905): «понять действие слова, и в частности поэзии, можно, конечно, только наблюдая свойства самого слова».¹⁴⁰ Можно также привести слова М.М. Бахтина: «Понять значение слова <...> для поэзии можно, только поняв его чисто словесную лингвистическую природу совершенно независимо от задач познания».¹⁴¹

Представители структурной поэтики А.К. Жолковский и Ю.К. Щеглов утверждают, что «поэтический мир автора есть прежде всего смысловой инвариант его произведений»; «поэтический мир состоит из инвариантов, то есть абстракций, реализуемых по-разному на уровне конкретных текстов».¹⁴²

Ю.Н. Тынянов в своей книге «Проблема стихотворного языка» (1924) выбирает термин *стихотворный язык*, считая, что он более конкретен, чем термин *поэтический язык*, но впоследствии автор употребляет оба понятия. Тынянов обращает внимание на особое взаимодействие между словами в стихотворной стопе или строке, называя его *теснотой стихового ряда*. Единство и теснота ряда приводят к перегруппировке семантических и синтаксических связей. Слово, будучи производной единицей двух рядов, речевого и метрического, усложняется, как и предложение.¹⁴³

¹³⁸ Там же. – С.42.

¹³⁹ Ревзина О.Г. Безмерная Цветаева: Опыт системного описания поэтического идиолекта. - М: Дом-музей Марины Цветаевой, 2009. – С.

¹⁴⁰ Потебня, А.А. Теоретическая поэтика: учеб. Пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. – СПб.: СПбГУ, 2003. – С. 146.

¹⁴¹ Бахтин, М.М. К эстетике слова. – М.: Наука, 1974. – С.275.

¹⁴² Жолковский, А.К. К понятиям «тема» и «поэтический мир» / А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1975. – С. 161.

¹⁴³ Тынянов, Ю.Н. Проблемы стихотворного языка. Статьи. – М.: Сов. писатель, 1965. – С.103.

Ю.Н. Тынянов поясняет парадоксальное высказывание Гете об особенностях поэзии: «Чтобы писать прозой, надо что-нибудь да сказать; в поэзии же одно слово подсказывает другое, и хотя оно ровно ничего не значит, но кажется, будто что-то и значит». ¹⁴⁴ Автор пишет о том, что в определении Гете некоммуникативный характер поэзии связывается с последовательностью поэтического творчества (*одно слово подсказывает другое*), в отличие от разговорной речи и прозы с их установкой на одновременность. «Гете указывает на "бессодержательность" слов поэтической речи, получающих в стихе некую "кажущуюся семантику"». ¹⁴⁵ Эффект «кажущейся семантики» поэтического языка связан не только с теснотой стихового ряда, но также и его многозначностью.

О многозначности слова в поэтическом тексте пишет в статье «Семантическая структура слова в поэтической речи» (1981) С.Т. Золян. Особенность поэтического смысла, по мысли автора, заключается не в том, что одно слово употребляется вместо другого или одно и то же слово по-разному осмысливается разными поэтами, а в сложном переплетении множества значений, что, прежде всего, проявляется в многозначности. «Многозначность слова не снимается контекстом: даже если взять все стихотворение, то оно само допускает множественность осмыслений, каждое из которых актуализирует одновременно ряд ЛСВ». ¹⁴⁶ В другой своей работе С.Т. Золян повторяет мысль о том, что поэтическом тексте часто актуализируется несколько смыслов: «если в обычном контексте происходит дифференциация смысла слова, то в поэтической речи происходит синтез, не уничтожающий, однако, самой дифференциации». ¹⁴⁷

¹⁴⁴ Тынянов, Ю.Н. Проблемы стихотворного языка. Статьи. – М.: Сов. писатель, 1965.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Золян, С.Т. Семантическая структура слова в поэтической речи. Серия литературы и языка. Т. 40. – №6. – 1981. – С. 510 – 511.

¹⁴⁷ Золян, С.Т. Семантика и структура поэтического текста. – Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1991. – С. 258.

Особое значение в контексте нашего исследования имеют очерки М.Л.Гаспарова, являющиеся образцами тончайшего лингвопоэтического анализа отдельных стихотворений, объединенные во втором томе его «Избранных трудов» под названием «О стихах». В первой же статье автор определяет свой метод как «имманентный» анализ, то есть такой, который не выходит за пределы сказанного в тексте. Для понимания стихотворения нет необходимости привлекать биографические сведения об авторе или исторические данные об эпохе написания поэтического произведения. Необязательно сопоставлять данный текст с какими-то другими текстами. М.Л. Гаспаров пишет, что в XIX веке в филологии было увлечение поиском в тексте биографических сведений, в XX веке стало модным вычитывать в тексте литературные подтексты и интертексты. На самом деле «начинать нужно со взгляда на текст и только на текст – и лишь потом, по мере необходимости для понимания, расширять свое поле зрения».¹⁴⁸

«Имманентный» анализ был близок и М.В. Панову, который он демонстрировал в своих лекциях, прочитанных в МГУ им. М.В. Ломоносова. Известный литературовед и писатель Владимир Новиков в «Повести о Михаиле Панове» пишет о том, что М.В. Пановым была «разработана совершенно новаторская концепция трех ярусов поэтического произведения: звукового, словесного и образного. Эти уровни изоморфны, везде прослеживается единое сочетание материальных и конструктивных факторов. Для наименования этого соотношения (сходства или контраста) Панов специально изобрел термин «кнотр».¹⁴⁹

В лингвистической поэтике при изучении идиолекта отдельного автора или какого-либо художественного произведения применяется понятие

¹⁴⁸ Гаспаров, М.Л. «Снова тучи надо мною...». Методика анализа // Гаспаров, М.Л. Избранные труды. Т. II. О стихах. – М.: Языки русской литературы, 1997. – С.9.

¹⁴⁹ Новиков Вл. По ту сторону успеха. Повесть о Михаиле Панове // Новый мир. – 2015. – №7. См.: Панов М. В. Ритм и метр в русской поэзии. Статья вторая: Словесный ярус. – В кн.: Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2007.

лексико-семантического поля. Впервые полевой метод в исследовании поэтического языка применил Поль Гиро, используя понятие стилистического поля.¹⁵⁰ Под термином *стилистическое поле* он понимал единство парадигматических связей между лексическими единицами, которые образуют язык, или код автора. Полевой подход П. Гиро применил при анализе поэтического сборника Шарля Бодлера «Цветы зла».

Основоположником полевой методики в русской лингвопоэтике является Ю.И. Левин, который исследовал лексические особенности поэтических текстов Б.Л. Пастернака, представив её в виде нескольких семантических полей,¹⁵¹ произвёл количественный подсчёт лексем и дал стилистическую интерпретацию этих показателей.

Полевая методика используется для анализа поэтического текста в исследованиях И.А.Тарасовой «Структура семантического поля в поэтическом идиостиле (на материале поэзии И. Анненского)» (1994), И.И.Чумак-Жунь «Лексико-семантическое поле цвета в языке поэзии И.А. Бунина» (1996), И.В.Пархоменко «Лексико-семантическое поле «Звук» и его функционирование в художественном тексте (на материале лирики С.А.Есенина и В.В. Маяковского)» (2000), Е.В.Плахиной «Лексико-семантическое поле «космос» в лирике В. А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова» (2004), В.М. Маркеловой «Лексико-семантическое поле «тревога» в лирике А.А. Блока» (2009), В.Б. Тюрина «Лексико-семантическое поле «Родина» в лирике Н.М. Рубцова» (2017) и др.

В.Б. Тюрин отмечает, что периферийные компоненты лексико-семантического поля в поэтическом языке образуют ассоциативное пространство. Если в общеупотребительном языке эти лексические элементы семантически отдалены от архилексемы поля, то в поэтических текстах

¹⁵⁰ Гиро П. Разделы и направления стилистики, и их проблематика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвостилистика. М., 1980.

¹⁵¹ Левин, Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 824 с.

сближаются и могут даже отождествляться с центральным компонентом поля.¹⁵²

А.Т. Грязнова, говоря об участии языкового приема в осуществлении идейно-художественной задачи автора, обращает внимание на то, что «особенно важно обнаружить ключевые слова и доминанты его языковой организации, не фокусируя внимание на периферийных элементах».¹⁵³

О важной роли ассоциативного значения в структуре лексико-семантического поля говорит Ю.Н. Караулов, который выделяет ассоциативное и понятийное поля как самостоятельные разновидности лексико-семантического поля. Ассоциативное поле можно интерпретировать как характеристику отдельной личности, которая воспринимает окружающий мир. Понятийное поле, прежде всего, является прямым отражением этого мира. В семантическом поле объединяются обе отмеченные особенности.¹⁵⁴

Все лексические единицы поля должны рассматриваться в трёх аспектах: этимологическом, семантическом и стилистическом. Необходимо также учитывать «культурно-исторический контекст слова».¹⁵⁵

В поэтическом идиолекте лексико-семантическое поле выступает как фрагмент общезыковой картины мира и вместе с тем индивидуальной художественной картины мира поэта. Лексико-семантическое поле можно считать одной из важнейших составляющих поэтического языка.

3.2 Тема памяти в исследованиях о языке поэзии

В поэтическом языке воплощается эстетический принцип памяти, который связан с сохранением накопленного мировой культурой опыта. Как

¹⁵² Тюрин, В.Б. Лексико-семантическое поле «Родина» в лирике Н.М.Рубцова: дис. ... канд. филол. наук. – Нижний новгород, 2017. – 211 с.

¹⁵³ Грязнова, А.Т. Лингвопоэтический анализ художественного текста: подходы и направления: монография / А.Т. Грязнова. – М.: МПГУ, 2018. – С. 9.

¹⁵⁴ Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография; АН СССР. Отд-ние лит. и яз.; Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1976. – С.175.

¹⁵⁵ Тюрин, В.Б. Лексико-семантическое поле «Родина» в лирике Н.М.Рубцова: дис. ... канд. филол. наук. – Нижний новгород, 2017. – С.63–64.

пишет Ю.М. Лотман, «культурная память как творческий механизм не только панхронна, но противостоит времени. Она сохраняет прошедшее как пребывающее. С точки зрения памяти как работающего всей своей толщиной механизма, прошедшее не прошло».¹⁵⁶

Изучая сочетаемость лексемы *ПАМЯТЬ* с другими словами в поэтических текстах XIX и XIX веков, Г.А. Хайрутдинова выявляет следующие разновидности отношений между членами образной парадигмы:¹⁵⁷

1. Сближение неодушевлённого существительного *память* со словами, которые обозначают «существо».

2. Сближение лексемы *ПАМЯТЬ* со словами, которые относятся к понятию «пространство», земное и воздушное.

3. Сочетание лексемы *ПАМЯТЬ* со словами *океан, озёро, река, ключ, струя, волна*. Это можно объяснить тем, что отражательное свойство памяти сравнивается с гладкой поверхностью воды, так как может воспроизводить зрительные образы.

4. Сближение слова *ПАМЯТЬ* с существительными, которые обозначают вещества, материалы, такие как *стекло, позолота, лёд, уголь и мел*.

5. Сочетание слова *ПАМЯТЬ* с существительными *свеча, лампа, солнце, луч, луна*.

6. Сочетание лексемы *ПАМЯТЬ* со словами, которые семантически связаны с «растением»: *дупло, ствол, плющ и куст*.

7. Употребление лексемы *ПАМЯТЬ* с существительными *открытка, альбом, блокнот и книга*.

¹⁵⁶ Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман, Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2004. – С. 674, 675.

¹⁵⁷ Хайрутдинова, Г.А. Об образно-ассоциативных связях лексемы *память*: в контексте концепции инвариантности образа // Ученые записки казанского университета, Гуманитарные науки. 2015, Том 157, кн. 5. – С. 248 – 251.

8. Сближение лексемы *ПАМЯТЬ* с названиями определённых предметов, которые в свою очередь являются уникальными и которые невозможно сгруппировать с точки зрения семантики.

Материалом для анализа в диссертации О.В. Шаталовой послужили поэтические тексты русской элегической школы первой трети XIX века: Е.А. Баратынского, К.Н. Батюшкова, В.А. Жуковского, П.А. Плетнева, А.С. Пушкина, Н.М. Языкова и др.¹⁵⁸

В статье А.А. Чевтаева рассматривается семантика «воспоминания» в ранней поэзии Н. Гумилева. Автор пишет, что в раннем творчестве поэта «припоминание» своих предыдущих воплощений является основой самоотождествления лирического героя, которое проявляется в различных измерениях, например героическом, любовном и др.¹⁵⁹

Концепт «память» в лирике поэтов Серебряного века Н.С. Гумилёва и А.А. Ахматовой в сопоставительном ключе анализирует С.М. Карпенко. Автор заключает, что в стихотворениях обоих поэтов память предстает как воспоминание о произошедших ранее событиях, о любви, о времени действия и как опыт, накопленный отдельным человеком или целым народом». ¹⁶⁰

Анализируя метафорические модели памяти в работе «Метафора памяти в русской поэзии», Е.В. Купчик делает вывод о том, что в поэтических текстах наблюдаются разные характеристики памяти, которые отражаются в следующих метафорических моделях:

нечто «активно действующее» (человек: живописец, пахарь, рудокоп и др.);

нечто «причиняющее вред человеку» (болезнь, змея, коршун, яд и др.);

¹⁵⁸ Шаталова, О.В. Репрезентация концепта «память» в текстах русских элегий первой трети XIX века: Лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2005.

¹⁵⁹ Чевтаев, А.А. Функции и семантика «Воспоминания» в ранней поэзии Н. Гумилева (о некоторых аспектах лирического сюжетостроения) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». Вып.4. – 2011. – С. 26.

¹⁶⁰ Карпенко, С.М. Концепт «память» в поэтической картине мира Н. С. Гумилёва и А. А. Ахматовой: сопоставительный аспект, Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2014. 9 (150). – С. 47.

нечто «замкнутое» (вместилище, строение);
 нечто «подвижное» (ветер, вода, птица, туча и др.);
 нечто «привлекательное» (вино, музыка, свет);
 нечто «светлое» (небо огонь, свет);
 нечто «звучащее» (музыка, речь, шум,);
 нечто «тяжёлое» (горб, камень, молот);
 нечто «лёгкое» (дым, облако);
 нечто «протяженное» (нить, цепь);
 нечто «ценное» (содержимое копилки, жемчуг и т.д.);
 нечто «божественное или волшебное» (демон, чародей, гений);
 нечто «связанное со смертью» (гробница, кладбище, склеп)». ¹⁶¹

Д.С. Лихачев в «Письмах о добром и прекрасном» приводит строки известного пушкинского стихотворения:

Два чувства дивно близки нам –
 В них обретает сердце пищу –
 Любовь к родному пепелищу,
 Любовь к отеческим гробам.
 Животворящая святыня!
 Земля была б без них мертва.

Автор размышляет о мудрости поэзии Пушкина, о том, что каждое его поэтическое слово вызывает раздумья. «Наше сознание не сразу может свыкнуться с мыслью о том, что земля была бы мертва без любви к отеческим гробам, без любви к родному пепелищу. Два символа смерти и вдруг – «животворящая святыня»!». ¹⁶²

Велика роль Памяти в поэзии Пушкина, начиная с юношеских стихотворений Пушкина, в числе которых «Воспоминания в Царском Селе», в более поздней лирике и в романе «Евгений Онегин». «Как известно,

¹⁶¹ Купчик, Е.В. Метафора памяти в русской поэзии // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 1. – С. 159.

¹⁶² Лихачёв, Д.С. Письма о добром и прекрасном / сост. и общая ред. Г.А. Дубровской. – 3-е изд.– М.: Детская литература, 1989. – С. 199.

Пушкина не было в Петербурге в наводнение 1824 года, но всё же в «Медном всаднике» наводнение окрашено воспоминанием:

Была ужасная пора, об ней свежо воспоминанье...

Свои исторически произведения Пушкин также окрашивает долей личной, родовой памяти. Вспомните: в «Борисе Годунове» действует его предок Пушкин, в «Арапе Петра Великого» – тоже предок, Ганнибал». ¹⁶³

На примере поэзии А.С. Пушкина мы наиболее отчетливо видим эстетическую и нравственную роль памяти.

3.3 Упоминание мотива памяти в исследованиях о лирике А.А. Ахматовой

Мотив как одна из основных категорий поэтики является предметом исследования и в литературоведении, и в лингвистике.

Вслед за Б.М. Гаспаровым, А.К. Жолковским, Ю.К. Щегловым и О.Г. Ревзиной мы определяем мотив как смысловой элемент текста, которому свойственна повторяемость и способность к накоплению смысла. «Единственное, что определяет мотив, – это его репродукция в тексте». ¹⁶⁴ А.К. Жолковский и Ю.К. Щеглов считают, что благодаря приемам выразительности главная тема писателя реализуется во многих *мотивах*, которые тяготеют к постоянству; такие устойчивые мотивы принято называть «*инвариантными мотивами* данного автора». ¹⁶⁵ О.Г. Ревзина в статье, посвященной поэтическому миру Марины Цветаевой, пишет, что

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Гаспаров, Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. – М.: Наука; Восточная литература, 1993. – С. 30.

¹⁶⁵ Жолковский, А.К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приёмы – Текст / А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов. – М.: Прогресс, Универс, 1996. – С. 19.

«сквозные мотивы получают разное языковое воплощение в зависимости от типа ситуации».¹⁶⁶

Мотив памяти в поэзии Анны Ахматовой не был предметом специальных филологических исследований. В определенной степени эта тема затрагивалась в работах Э.Г. Герштейн, В.А. Зайцева, Л.Г. Кихней, Е.Ю. Куликовой, В.В. Мусатова, А.Г. Наймана, И.Б. Ничипорова, П.Е. Поберезкиной, Е.А. Тихомировой, Ю.К. Щеглова и др.

Анна Ахматова, по свидетельствам тех, кто ее знал, обладала великолепной памятью. Как отмечает А.Г. Найман, «как будто из бездонного мешка, набитого её прошлым, она доставала нужные ей или собеседнику факты, эпизоды, фразы, при надобности снабжаемые академически пунктуальным комментарием дат, мест и обстоятельств, а чаще – без ссылок на происхождение, оторвано во времени, или упоминая о нем приблизительно, или намеренно темно».¹⁶⁷ Эта особенность присуща и многим ее стихам.

Известный литературовед Э.Г. Герштейн приводит стихотворение Ахматовой 1960 года:

И в памяти черной пошарив, найдёшь
 До самого локтя перчатки,
 И ночь Петербурга, и в сумраке лож
 Тот запах и душный, и сладкий,
 И ветер с залива...

Автор пишет о том, что исследователи оставили без внимания, что в этом стихотворении «с особой силой отражен процесс припоминания, то есть ход внутренней памяти художника».¹⁶⁸

¹⁶⁶ Ревзина, О.Г. Поэтический мир М. Цветаевой в произведениях 30-х годов (цикл "Куст" и поэма "Автобус"). [Электронный ресурс]. – URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/kritika/revzina-poeticheskij-mir-cvetaevoj.htm>

¹⁶⁷ Найман, А.Г. Рассказы о Анне Ахматовой: из книги «Конец первой половины XX века». – М.: Художественная литература, 1989. – С. 204.

¹⁶⁸ Герштейн Э.Г. Секреты Ахматовой Знамя. – 1999. – № 4. – С. 132-146. <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/gershtejn-sekrety-ahmatovoj.htm>

Э.Г. Герштейн признается, что и сама долго «не замечала коренного признака поэтики Анны Ахматовой», и называет это словами Мандельштама – «пафос памяти».¹⁶⁹ Примеры припоминания во множестве встречаются в стихотворениях Ахматовой: *В сотый раз припоминать, Как за ужином сидела, В очи темные глядела...; Там строгая память, такая скупая теперь, Свои терема мне открыла с глубоким поклоном...* «Память о счастье, подчас, поэту дороже самого счастья: "Чтоб вечно жили дивные печали, Ты превращен в мои воспоминанья..."».¹⁷⁰

Когда Муза покидает ее, слышатся горькие упреки: *Скажи, скажи, зачем угасла память И так томительно лаская слух, Ты отняла блаженство повторенья?..*

В книге Л.Г. Кихней, посвященной поэтическому творчеству Анны Ахматовой, говорится о том, что память является особой «призмой, сквозь которую преломляются ключевые идеи и образы ее поэзии».¹⁷¹ Особое внимание автор обращает на то, что прошлое в поэтических текстах Ахматовой не исчезает полностью и присутствует в скрытом виде в настоящем, предопределяет и обуславливает его. Анна Ахматова воскрешает с помощью памяти прошлое, дает его как бы в подлиннике, как «переиздание навек забытых минут».¹⁷²

Дух памяти материализуется в образе кошки в стихотворении «Подвал памяти» (1940):

Сквозь эту плесень, этот чад и тлен
Сверкнули два живые изумруда.
И кот мяукнул. Ну, идем домой!
Но где мой дом и где рассудок мой?
[т. 4, с. 227]

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Кихней Л. Г. Поэзия А. Ахматовой: Тайны ремесла / Л.Г.Кихней. – М.: Диалог МГУ, 1997. – С. 75.

¹⁷² Там же. – С. 76.

Как замечает Л.Г. Кихней, под вынесенной в заглавие метафорой скрывается воспоминание о подвале, в котором в начале 1910-х годов находилось литературно-художественное кабаре «Бродячая собака».¹⁷³

Наиболее отчетливо и полно мысль о значении мотива памяти у Ахматовой выражена в статье Е.А.Тихомировой. Автор называет память словесным мотивом, который проходит через всю лирику и прозу Анны Ахматовой, так как слово *ПАМЯТЬ* и слова с семой 'держать в памяти', повторяются во многих текстах поэта и являются ключевыми единицами текста. «Исследование мотива памяти и использования в текстах языковых единиц, связанных с этим понятием, помогает понимать творчество А.А. Ахматовой».¹⁷⁴

Постоянно подчёркивая точность своей памяти, Анна Ахматова всегда умела справляться с ней в решающие моменты. Строчка «Из памяти твоей я выну этот день...», – самый точный показатель, характеризующий её отношение к памяти, которая представляется ей не только помощницей, но и врагом.

В.В. Мусатов в книге о лирике Анны Ахматовой обращает внимание на то, что в этом случае «все *недолжное* в ней подлежало забвению и умолчанию. Ахматова, строя свою биографию, умела не только вспоминать, но и молчать».¹⁷⁵ Автор говорит о пронзительном ощущении индивидуального присутствия в истории, выраженном в поэтическом языке Анны Ахматовой и о том, что это ощущение появилось не сразу. Её первоначальное творчество было сопряжено с символистским течением, в котором созидательное начало отталкивалось не от «родовой, семейственной или исторической памяти, а от архетипических схем».¹⁷⁶

¹⁷³ Там же. – С. 53.

¹⁷⁴ Тихомирова, Е.А. Мотив памяти в лирике А.А. Ахматовой // Polilog. StudiaNeofilologiczne. SlupskAkademiaPomorskawSlupsku. – 2012. – № 2. – С. 359.

¹⁷⁵ Мусатов, В.В. «В то время я гостила на земле...». Лирика Анны Ахматовой. – М.: Издательство «Словари.ру», 2007. – С. 14.

¹⁷⁶ Там же. – С. 15.

П.Е. Поберезкина в своем исследовании пишет о том, что всю жизнь Анна Ахматова оглядывается назад, следовательно, её память сохраняет свою свежесть. Раннее своё стихотворение «Смеркается, и в небе тёмно-синем...» она дописывает в 1940 году:

Быть может, в нищете – *припоминать*
 Закат неистовый, и полноту
 Душевных сил, и прелесть милой жизни.
 [т. 1., с. 221]

Источниками любого истинного творчества являются впечатления жизни и внутренний навык самого искусства, самого поэта. Так, в стихотворении Ахматовой «И увидел месяц лукавый» (1946) в сжатой форме высказано предчувствие забвения:

Теперь меня позабудут,
 И книги сгнут в шкафу.
 [т. 4, с. 415]

Отношение Анны Ахматовой к жизни в позднем творчестве было по-пушкински гармоничным и мудрым. Посредством личного опыта она приходила к пониманию целостности истории, взаимосвязи между настоящим и минувшим: «Как в прошедшем грядущее зреет, так в грядущем прошлое тлеет». Ахматова видоизменяет и минувшее, и собственное настоящее, преобразовывая его в «будущее в прошедшем».¹⁷⁷

В исследовании, посвященном лирике акмеистов, Е.Ю. Куликова относит к основным мотивам поэзии Анны Ахматовой возвращение и воспоминание, через которые ее мир открывается читателю, мир, который наполнен встречами с живыми и умершими друзьями; поэтами, ее современниками, такими как Гумилев, Мандельштам, Пастернак, Цветаева, и

¹⁷⁷ Поберезкина, П.Е. Вокруг Ахматовой. – М.: ИЦ «Азбуковник», 2015. – С. 15.

поэтами-классиками, среди которых Пушкин и Данте; здесь есть города и любимые места; вещи и образы, которые забыты и всплывают в памяти.¹⁷⁸

В исповедальной книге «Тайны ремесла» сама Ахматова анализирует свое отношение к памяти: «Всякая попытка связанных мемуаров это – фальшивка. Ни одна человеческая память не устроена так, чтобы вспомнить всё подряд. Письма и дневники часто оказываются плохими помощниками».¹⁷⁹

Забвение для поэта приравнивается к «камню», и о детских воспоминаниях она пишет: «Их мне теперь трудно восстановить. Остальное же настолько окаменело в памяти, что исчезнет только со мною вместе».¹⁸⁰

Анне Ахматовой воспоминания иногда доставляют только боль и мучение, страдание поэта выражено в следующих строках: «Теперь всё позади – даже старость, и остались только дряхлость и смерть, оказывается, всё как-то, почти мучительно проясняется – люди, события, целые периоды жизни. И столько горьких и даже страшных чувств возникает при этом».¹⁸¹ Когда Ахматова писала о себе, она говорила о силе памяти и оживлении прошлого: «Память обострилась невероятно. Прошлое обступает меня и требует чего-то. Чего? Милые тени отдалённого прошлого почти говорят со мной. Может быть, это для них последний случай, когда блаженство, которое люди зовут забвением, миновать их».¹⁸²

В стихотворениях Анны Ахматовой мотив памяти выполняет разные функции. Ю.К. Щеглов в своей статье «Черты поэтического мира Ахматовой» выделяет единицы, которые отличаются у Ахматовой особым постоянством, являются фигурально-образными ресурсами. При этом

¹⁷⁸ Куликова, Е.Ю. Пространство и его динамический аспект в лирике акмеистов / отв. ред. Ю.Н. Чумаков. – Новосибирск, ИФЛ СО РАН: Изд-во «Свиньян и сыновья». – 2011. – С. 306-342. <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/kulikova-poeticheskie-progulki.htm>

¹⁷⁹ Ахматова А.А. Тайны ремесла / сост. Вступ. Ст. и примеч. Н.В. Вялициной. – М.: Сов. Россия, 1985. – С. 112.

¹⁸⁰ Там же. – С. 112.

¹⁸¹ Там же. – С. 113.

¹⁸² Там же. – С. 113.

применяются типические метафоры, знаки, эпитеты, гиперболы и другие средства. Таким образом, «мучение» может описываться как «терзание» либо «казнь», а «воспоминание» представляется как физическое действие или движение. Это может быть поездка, спуск в подземелье, вынимание из ларца и т.п.¹⁸³ Ю.К. Щеглов указывает на то, что для Анны Ахматовой при описании реальности характерно использование двух разновидностей восприятия явлений: первая – предвосхищение, предчувствие, ожидание; вторая – припоминание, обращенное к прошлому волнение. «События, как счастливые, так и несчастные, часто описываются в прошедшем или будущем времени».¹⁸⁴ Во многих стихотворениях к лирической героине приходят гости из прошлого, и общение с ними «имеет оттенок бреда, транса, иногда даже полупомешанности, мотивирующих неспособность уловить грань между живыми и мертвыми»¹⁸⁵.

Хотя память и воспоминания представляют собой запас всех значимых мгновений жизни и предназначены, в первую очередь, для сохранения этих мгновений, память в некоторых случаях является причиной страданий. В.А. Зайцев выделяет тему «жестокой памяти», которая встречается в послевоенных стихотворениях Анны Ахматовой. В её эпитафии «Памяти друга» (1945) образ победной весны приобретает трагический характер, который типичен для ее поэтических произведений того времени.¹⁸⁶

И в День Победы, нежный и туманный,
 Когда заря, как зарево, красна,
 Вдовою у могилы безымянной
 Хлопочет запоздалая весна.

[т. 4, с. 276]

¹⁸³ Щеглов, Ю.К. Черты поэтического мира Ахматовой // Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст. / А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов. – М.: АО Издательская группа «Прогресс», 1996. – С. 263.

¹⁸⁴ Там же. – С.269.

¹⁸⁵ Там же. – С.287.

¹⁸⁶ Зайцев В.А. Лекции по истории русской поэзии XX века (1940-2000). – М.: Изд-во МГУ, 2009. – с. 32.

В стихотворении «Вторая годовщина» (1946) Анна Ахматова, «вспоминая о возвращении из эвакуации в свой родной город, где пережили большие беды, развивает этот уже стершийся в обыденной речи образ *жгучих слёз*».¹⁸⁷ Жгучие слёзы являются слезами жалости, горя и мучений и всегда остаются невыплаканными, кипят внутри: *все проходит пред глазами / давно без них, всегда без них*.

В одном из самых светлых стихотворений, написанных после войны – «Прошло пять лет, и залечила раны» (1950), по-прежнему слышна боль от ран, которые нанесла война каждому человеку. Поэт видит, как сквозь свежую, весеннюю зелень леса проглядывают «елей искалеченные руки», потому что в народной памяти навсегда останутся «войной испепеленные года».¹⁸⁸

Е.В. Меркель интерпретирует память в поэтическом языке Анны Ахматовой как сопротивление вечности. Слова *навек*, *навсегда*, обозначающие бесконечность времени (*Здесь мой покой навеки взят, Влюбленный в меня навсегда, Навсегда мой голос затих*), у поэтессы, как правило, связаны не с вещным миром, а с внутренней жизнью лирической героини и ее возлюбленного. Возможно, в связи с таким очеловечиванием вечности, с глубоким переживанием всего, что связано с временем, в ранних произведениях Ахматовой одним из ведущих мотивов является память.¹⁸⁹ Автор считает, что особый интерес представляют стихотворения, где памятью наделяется предметный мир: комната помнит старину («Вечерняя комната», 1911), дом помнит человека, покончившего здесь с собой: *На истертом красном плюше кресел / Изредка мелькает тень его* («Здесь все то же, то же, что и прежде...», 1912).¹⁹⁰ Возможно, в связи с таким

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Там же. – С. 33.

¹⁸⁹ Меркель, Е.В. Категория времени у ранней Ахматовой в контексте акмеистического дискурса (на материале сборников «Вечер» и «Четки») // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. – С. 53.

¹⁹⁰ Там же.

очеловечиванием вечности, с глубоким переживанием всего, что связано с временем, в произведениях Ахматовой одним из ведущих мотивов является память.

3.4 Обращение к мотиву памяти в научных исследованиях о лирике Н.А. Некрасова

В исследованиях, посвященных творчеству Н.А. Некрасова, в редких случаях уделяется внимание мотиву памяти и забвения.

Отмечая пророческую направленность творчества Н.А. Некрасова, М. Кучерская в статье «Профетизм Некрасова» пишет о том, что поэт проецирует тему памяти в будущее, выражает надежду на то, что не будет забыт:

Не бойся горького забвенья:
Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья,
Дар кроткой родины твоей...
[т. 3, с. 203-204]

По мнению М. Кучерской, в поэзии Н.А. Некрасова происходит трансформация мифологии смерти, принятой в христианстве: лирического героя любит и прощает не Бог, а его родина. Умершему человеку в православной традиции поют «Вечную память», у Некрасова этот обряд получает иной смысл: «память о поэте сохранится, потому что «песенки» его будут петь «над Волгой, над Окой, над Камой».¹⁹¹

Н.Н. Мостовская в статье «Храм в творчестве Некрасова» писала, что образ храма в его поэзии выступает в качестве символа родного дома, исторической памяти, включающей настоящее и прошлое России.¹⁹²

¹⁹¹ Maya Kucherskaya. Профетизм Некрасова // Toronto Slavic Quarterly № 46 (Fall 2013) Toronto: Department of Slavic Languages and Literatures, University of Toronto, 2013. – 51–52.

¹⁹² Мостовская, Н.Н. Храм в творчестве Некрасова // Русская литература. – 1995. – №1. – С. 194 – 202.

В исследовании Г.В. Мишиной рассматривается образ матери в некрасовском творчестве, который «выражает вечную и бессмертную бессознательную стихию».¹⁹³ До Некрасова этот образ в русской литературе не был поднят на такую высоту.

Великое чувство! Его до конца
Мы живо в душе сохраняем, -
Мы любим сестру, и жену, и отца,
Но в муках мы мать вспоминаем! (1877)
[т. 3, с. 62]

Показательно, что великим чувством автор называет любовь ребенка к матери. Слова *но в муках мы мать вспоминаем* передают трагизм отношений между матерью и ребенком, наличие духовной связи и невозможность физического воссоединения. Г.В. Мишина не произносит слово *ПАМЯТЬ*, но в подтексте оно присутствует: в данном случае бесконечное возвращение к прошлому – это и есть воспоминание. Детство не перестает быть неотъемлемой частью прошлого, но в то же время оно устремляется к будущему, но человека детство всегда притягивает. «Не случайно К. Юнг стремление вернуться в детство наряду со стремлением вернуться в чрево матери считает одним из самых ранних мифологических архетипов».¹⁹⁴

Автор упоминает незавершенную поэму «Мать», написанную Некрасовым в 1868 году. Лирический герой вспоминает райский сад своего детства: *Я посетил заброшенный наш сад; Он все темней, прохладней с каждым годом, В нем семь ключей сверкают и гремят...* [т. 4, с. 256].

Жизненный путь мыслится Некрасовым «как исход из изначальной полноты бытия в детстве, от которой отдаляются с годами и мучительно стремятся вернуться впоследствии».¹⁹⁵

¹⁹³ Мишина, Г.В. Образотворческая триада *детство – природа – Храм* в произведениях Н.А. Некрасова: дис. ...канд. филол. наук. – Стерлитамак, 2007. – С.42.

¹⁹⁴ Там же. – С. 77.

¹⁹⁵ Там же. – С. 79.

О неслучайном использовании в стихах Некрасова античных образов и христианских мотивов пишет в статье Э.М. Жилияковой. Автор приводит в пример стихотворение Некрасова «Дни благословенные» (1839), в котором представлено мелькнувшее воспоминание о счастливых днях юности. Строчки этого произведения наполнены светлой надеждой, здесь возникают образы бледной Дианы и юной Светланы. В некоторых стихах в описаниях мгновений былого счастья или вдохновения появляются образы Вакха и Аполлона. «За поэтическим синтезом христианского и античного текста стоит некрасовская концепция истории и культуры».¹⁹⁶

Н.Н. Скатов говорит о том, что воспоминание, обращение к прошлому, сравнение прошлого счастья с нынешним одиночеством как традиционные мотивы любовной лирики присутствуют в стихотворениях Некрасова «Возлюбленному», «Давно, отвергнутый тобою...», «Еду ли ночью по улице темной...», «Прости», «Прощание» и «Я посетил твоё кладбище...», где они сочетаются с мотивом сожаления о прошлой и неоцененной любви.¹⁹⁷

Интересным представляется наблюдение Н.В. Малаховой о значимости образа луны в поэзии Некрасова и связи с этим образом мотива воспоминания. В качестве примера приводятся строки стихотворения «Пускай мечтатели осмеяны давно...»: «...И даже иногда вечернею порой, // Любуясь бледною и грустную луной, // Припоминать тот сад, ту темную аллею, // Откуда мы луной пленялись вместе с нею...» [т. 1, с. 36]. Автор сравнивает их с зарисовками Тургенева и Чехова, в которых луна освещает реальный мир, в то время как у Некрасова она высвечивает воспоминания о прошлом. «Описанное воспоминание, длящееся всего, может быть, мгновение, позволяет понять душевную муку и отраду в часы разлуки во время припоминания «тихого вечера и прелести луны...».¹⁹⁸

¹⁹⁶ Жилиякова, Э. М. Христианские мотивы и образы в творчестве Н. А. Некрасова (1830-1850-е годы) // Проблемы исторической поэтики 1998. – С.270-282.

¹⁹⁷ Скатов, Н.Н. Я лиру посвятил народу своему. – М.: Просвещение, 1985. – С.126.

¹⁹⁸ Малахова, Н.В. Образы-мотивы в «Панаевском» цикле Некрасова // Педагогический опыт: теория, методика, практика: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф.

Поэзия Некрасова, по словам Н.В. Малаховой по-прежнему остается загадкой, которую невозможно раскрыть до конца.¹⁹⁹ У исследователя всегда остается возможность сказать что-то новое о таинственном мире некрасовских произведений.

3.5 Описание лексико-семантического поля «память» в произведениях Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой

Источником полученной выборки из произведений Н.А. Некрасова явились 433 стихотворения и 11 поэм: «В.Г. Белинский», «Саша», «Несчастные», «Тишина», «Коробейники», «Мороз, Красный нос», «Дедушка», «Русские женщины» («Княгиня Трубецкая», «Княгиня М.Н. Волконская»), «Современники», «Из поэмы «Мать», «Кому на Руси жить хорошо». Слова с семантическим компонентом 'память' были обнаружены в 225 произведениях Некрасова (214 стихотворений и 11 поэм).²⁰⁰

Соответственно произведения Анны Ахматовой составляют 945 стихотворений и 6 поэм: «У самого моря», Царскосельская поэма «Русский Трианон», «Реквием», «Путем всея земли», «Поэма о начале века», «Поэма без героя» (4 редакции).²⁰¹ Слова с семантическим компонентом 'память' были зафиксированы в 360 произведениях (354 стихотворения и 6 поэм).

Приведённый в исследовании материал был получен при помощи компьютерной обработки данных Национального корпуса русского языка. Проверялась каждая единица лексико-семантического поля «память» во всех стихотворениях и поэмах Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой. Для

(Чебоксары, 30 окт. 2015 г.). В 2 т. Т. 1 / редкол.: О.Н. Широков [и др.] – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – № 3 (4). – С. 339-344.

¹⁹⁹ Там же. 344.

²⁰⁰ Полный список произведений Некрасова и Ахматовой, включающих слова ЛСП «память», дается в Приложении 1. и 2. С.

²⁰¹ «1913 год, или Поэма без героя и решка», Первая редакция
«1913 год, или Поэма без героя Триптих (1940-1945) Вторая редакция
Поэма без героя Триптих Ленинград – Ташкент – Москва 1956 Третья редакция
Поэма без героя Триптих (1940-1962) Четвертая редакция

большинства слов потребовалось снять многозначность и разграничить лексико-семантические варианты.

3.6 Существительные с семантическим компонентом ‘память’ в поэзии Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой

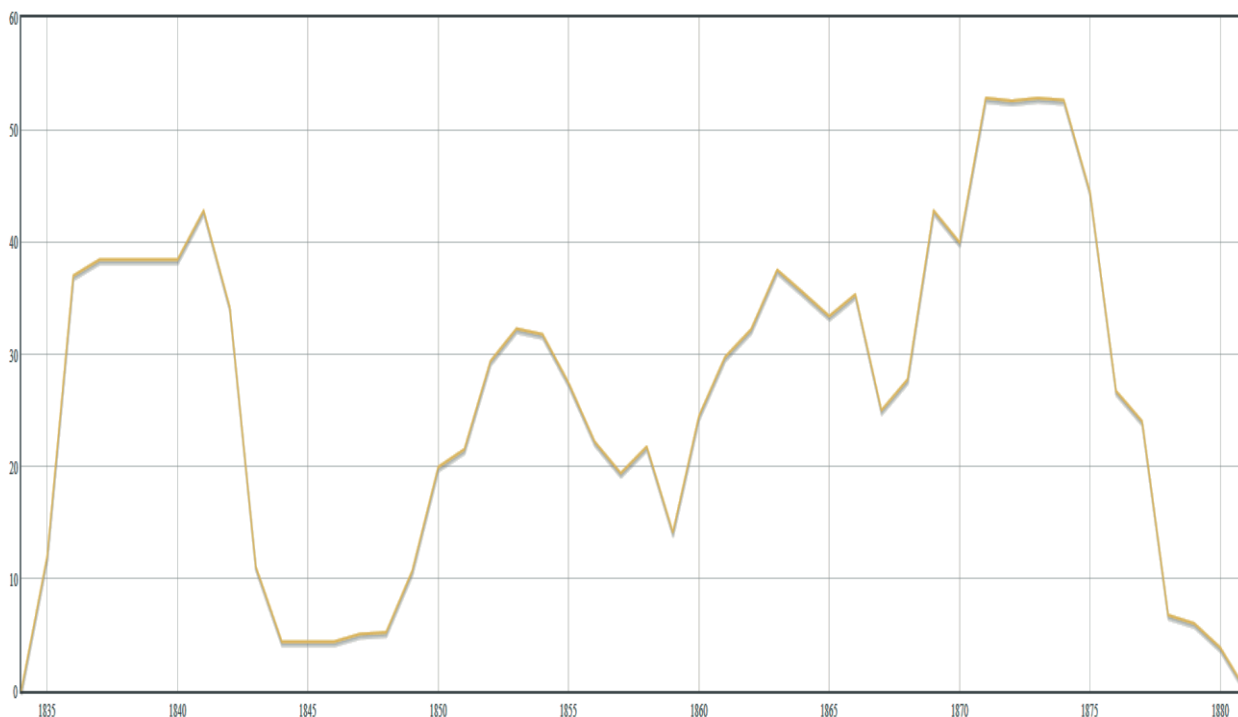
3.6.1 Существительные ЛСП «память»

У Н.А. Некрасова отмечено 36 существительных с семантическим компонентом ‘память’, среди них лишь 3 со значением ‘забвение’. Всего 266 словоупотреблений. Приведем эти слова с указанием количества словоупотреблений: *память* (33), *воспоминание (воспоминанье)* (2/6), *незабвенная* (в знач. сущ. 1), *тоска* (4), *помин* (1), *архив* (1), *музей* (3), *летопись* (2), *мемуары* (1), *эпитафия* (2), *заметка* (1), *след* (18), *отпечаток* (1), *эхо* (1) *медаль* (5) *памятник* (7) *монумент* (2), *кладбище* (23), *могила* (46), *погост* (3), *мавзолей* (1), *саркофаг* (1), *поминки* (1), *юбилей* (1), *хранитель* (1), *предание (преданье)* (2/2), *обычай* (4), *завет* (1), *наследие* (1), *наследство* (5), *руина* (4), *развалины* (9), *обряд* (1); *беспамятство* (1), *забвение (забвенье)* (2/16), *забытье* (2).

Как мы видим, наибольшее число словоупотреблений приходится на слово *ПАМЯТЬ*. Динамику этих словоупотреблений можно проследить в Национальном корпусе русского языка.

На приведенном ниже графике показано распределение по годам слова *ПАМЯТЬ* в поэтическом языке Н.А. Некрасова:

График 1

Как можно заметить, наибольшее число словоупотреблений приходится на ранний и на поздний период творчества Некрасова.

У Анны Ахматовой употреблено 33 существительных с семантическим компонентом 'память', среди них 6 со значением 'забвение'. Всего 170 словоупотреблений. Это следующие лексемы: *память* (39), *прапамять* (1), *бессмертие* (1), *воспоминание* (2), *литургия* (2), *реквием* (1), *помин* (1), *тризна* (3), *музей* (2), *дневник* (1), *дата* (3), *метка* (1), *заметка* (2), *след* (13), *эхо* (11), *отзвук* (2), *медальон* (1), *памятник* (4), *кладбище* (7), *могила* (29), *погост* (2), *склеп* (5), *развалины* (1), *годовщина* (5), *хранитель* (1), *наследство* (8), *обряд* (3); *беспамятство* (3), *летаргия* (1), *забвение* (*забвенье*) (4/3), *забытье* (1), *забытое* (1), *Лета* (6).

Приведем график распределения по годам слова *ПАМЯТЬ* в поэтическом языке Анны Ахматовой:

График 2

Мы видим, что у Ахматовой число словоупотреблений нарастает во второй половине творческого пути и превышает ранний период почти в два раза.

Обращает на себя внимание то, что у Некрасова более трети всех словоупотреблений (218) составляют существительные *кладбище* и *могила*, причем *могила* опережает по частотности слово *ПАМЯТЬ*. У Ахматовой эти слова также имеют высокую степень употребительности.

Таблица 3

Некрасов	Ахматова
<i>память</i> (33)	<i>память</i> (39) <i>прапамять</i> (1)
<i>воспоминание (воспоминанье)</i> (2/6) <i>тоска</i> (4)	<i>бессмертие</i> (1) <i>воспоминание</i> (2)
<i>архив</i> (1) <i>летопись</i> (2) <i>мемуары</i> (1) <i>музей</i> (3) <i>незабвенная</i> (1) <i>хранитель</i> (1)	<i>дневник</i> (1) <i>музей</i> (2) <i>хранитель</i> (1)

<i>заметка</i> (1) <i>отпечаток</i> (1) <i>след</i> (18) <i>эхо</i> (1)	<i>заметка</i> (2) <i>метка</i> (1) <i>отзвук</i> (2) <i>след</i> (13) <i>эхо</i> (11)
<i>памятник</i> (7) <i>медаль</i> (5) <i>монумент</i> (2) <i>руина</i> (4) <i>развалины</i> (9)	<i>памятник</i> (4) <i>медальон</i> (1) <i>развалины</i> (1)
<i>завет</i> (1) <i>наследие</i> (1) <i>наследство</i> (5) <i>обряд</i> (1) <i>обычай</i> (4) <i>предание (преданье)</i> (2/2) <i>юбилей</i> (1)	<i>годовщина</i> (5) <i>дата</i> (3) <i>литургия</i> (2) <i>наследство</i> (8) <i>обряд</i> (3) <i>реквием</i> (1)
<i>кладбище</i> (23) <i>мавзолей</i> (1) <i>могила</i> (46) <i>погост</i> (3) <i>помин</i> (1) <i>поминки</i> (1) <i>саркофаг</i> (1) <i>эпитафия</i> (2)	<i>кладбище</i> (7) <i>могила</i> (29) <i>погост</i> (2) <i>помин</i> (1) <i>склеп</i> (5) <i>тризна</i> (3)
<i>беспамятство</i> (1) <i>забвение (забвенье)</i> (2/16) <i>забытьё</i> (2)	<i>беспамятство</i> (3) <i>забвение (забвенье)</i> (4/3) <i>забытое</i> (1) <i>забытьё</i> (1) <i>Лета</i> (1) <i>летаргия</i> (1)

При сопоставлении слова *ПАМЯТЬ* в поэтических текстах Некрасова и Ахматовой становится очевидной разная тональность звучания этого слова. В первую очередь, это определяется прилагательными, с которыми оно образует атрибутивные сочетания, а также рядом метафор.

У Некрасова память *слабая, бедная, благодарная, священная, вечная, знатная, людская, народная, жадная* (в значении 'страстная'). Память – образ *нежный*, она *не тяготит души, горит и светит, как звезда*. У Ахматовой память *черная, злая, яростная, хищная, строгая, скупая, тяжелая, любовная, блаженная, народная, священная*. Она *мучит, морочит, пытка сильных, огненный недуг, лишний груз; надо память до конца убить*. Вместе с этим память – *холодное, чистое, легкое пламя*, сокровище: не случайно Ахматова неоднократно повторяет метафору *сокровищница памяти*. В «Эпических мотивах» (1913) возникает удивительная перифраза памяти – *блаженство повторенья*:

Скажи, скажи, зачем угасла память
И, так томительно лаская слух,
Ты отняла блаженство повторенья?..
[т. 4, с. 76]

У обоих поэтов, особенно у Ахматовой, рядом со словом *память* появляются образы деревьев: герои Некрасова срывают на память *душистые ветки кипариса*, у Ахматовой память олицетворяет собой *плакучая ива*, просто *деревце, шиповник, тот библейский куст* (неопалимая купина, терновник).

Память олицетворяется в поэзии Ахматовой в образе скупой хозяйки: *память строгая, скупая; не часто я у памяти в гостях; память сокровищ не истратит; свои терема мне открыла с глубоким поклоном*. В стихотворениях Некрасова она чаще предстает как «своенравная подруга», которая *ожила, потерялась, изменила, воротилась, не проторила дороги*.

Слово *ПАМЯТЬ* также отмечено в названиях 14 стихотворений Ахматовой: «Не давай мне ничего на память...» (1959), «Подвал памяти» (1940), «Голос памяти» (1913), остальные 11 – в качестве наречия «Памяти кого-либо или чего-либо», и в названиях 5 стихотворений Некрасова – все в наречном значении «Памяти кого-либо».

3.6.2 Символические знаки памяти в поэтическом языке

Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой

В уже упомянутой статье О.Г. Ревзиной «Память и язык» особое внимание обращается на то, что феномен памяти – притягательный объект мифологии, науки, искусства.²⁰² Напомним, что среди знаков, которые использует память как информационное устройство, О.Г. Ревзина выделяет символические знаки, – например, зарубки или узелки на память. Знаковость составляет общую характеристику памяти и языка. В отличие от самой памяти язык состоит преимущественно из символических знаков.²⁰³

Как отмечает Н.Г. Брагина, каждый человек может видеть что-либо, что вызывает в его сознании образ, хранящийся в памяти. Обычная вещь превращается в вещь памятную, которая всё время пробуждает воспоминания о чем-нибудь.²⁰⁴

В поэзии Некрасова и Ахматовой традиционные метафоры памяти как вместилища, следа, воды, надписи и забвения как могилы, пыли, травы, руин являются основой для создания символических образов, причем у каждого автора есть свои предпочтительные мотивы. Отношение обоих поэтов к времени запечатлено при помощи образов, которые несут следы прошлого. «Время – неуловимая субстанция, поэтому наше сознание стремится его материализовать: время идет, течет, летит птицей, ползет червяком», – пишет О.Н. Григорьева.²⁰⁵ Интересно проследить тематические связи в лирике Некрасова и Ахматовой, в частности рассмотреть, как мотив памяти реализуют слова и словосочетания, называющие памятные предметы и реалии. В поэтическом языке Некрасова и Ахматовой встречается множество «следов памяти». К ним можно отнести такие символические знаки, как

²⁰² Ревзина О.Г. Память и язык // Критика и семиотика. – Вып. 10. – Новосибирск, 2006. – С. 11.

²⁰³ Там же. – С. 12.

²⁰⁴ Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. – М.: Языки славянских культур (Studia philologica), 2007. – С. 249.

²⁰⁵ Григорьева, О.Н. Цвет и запах власти. – М.: Наука-Флинта, 2004. – С. 61.

крест, свеча, письмо, портрет, засушенный цветок, кольцо, зеркало, старые вещи (позеленевший рукомошник, старинные часы). Наиболее яркими и часто употребляющимися являются *письмо* и *цветок*.

Образ письма имеет давнюю традицию в русской поэзии. Примером может служить стихотворение А.С. Пушкина «Сожжённое письмо» (1825), посвященное Елизавете Воронцовой.²⁰⁶ Как художественный символ, образ *письма* у Пушкина является способом передачи переживаний лирического героя:

Прощай, письмо любви! прощай: она велела.
 Как долго медлил я! как долго не хотела
 Рука предать огню все радости мои!..
 Но полно, час настал. *Гори, письмо любви.*
 Готов я; ничему душа моя не внемлет.
 Уж пламя жадное листы твои приемлет...

Образ письма является ключевым в нескольких стихотворениях из так называемого «панаевского цикла» Н.А. Некрасова, посвященного его возлюбленной.

В стихотворении «О письма женщины, нам милой! ...» (1852) *беречь письма* — значит «хранить память»:

О ты, чьих писем много, много
 В моем портфеле берегу!
 Подчас на них гляжу я строго,
 Но *бросить в печку не могу.*

[т. 1, с. 112]

Этим строкам созвучен голос лирической героини в стихотворении Ахматовой «Столько просьб у любимой всегда! ...» (1913):

А ты письма мои береги,
 Чтобы нас рассудили потомки...

[т. 1, с. 114]

²⁰⁶ Пушкин, А.С. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Художественная литература, 1959. том 2. – С. 70.

Строка *А ты письма мои береги* имеет совершенно отчетливый подтекст: «Не забывай».

В поэтическом языке Некрасова письма отождествляются с другим символом – *цветы с могилы*. Данный образ осложнен метафорой *могила погибшей юности*.

Но и теперь они мне милы –
 Поблекшие цветы с могилы
 Погибшей юности моей!

[т.1, с. 112]

Этот образ получает дальнейшее развитие в стихотворении «Прощанье» (1856).

Мне эти письма будут милы
 И святы, как *цветы с могилы* –
 С могилы сердца моего!

[т. 2, с. 24]

Сближение символики писем и цветов есть и в стихотворении «Горящие письма» (1877).

Хранились в них души твоей черты,
 Корульному волненью непричастной,
Поэзии роскошные цветы –
 Благоуханье молодости ясной!

[т. 3, с. 200]

В стихотворении Ахматовой «Проводила друга до передней...» (1913) слова *письмо* и *цветок* стоят рядом, как и у Некрасова, а на пересечении их находится слово *брошена*. Вспоминаются некрасовские *поблекшие цветы*.

Брошена! Придуманное слово –
 Разве я *цветок* или *письмо*?

[т. 1, с. 158]

У Некрасова словосочетание *сжечь письма* выступает как перифраза слова *забыть*. *Бросить в печку не могу* означает «не могу забыть», *та рука со злобой их сожгла* значит «предала забвению».

И пусть бы жизнь их ложью назвала –
 Она давно в них веру колебала, –
 Нет! *Та рука со злобой их сожгла,*
 Которая с любовью их писала!
 [т. 3, с. 379]

Для Некрасова характерно почти дословное повторение некоторых строк в разных стихотворениях. Например, «Горящие письма» (1877) повторяют в несколько измененном виде «Письма» (1855).

Их ложью жизнь еще не назвала,
 Ни правды их еще не доказала...
 Но *та рука со злобой их сожгла,*
 Которая с любовью их писала!
 [т. 3, с. 200]

Следующие два четверостишия также созвучны по настроению и почти совпадают словесно:

Плачь, горько плачь! *Их не напишешь вновь,*
Хоть написать, смеясь, ты обещала...
 Они навек погибли, как любовь,
 Которая их сердцу диктовала.
 «Письма»

Они горят!.. Их не напишешь вновь,
Хоть написать, смеясь, ты обещала...
 Уж не горит ли с ними и любовь,
 Которая их сердцу диктовала?
 «Горящие письма» [т. 3, с. 200]

Письмо как в поэтическом языке у Ахматовой, так и в ее собственной жизни занимает значительное место. Когда у Ахматовой обострился туберкулез во время Первой Мировой войны, она переписывалась с мужем. Гумилёв был на фронте и не забывал ей писать, Ахматова отвечает ему посредством стихотворения «Как невеста, получаю...» (1915). *Письмо* здесь связано с мотивом скорой смерти:

Как невеста, получаю
 Каждый вечер *по письму*,
 Поздно ночью отвечаю
 Другу моему:
«Я гощу у смерти белой
 По дороге в тьму...».

[т. 1, с. 245]

Б. Эйхенбаум говорил про поэтическое творчество Анны Ахматовой, что в нем воплощены чувства человека, настоящая жизнь его души, она «томится, радуется, печалится, негодует, ужасается, молится, просит и т. д. От стихотворения к стихотворению – точно от дня к дню».²⁰⁷

Противопоставление «Письмо – отсутствие письма» реализует семантическую оппозицию «память – забвение».

Сегодня мне *письма не принесли*:
Забыл он написать или уехал;
 Весна, как трель серебряного смеха,
 Качаются в заливе корабли.
Сегодня мне письма не принесли...

[т. 1, с. 93]

Та же тема звучит в более позднем стихотворении «Письмо» (1964):

Не кралось полуденным бродом,
 Не числилось в списке планет,
 Но прочно своим *неприходом*
 Куда-то запрятало свет.

[т. 2, с. 206]

Письмо, символизирующее память, и уничтожение этого письма как знак забвения встречается в стихотворении Ахматовой «Ты письмо мое, милый, не комкай...» (1912).

Ты письмо мое, милый, не комкай,
 Не плачь о заветной лжи,

²⁰⁷ Эйхенбаум Б. О поэзии. – Л.: Советский писатель, 1969. – С. 87.

Ты его в твоей бедной котомке
На самое дно положи.
 [т. 1, с. 111]

Дно котомки, ящик, ларец, шкатулка, укладка (небольшой сундук), колодец – эти словесные образы являются метафорой места, где хранятся воспоминания, или его метонимическим обозначением. Ср. общеупотребительные устойчивые выражения *в глубине души* или *погрузиться в воспоминания*. Как пишет Л.О. Чернейко, «в мире человека существуют только такие предметы, к которым у него есть отношение: приятие их (любимые предметы) или неприятие: <...> *извлекая вещь из небытия — старого чердака или собственной памяти, — мы, пусть иллюзорно, воскрешаем и мир, в котором она жила: атлантиду наименований, словарь утонувшей эпохи* (Ex libris НГ 03.07.97)».²⁰⁸

В стихотворении «Как белый камень в глубине колодца...» (1916) воспоминание метафорически представлено в словосочетании *белый камень*:
Как белый камень в глубине колодца,
Лежит во мне одно воспоминанье.

<...>

Я ведаю, что боги превращали
Людей в предметы, не убив сознанья,
 Чтоб вечно жили дивные печали,
Ты превращен в мое воспоминанье.
 [т. 4, с. 130]

Мы видим цепь превращений: *ты* → *воспоминанье* → *белый камень*. Ср. общеупотребительный фразеологизм *камень на душе лежит*.

В «Царскосельской оде» (1961) воссоздается образ былой эпохи, память о которой бережно хранится. Поэтесса словно ищет самое точное имя для её хранилища, постепенно возвышая его значение, очевидно желая показать, сколь ценные сокровища находятся внутри.

²⁰⁸ Чернейко, Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М.: Либроком, 2010. – С. 296.

Царскосельскую одурь
 Прячу в ящик пустой,
 В роковую шкатулку,
 В кипарисный ларец.
 [т. 4, с. 361]

В четвертом стихотворении цикла «Луна в зените» (1944) появляется образ восточного мудреца, представителя культуры Азии:

И в памяти, словно в узорной укладке:
 Седая улыбка всезнающих уст,
 Могильной чалмы благородные складки
 И царственный карлик – гранатовый куст.
 [т. 2, с. 63]

Е.В. Меркель в книге, посвященной поэтической семантике акмеизма, пишет о том, что в сборнике «Тростник» память «овеществляется и обретает пространственное измерение».²⁰⁹ Это ярко проявляется в стихотворении «Подвал памяти» (1916).

Не часто я у памяти в гостях,
 Да и она всегда меня морочит.
 Когда спускаюсь с фонарем в подвал...
 [т. 4, с. 227]

Героиня спускается вниз, к памяти-врагу. И здесь начинается трагическое сплетение забвения (*от старости скончался тот проказник...; плесень, чад и тлен*), живой памяти (*у камина греюсь; два живые изумруда – глаза кота; идем домой!*) и вновь осознание полного забвения (*Но где мой дом и где рассудок мой?*).

Таким образом, названия вещей не только включены в описание быта героини, но и становятся частью вымышленной реальности.

²⁰⁹ Меркель, Е.В. Поэтическая семантика акмеизма: миромоделирующие образы и мотивы (Н.Гумилев, А.Ахматова, О.Мандельштам): дис. ... д-ра филол. наук. – Нерюнгри, 2015. – С. 237.

Образ *засохшего, безуханного, забытого в книге* цветка знаком нам по строчкам известного стихотворения А.С. Пушкина «Цветок» (1829).²¹⁰ Его судьбу пытается разгадать поэт:

И положен сюда зачем?
 На память нежного ль свиданья,
 Или разлуки роковой
 Иль одинокого гулянья,
 В тиши полей, в тени лесной?

Иной, противоречивый смысл приобретает слово *цветок* в поэзии Ахматовой, оказываясь, как и у Некрасова, в одном семантическом поле со смертью и, в то же время, с другими вехами жизни.²¹¹

Я не люблю *цветы* – они *напоминают*
 Мне похороны, свадьбы и балы,
 Для ужина накрытые столы.
 [т. 1, с. 335]

В этом же фрагменте героиня говорит о своей преданности «цветку»:

Но лишь предвечных *роз простая красота*,
 Та, что была моей отрадой с детства,
 Осталась и теперь *единственным наследством*,
 Как звуки Моцарта, как ночи чернота.
 [т. 1, с. 335]

Исследователи отмечают, что в позднем творчестве Ахматовой роза будет доминировать, соединив в себе значения остальных цветов.²¹²

Розы хранят память о молодости и счастье лирической героини:

«Летний сад» (1959)

Я к *розам* хочу, в тот единственный сад,
 Где лучшая в мире стоит из оград,
 Где статуи *помнят* меня молодой,
 А я их под невскою *помню* водой.

²¹⁰ Пушкин, А.С. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Художественная литература, 1959. том 2. – С. 233.

²¹¹ Ахматова, А.А. Собр. соч.: В 6 т. – М.: Эллис Лак, 1998. том 1. – С. 335.

²¹² Серова, М.В. «Цветы» в поэтическом мире Анны Ахматовой. Интернет-портал «Россия в красках» [Электронный ресурс] URL: <http://ricolor.org/>

[т. 2, с. 7]

В поэтическом языке Некрасова *роза*, являясь именем любви, вновь возвращает нас к теме смерти:

«Покойница» (1839)

С чела слетела
Искусно скрытая тоска,
Из роз могильного венка
Цветок он вырвал равнодушно,
Пошел – исчез в толпе бездушной...

[т. 1, с. 227]

Сопоставим с этим стихотворением ахматовское «На шее мелких четок ряд...» (1913):

А бледный рот слегка разжат,
Неровно трудное дыханье,
И на груди моей дрожат
Цветы не бывшего свиданья.

[т. 1, с. 165]

Потеря любви приравнивается к смерти в поэтических строках Ахматовой, а *цветы не бывшего свидания* – тот же могильный венок.

Как пишет А.Т. Твардовский, «предчувствие и зарождение любви, испытания любви, память любви, её безысходные утраты, раскаяния и «зароки» – эти и многое мотивы любовной темы не есть открытые Анны Ахматовой в поэзии. Однако, её особенность в том, что лирический герой её миниатюрных стихотворных новелл – не *он*, как это по преимуществу было в известнейших образцах классической лирики, а *она*, любящая женщина, носительница бремени неразделенной или утраченной любви с её особой женской «памятью сердца».²¹³

²¹³ Твардовский, А.Т. Собрание сочинений. В 6-и т. Т. 5. Статьи и заметки о литературе. Речи и вступления (1933–1970). Примеч. А. Дементьева и Р. Романовой. – М.: Художественная литература, 1980. – С. 270.

Образ цветка предстает в виде лилии в произведении «Два стихотворения» (1909). Как отмечает О.Н. Григорьева, «запах вещей хранит память о людях, ушедших из жизни, о событиях вчерашних дней».²¹⁴ Запах лилии напоминает поэтессе прошедшие дни и помогает раскрыть душевный мир лирической героини:

Тот же голос, тот же взгляд,

Те же волосы льняные.

Все как год тому назад...

<...>

Свежих лилий аромат

И слова твои простые.

[т. 1, с. 25]

А.В. Яковлев, исследуя семантику произведений Анны Ахматовой, говорит о том, что большую роль в них играют так называемые «психологические буйки», выраженные синекдохой, помогающей по следствию, которое обозначено, угадать причину, которая не названа, но в которой заключается главный смысл данного произведения.²¹⁵

Эпиграфом к раннему стихотворению Ахматовой «Молюсь оконному лучу...» (1909) служат строки из стихотворения французского поэта второй половины XIX в. «Виноградники в цвету»: *La fleur des vignes pousse Et j'ai vingt anscesoir* – Цветок виноградной лозы растет, и мне двадцать лет сегодня вечером. Наверно, это ключ к произведению: двадцать лет – это много или мало?

Приведем отрывок из самого стихотворения:

Сегодня я с утра молчу,

А сердце – пополам.

На *рукомойнике* моем

Позеленела медь.

Но так играет луч на нем,

²¹⁴ Григорьева, О.Н. Цвет и запах власти. – М.: Наука-Флинта, 2004. – С. 67.

²¹⁵ Яковлев, А.В. О семантике некоторых произведений Анны Ахматовой // Русская литература. 1992. – № 1. – С. 173.

Что весело глядеть.

[т. 1, с. 14]

Следы памяти о прошлом, о детстве – в позеленевшей меди
рукомойника. Играющий луч – напоминает о свершившемся настоящем.
Оттого и «сердце пополам», как пишет Ахматова в начале.

Зеркало, по поверьям, хранит всех, кто в него когда-то смотрелся.
Таковы мифологические истоки строк из стихотворения «Тот город, мной
любимый с детства...» (1929):

Все унеслось прозрачным дымом,

Истлело в глубине зеркал...

И вот уж о невозвратимом

Скрипач безносый заиграл.

[т. 1, с. 417]

Образ зеркала у Некрасова лишен этой мистической таинственности.
Известное стихотворение «Перед зеркалом» (Конец 1860-х гг.) проникнуто
свойственной автору иронией. Тем не менее, автопортрет, который рисует
автор, несет подчеркнутый отпечаток времени и тех изменений, которые
стирают в сознании героя память о молодых годах.

Шляпа, перчатки, портфель,

Форменный фрак со звездой,

Несколько *впалая грудь*,

Правый *висок с сединою*.

[т. 3, с. 28]

Слова *кольцо*, *перстень* называют еще один традиционный знак
памяти, талисман, залог любви. У Некрасова используется народно-
поэтическое *перстенок*.

«От кого у тебя *перстенок золотой?*»

<...>

И за палец меня белой рученькой хвать!

Потемнело в глазах, душу кинуло в дрожь,

Я давал – не давал *золотой перстенок*...

«Огородник», 1846 [т. 1, с. 40]

В поэме «Коробейники» (1861) Катерина берёт лишь «бирюзовый перстенёк» из короба Ивана как знак её обручения с Иваном, напоминание о его верности.

Ой! легка, легка коробушка,
Плеч не режет ремешок!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенок.

[т. 4, с. 57]

В поэзии Ахматовой можно встретить мотив утраченного перстня или кольца: *Не нашелся тайный перстень, / Прождала я много дней* («Сразу стало тихо в доме...», 1917, т. 1, с. 308) и мотив его дарения: *А на память чуда взял кольцо* («Словно ангел, возмутивший воду», 1916, т. 1, с. 255).

В «Сказке о черном кольце» (1936) *перстень черный* на память завещан героине ее бабушкой:

И простивши нрав мой вздорный,
Завещала *перстень черный.*

[т. 1, с. 305]

Среди знаков памяти выделяется крест, поскольку он олицетворяет память о Христе, а данный кому-то обретает особую силу: он должен напоминать о доме, о тех, кто ждет; он спасает и сохраняет. В лирической исповеди Ахматовой крест упоминается не раз.

В стихотворении «Черная вилась дорога...» (1913):

*Помню древние ворота
И конец пути –
Там со мною шедший кто-то
Мне сказал: «Прости...»
Медный крестик дал мне в руки,
Словно брат родной...*

[т. 1, с. 119]

В стихотворении «Когда в мрачнейшей из столиц...» (1916):

*Я только крест с собой взяла,
Тобою данный в день измены
<...>
И вот он на пустой стене
Хранит меня от горьких бредней,
И ничего не страшно мне
Припомнить – даже день последний.*
[т. 1, с. 270]

А.Б. Креницын в своей статье отмечает мотив креста, который поставили у дороги в память о соперниках, которые погибли.²¹⁶

*Местечко старик выбирает;
Чтоб крест было видно с дороги,
Чтоб солнце играло кругом.*
[т. 4, с 77]

Такие вещи или детали могут характеризовать не только переживаемые эмоции того, кому принадлежит данный предмет, но и какой-то памятный момент времени. В качестве такой «вещи» может выступать и природный образ, как, например, в стихотворении «Постучись кулачком – я открою...» (1942):

*Принеси же мне ветку клена
Или просто травинки зеленых,
Как ты прошлой весной приносил.*
[т. 2, часть 1, с. 21]

Способность помнить свойственно и человеку, и всей природе. Часто таким природным образом у Анны Ахматовой является ветер. Можно вспомнить стихотворение Давида Самойлова «Память» (1964) *И ветер-*

²¹⁶ Креницын, А.Б. Романтические мотивы в поэме Некрасова «Мороз, красный нос» // Памяти Анны Ивановны Журавлевой: сборник статей / сост. Г.В. Зыкова, Е.Н. Пенская. – М.: Три квадрата, 2012. С.

*память по ночам гудит.*²¹⁷ Это может объясняться тем, что в обыденном языковом сознании образ ветра связывается с неожиданным появлением чего-либо: ср. устойчивое выражение *каким ветром занесло?*

И даже сегодняшний *ветренный день*
Преступно *хранит* прошлогоднюю *тень*...

«Опять подошли «незабвенные даты» ...», 1945 [т. 2, с. 87]

Где *ветер помнит* клики супостата

И клич победы на крылах несет

«Меня влекут дороги Подмосковья...», 1956 [т. 2, кн. 1, с. 180]

Ветер, не то вспоминая,

Не то пророчествуя, бормочет...

«Поэма без героя», 1941 [т. 3, с. 185]

Только *ветер* гудит в отдаленье,

Только *память* о мертвых поет.

«De profundis...* Мое поколение...», 1944 [т. 2, кн. 1, с. 67]

Образ ветра-памяти встречается и у Некрасова:

Чтобы *ветер родного селенья*

Звук единый до слуха донес.

Н. А. Некрасов. «Что ни год – уменьшаются силы...», 1861 [т. 2, с. 126]

Желание повторить прошедший момент, перенести его в настоящее сменяется оказаться в прошлом, вернуться к своим истокам. В стихотворении «Летний сад» (1959) прошлое обозначено словами, называющими те самые «психологические буйки», о которых писал А.В. Яковлев. Это *розы, сад* («Я к розам хочу, в тот единственный сад»), *ограда, статуи* («Где лучшая в мире стоит из оград, / Где статуи помнят меня молодой»), *лебедь* («И лебедь, как прежде, плывет сквозь века»). Привычная метафора *тени прошлого* у Ахматовой получает авторское переосмысление:

²¹⁷ Самойлов, Д. Стихотворения / Сост., подг. текста В. И. Тумаркин, вступительная статья А. С. Немзер. – СПб.: Академический проект, 2006. – С. 146.

А шествию *теней* не видно конца
От вазы гранитной до двери дворца.

[т. 2, часть 2, с. 7]

Образ *тени* вновь отсылает к Некрасову, в лирике которого слово *тень* часто употребляется в том же значении, что и у Ахматовой. Так, называя Колизей руиной («Колизей», 1839), Некрасов пишет:

Во всем, как остаток великой картины,
Былого величья *хранит* она *тень*.

[т. 1, с. 202]

Хранить тень – хранить память о чем-то. Таким образом, *тень* и есть память, некий отпечаток. Как мы видим, прослеживается внутренняя преемственная связь между поэзией Ахматовой с творчеством Некрасова, которое, восходит, в свою очередь, к пушкинской традиции.

В нескольких стихотворениях Некрасова используется метафора *скрижали памяти*:

Я в лицо тебе гляжу
И на *памяти скрижали*
Образ твой перевожу.

«Слезам разлуки», 1840 [т. 1., с. 340]

Скрижали – это доски из камня, на которых написаны десять библейских заповедей. В переносном значении это слово обозначает что-то, где хранятся сведения о важных памятных событиях.²¹⁸ Например, *скрижали истории*.

Образ *скрижали* встречается и в стихотворении Некрасова «Колизей» (1839), в котором также есть образы *буквы* и *саркофага*, символизирующие Колизей:

Ты крупная буква на *темной скрижали*
Прошедших столетий; ты им *саркофаг*.

[т. 1, с. 202]

²¹⁸ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб: Норинт, 2006.

Концептуальный смысл метафор памяти рассматривается Л.М. Бондаревой. Выстраивается метафорическая цепочка «восковая табличка – письмо – библиотека – книга».²¹⁹

Надпись на память является темой ряда стихотворений Анны Ахматовой, причём слово *надпись* используется уже в самом названии. Это такие стихотворения, как «Надпись на неоконченном портрете» (1911): *О, не вздыхайте обо мне, Печаль преступна и напрасна* [т. 1, с. 58]; «Надпись на книге» (1940): *Почти от залетейской тени / В тот час, как рушатся миры, / Примите этот дар весенний* [т. 1, с. 479]; «Надпись на книге «Подорожник» (1941): *Из той далекой и чужой весны / Мне чудится смиренный подорожник* [т. 1, с. 492].

К числу одной устойчивых метафор памяти относится слово *след*, обычно оно используется вместе с прилагательным *неизгладимый*. В поэме Некрасова *след* отождествляется с воспоминанием, и, следовательно, это слово остается в области сознания:

Княгине *памятны* те дни
Прогулок и бесед,
В душе *оставили* они
Неизгладимый след.
«Русские женщины», 1871 [т. 4, с. 128]

На жизненной стезе
Оставив след загадочный и странный,
<...>
Погибла ты...
«Несчастные», 1856 [т. 4, с. 48]

В поэтическом языке Анны Ахматовой следы на снегу материально воплощают память, которая так же недолговечна, как недолговечен снег:

Здесь мой покой навеки взят
Предчувствием беды,
Сквозь тонкий лед еще сквозят

²¹⁹ Бондарева, Л.М. К метафорике памяти (статический и динамический аспекты) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – Вып. 4. – С. 72.

Вчерашние следы.

«Сад», 1911 [т. 1, с. 87]

Лыжный след, словно память о том,

Что в каких-то далеких веках

Здесь с тобою прошли мы вдвоем.

«Хорошо здесь: и шелест и хруст...», 1922 [т. 1, с. 395]

Отвлеченные понятия, характерные для Н.А. Некрасова, противопоставляются конкретным, вещественным в поэзии А.А. Ахматовой. Это проявляется, например, в том, что исчезновение следа символизирует забвение. В приведённых ниже строках устойчивый оборот *исчезнет след* имеет значение «меня забудут»:

Умру – и мой *исчезнет след!*

Надежда вся на музу!

«Горе старого Наума», 1874 [т. 3, с. 145]

Для поэтического языка Ахматовой характерна вещественность, присущая всей поэтике акмеизма. В отличие от Некрасова, это след на снегу, который замечает вьюга:

А вокруг погребальные звоны,

Да московские хриплые стоны

Вьюги, *наш заматающей след.*

«Поздний ответ», 1940 [т. 1, с. 469]

Вспоминай же, мой ангел, меня,

Вспоминай хоть до первого снега.

«Не страшай меня грозной судьбой...», 1959 [т. 2, кн. 2, с. 18]

Рядом с торжественными, высокими образами в поэтическом мире Анны Ахматовой могут оказываться обыденные, простые знаки памяти. Мгновения жизни человека запечатлеваются в воспоминаниях, в предметах и памятных местах, в образах причудливых теней, отблесков свята, звуков шагов в таких

стихотворениях, как «Смуглый отрок...», «В ремешках...», «Хорошо здесь...», «Там тень моя...» и других.²²⁰

Так, в стихотворении «Есть три эпохи у воспоминаний...» (1945) такие реалии жизни героини, как слёзы, смех, пятно чернил на столе и поцелуй – *печать на сердце*, оказываются в одном образном ряду:

Еще не замер смех, струятся слезы,
Пятно чернил не стерто со стола, –
И, как *печать на сердце*, поцелуй,
Единственный, прощальный, незабвенный...

[т. 2, кн. 1, с. 99]

Созвучен образу *печати на сердце* образ *метки в душе*.

Но с души *не стирается метка*
Незначительной встречи с тобой.

«О тебе *вспоминаю* я редко», 1913 [т. 1, с. 163]

Время неизбежно оставляет какой-то след на потемневших страницах старых книг, что постепенно приводит к их уничтожению.

Теперь меня *позабудут*,
И *книги сгниют* в шкафу.
Ахматовской звать не будут
Ни улицу, ни строфу.

«И увидел месяц лукавый...», 1946 [т. 4, с. 415].

Слово *пятно* как знак памяти отмечено нами и в стихотворении Н.А. Некрасова «Букинист и библиограф» (1877).

Одно заметил я давно,
Что, как зазубрина на плуге,
На книге каждое *пятно* –
Немой свидетель о заслуге.

[т. 3, с. 216]

²²⁰ Щеглов, Ю.К. Черты поэтического мира Ахматовой // Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст. / А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов. – М.: АО Издательская группа «Прогресс», 1996. – С.

Память о встречах с землей остается на плуге, так же и книга сохраняет память о руках того, кто прикасался к ней когда-то.

Книга как свидетель далёкого прошлого формирует ещё одно метафорическое поле в поэтическом языке обоих авторов. Отмечая метафору «память – книга», Л.М. Бондарева обращает внимание на то, что эта книга не является обычной, целостной и завершённой, она меняется, в ней нет постоянства, и в этом она похожа на память: эта книга фактически завершена, но её можно интерпретировать без конца, истолковывать по-разному, изменения, которые происходят с воспоминаниями, всегда непредсказуемы. В этом заключается причина того, что память безгранична.²²¹ Такой образ встречается в стихотворении Анны Ахматовой «Надпись на книге» (1940):

И сада Летнего решетка,
И оснеженный Ленинград
Возникли, словно в книге этой
Из мглы магических зеркал,
И над задумчивою Летою
Тростник оживший зазвучал.
[т. 1, с. 479]

Надо отметить, что слово *Лета* (в древнегреческой мифологии так называют реку забвения) занимает особое место в поэтических текстах Анны Ахматовой. Шесть раз с разными оттенками смысла его произносит поэтесса. Трижды оно встречается в «Поэме без героя»:

Хочешь мне сказать по секрету, / Что уже миновала Лету / И иною дышишь весной («Поэма без героя», 1945) [т. 3, с. 99];

...я воды Леты пью.

Мне доктором запрещена унылость. *Пушкин*
«Решка. Поэма без героя, 11», 1940-1965 [т.3, с. 111]

²²¹ Бондарева, Л.М. К метафорике памяти (статический и динамический аспекты) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – Вып. 4. – С. 72.

И в каких сияньях янтарных
Там, у устья *Леты* – Невы.

«Глава вторая. Поэма без героя, 7», 1940-1965 [т. 3, с. 140]

Лета, традиционно река забвения, превращается у Анны Ахматовой в символ памяти или того места, где остановилось время. Близкий образ можно встретить у Георгия Иванова – известного поэта Серебряного века:

...Зимний день. Петербург. С Гумилевым вдвоем,
Вдоль замерзшей Невы, как по берегу *Леты*,
Мы спокойно, классически просто идем...

«Ликование вечной блаженной весны...», 1958

Испив воды из Леты, можно забыть мир, в котором царит суэта и ложь и приобщиться к иному, прекрасному бытию: *Но возьму и за Лету с собою / Очертанья живые моих царскосельских садов* («Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли...», 1957) [т. 2, кн. 1, с. 202].

Этот образ никогда не встречается в поэзии Н.А. Некрасова. Любимая река поэта – Волга, которая появляется в некоторых стихотворениях и связана с воспоминаниями о детских годах.

Вернемся к мотиву книги в творчестве Анны Ахматовой. Поэтесса приравнивает последнюю страницу книги к забвению.

А в книгах я *последнюю страницу*
Всегда любила больше всех других –
Когда уже совсем не интересны
Герой и героиня, и прошло
Так много лет, что никого не жалко.

<...>

И даже «вечность поседела»,
Как сказано в одной прекрасной книге.

«А в книгах я последнюю страницу...», 1943 [т. 2, кн. 1, с. 54]

По свидетельству современников Анны Ахматовой, фраза *и даже «вечность поседела»* отсылает читателя к произведению Марка Твена «Том Сойер».

Загнутый уголок на странице в книге, несомненно, выступает как особый символический знак, и даже мистический – у Ахматовой.

Отчего же на этой странице
Я когда-то *загнул уголок?*
И всегда открывается книга
В том же месте. И странно тогда:
Все как будто с прощального мига
Не прошли невозвратно года.

«Подражание И. Ф. Анненскому...», 1911 [т. 1, с. 54]

Все унеслось прозрачным дымом,
Истлело в глубине зеркал...

«Тот город, мной любимый с детства», 1929 [т. 1, с. 417]

Кроме образа *тления*, верными спутниками забвения у Анны Ахматовой являются *паутина* и *пыль*:

Где есть *паук* и *пыль* на всем лежит,
Где *истлевают* пламенные письма,

«Есть три эпохи у воспоминаний...», 1945 [т. 2, кн. 1, с. 99]

Слой пыли отождествляется с забвением и в художественной системе Н.А. Некрасова. Это полностью согласуется с устойчивым выражением *пыль веков*, которое в современном русском языке стало общеупотребительным: *И слышу голос: «Слоем пыли / Давно покрыт прошедший век»* («Человек», 1838) [т. 1, с. 191]; *А дни летят... Слой пыли гуще, шире / День ото дня на позабытой лире...* («Из письма к Е.А. Некрасовой», 1840) [т. 14, кн. 1, с. 29]

Оба поэта обращаются к образу забытой могилы, заросшей травой, этот закон жизни неизбежен и жесток. У Анны Ахматовой в качестве «растительных» символов выступают *крапива* и *чертополох*:

За то, что дым сравнил с Лаокооном,
Кладбищенский воспел *чертополох*...

«Борис Пастернак», 1936 [т. 1, с. 427]

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху
 Украсить ее предстоит.

«В сороковом году», 1940 [т. 4, с. 243]

Так же зарастают быльем и ушедшие года. В стихотворении «Почернел, искривился бревенчатый мост...» (1916), вспоминая о своей юности (Я встречала там двадцать первый год), Ахматова рисует «пейзаж забвения»:

И стоят *лопухи* в человеческий рост,
 И *крапивы* дремучей поют леса,
 Что по ним не пройдет, не блеснет коса.

Анна Зализняк рассматривает фразеологизм *быльем поросло*, с этим выражением ассоциируется представление об уничтожении памяти самим течением жизни. Существительное *былье* является собирательным и произведено от слова *быль* (трава), которое, в свою очередь, образовано от глагола *быть* в его прежнем значении «расти». Могила зарастает травой, никто не ухаживает за ней: трава, которая вырастает на этой могиле, становится символом уничтожения памяти о том, кто в ней похоронен.²²²

В приведённом ниже отрывке в образе крапивы, превращающейся в розу, символически выражено, как забвение превращается в память:

И *крапива* запахла, как *розы*, но только сильней.
 Было душно от зорь, нестерпимых, бесовских и алых,
 Их *запомнили* все мы до конца наших дней.

«Небывалая осень построила купол высокий...», 1922 [т. 1, с. 393]

Образ «травы забвения» также характерен для поэтического языка Н.А. Некрасова. Например, в стихотворении «В.Г. Белинский» (1855) поэт

²²² Зализняк Анна А. Концептуализация памяти и забвения в русском языке // Зализняк Анна А. Константы и переменные русской языковой картины мира: [сб. статей] / И.Б. Левонтина, А. Д. Шмелев, А. А. Зализняк. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – С. 490.

говорит с горечью о том, что друзья собирались поставить на могиле своего друга памятник, но лень не дала им сделать это: *Могила заросла кругом: / Не сыщешь...* [т. 4, с. 9].

В стихотворении «Колизей» (1839), уже приведённом нами, *мох* и *плющ* на развалинах старого здания выступают как символы полного забвения:

*Поросшие мхом, окаймленные плющом,
Развалины древнего зданья стоят,
Ничем не напоминают они о живущем,
О смерти на каждом шагу говорят.*

[т. 1, с. 202]

Здесь же поэт метафорически интерпретирует слово *тернии* (терновник), сообщая своим строкам необычайную экспрессию:

*О, лучше б забвенья миллионами терний
Тогда ж закидало скорбящий мой взор!*

О забытом прошлом, о том, как разрушается и исчезает человеческая память говорят стены старинного храма, заросшие травой, в стихотворении Н.А. Некрасова «Детство» (1873):

*Эти остатки убогие
Преобразились в развалины
<...>
Травами густо проросшие,
В зелени стены терялися...*

[т. 3, с. 121]

Противопоставление *развалин* и *убогих остатков* представляет семантическую оппозицию «память – забвение». Следует отметить, что в том же стихотворении *остатки* приравниваются к *развалинам*. Построенная недавно новая церковь *заслоняет развалины старой: но до остатков строения / Руки мирян не коснулись* [т. 3, с. 120].

В другом стихотворении, «Колизей», слово *развалины*, как и *руины*, приобретает значение исторического памятника, предмета старины и поклонения древнейшей культуре:

Чу! звон колокольный! иди на средину
Развалин печальных, к предвечному в храм...
 [т. 1, с. 204]

В этом же произведении словосочетание *обломок здания* включено автором в метафорический ряд, связанный с памятью, а не забвением:

*Но – слава искусству и древним умам! –
 Еще нам напомнить и каждый обломок
 Способен об их исполинском труде...*
 [т. 1, с. 202]

Так же, как у Некрасова, в поэтической системе Анны Ахматовой тоску лирической героини о прошедших днях, которые вернуть уже невозможно, символизируют осколки разбитого золотистого кувшина («Алиса», 1911):

Все тоскует *о забытом*
 О своем весеннем сне,
 Как Пьеретта о разбитом
 Золотистом кувшине...
Все осколочки собрала,
 Не умела их сложить...
 [т. 1, с. 46]

Удивительным оказывается совпадение, которое выявлено нами в приведённом выше стихотворении Н.А. Некрасова «Детство» (1873) и стихотворении Анны Ахматовой «Надпись на книге» (1930-1939). У Некрасова видим такие строки:

Я провалилась в *развалины*,
 Внутрь *запустелого* здания,
 Где не бывала со времени
 Службы последней...
 [т. 3, с. 122]

В стихотворении Анны Ахматовой «Надпись на книге» лирическая героиня тоже попадает под тяжелые развалины прошлого, куда она проваливается.

Из-под каких *развалин* говорю,
Из-под какого я кричу обвала
[т. 1, с. 457]

В поэзии Анны Ахматовой память часто отождествляется с домом. Как отмечает Е.В. Малышкин, всякое воспоминание бывает локальным, связанным с определённым местом, и в этом смысле сама память всегда бывает локальной.²²³

Я прошлое в доме моем *берегу*,
Над прошлым тайно колдуя
«Пришли и сказали: “Умер твой брат” ...», 1910 [т. 1, с. 27]

Память олицетворяется в образе хозяйки дома и в произведении Н.А. Некрасова «Незабвенная» (1839). Память хранит ключи от сердца, где живут самые дорогие для человека воспоминания:

О память, память! образ нежный
Надолго *в сердце заключи*,
Запри его рукой прилежной
И брось ненужные ключи!..
[т. 1, с. 219]

В своей поэзии Анна Ахматова приравнивает уничтожение дома к забвению, а музей отождествляет с могилой, где вещи обрели вечный покой:

От дома того – ни щепки,
Та *вырублена* аллея,
Давно *опочили в музее*
Те шляпы и башмачки.
Из цикла «Юность», 1940 [т. 4, с. 226]

Оставленный дом сравнивается с могилой также в стихотворении Анны Ахматовой «Есть три эпохи у воспоминаний» (1945):

В глухом предместье дом уединенный,
<...>

²²³ Малышкин, Е.В. Метафоры памяти в истории философской мысли: дис. ... д-ра филос. наук. – СПб., 2015. – С. 105.

Куда как *на могилу ходят* люди,
А возвратившись, *моют руки с мылом...*
[т. 2, кн. 1, с. 99].

Глагольное словосочетание *ходить на могилу* (помнить) противопоставлено выражению *мыть руки с мылом* (хотеть забыть). Слово *могила* в метафорическом значении объединяет и забвение, и память. В современном русском языке устойчивое выражение *забытая могила* теперь не воспринимается носителями языка как оксюморон. Забвению могут противостоять только камень и крест. В приведенных ниже отрывках можно услышать поэтическую переключку времен:

Пускай *долговечнее мрамор могил*,
Чем крест деревянный в пустыне,
Но мир Долгорукой еще *не забыл...*

Н. А. Некрасов. Русские женщины, 1872 [т. 4, с. 170]

И *крест над могилой забытой* стоял,
Белея, как призрак безмолвный.

А. А. Ахматова. «Над черною бездной с тобою я шла...», 1904 [т. 1, с. 6]

У Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой есть ещё один общий для мотива, который связан с темой памяти, – это *месть*. Оба поэта используют это слово и в названиях стихотворений: например, «Месть» Ахматовой и «Месть горца» Некрасова. Поэзия для Некрасова – «муза мести и печали». Как пишет Е.В. Малышкин, месть служит человеку одним из способов преодолеть время. Месть преследует цель вернуть прошлое и по возможности изменить его, она хочет возмездия. Обычно это движение от проявленной слабости к силе, которая искажает то, что существует. Месть не может вернуть прошлое, она лишь временно скрывает его, сглаживает боль, причинённую памятью.²²⁴

²²⁴ Малышкин Е. В. Метафоры памяти в истории философской мысли: дис. ... д-ра филос. наук. Санкт-Петербург, 2015. – С. 74.

Мне какую готовишь *месть*?
 Ты не выпьешь, только пригубишь
 Эту горечь из самой глубины –
 Это вечной разлуки весть.

А.А. Ахматова. «Поэма без героя», 1942 [т. 4, с. 200]

Где елей искалеченные руки
Взывали к мщенью – зеленеет ель,
 И там, где *сердце ныло от разлуки*, –
 Там мать поет, качая колыбель.

А.А. Ахматова. «Прошло пять лет, – и залечила раны...», 1950 [т. 2, кн. 1, с. 148]

Замолкни, *Муза мести* и печали!
 Я сон чужой тревожить не хочу.

Н.А. Некрасов. «Замолкни, Муза мести и печали!..», 1855 [т. 1, с. 182]

Торжествует *мстительное чувство*,
 Догорая, теплится любовь.

Н.А. Некрасов. «Праздник жизни – молодости годы...», 1855 [т. 1, с. 162]

Творчество Некрасова и Ахматовой сближается в том, что оба поэта обращают особое внимание на содержание внутреннего мира человека. В их стихотворениях ощущается глубокое переживание. Этот «пронзительный, страстный, и трагический рассказ о любви приносит любящим больше страдания, чем радости».²²⁵

Таким образом, мы видим, что знаки и символы памяти сближают поэзию Некрасова и Ахматовой и позволяют понять глубинный смысл их произведений.

²²⁵ Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925/ Пер. с англ. Р. Зерновой. 5. изд., испр. и доп. – Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2014. – С. 370.

3.7 Глаголы с семантическим компонентом ‘память’ в поэтическом языке А.А. Ахматовой и Н.А. Некрасова

В лирике Анны Ахматовой, как замечает Е.А. Тихомирова, глаголы со значением ‘память’ доминируют над существительными.²²⁶ Это наблюдение имеет представляется нам особенно важным.

В поэзии Некрасова встречается 49 глаголов, значение которых включает семантический компонент ‘память’: 37 глаголов имеют значение ‘помнить’ и 12 глаголов – значение ‘забывать’. Приведём список этих глаголов с количеством словоупотреблений:

помнить (60), *выучить* (1), *заучивать* (1), *твердить* (2), *усваивать* (1), *запомнить* (5), *упомнить* (2), *хранить* (7), *сохранить* (2), *сохранять* (1), *сберечь* (1), *запасть* (1), *вспоминать* (16), *вспомнить* (28), *вспоминаться* (2), *вспомниться* (2), *вспомнать* (1), *поминать* (7), *помянуть* (10), *поминаться* (1), *припомнить* (18), *припоминать* (7), *зашевелиться* (1), *промелькнуть* (1), *напоминать* (3), *напомнить* (9), *попомнить* (4), *повторить* (3), *повторять* (3), *повториться* (1), *внушить* (3), *внушать* (1), *оживлять* (2), *оживить* (5), *тосковать* (2), *узнавать* (2); *запечатлеть* (1); *забыть* (81), *забывать* (10), *забыться* (5), *позабыть* (26), *позабывать* (4), *позабыться* (4), *изгладить* (2), *оставить* (2), *кануть* (2), *прихлынуть* (1), *сгинуть* (2), *исчезнуть* (1).

Отмечено 357 словоупотреблений, в том числе причастий и деепричастий. Среди них нет индивидуально-авторских словоупотреблений, которые будут рассматриваться нами отдельно. В качестве источника данной выборки послужили произведения Некрасова, где были употреблены эти глаголы: 11 поэм и 214 стихотворений.

На наш взгляд интересно то, что в половине случаев (32 раза) глагол *помнить* у Некрасова употребляется в форме 1 лица – *помню*, тогда как у Анны Ахматовой лишь 15 раз.

²²⁶ Тихомирова Е.А. Мотив памяти в лирике А.А. Ахматовой // Polilog. StudiaNeofilologiczne. SlupskAkademiaPomorskawSlupsku, 2012. № 2. – С. 360.

В поэтическом языке Ахматовой было выявлено 38 глаголов, в значении которых есть семантический компонент ‘память’: 29 глаголов имеют значение ‘помнить’ и 9 глаголов – значение ‘забывать’. Приведём список этих глаголов с указанием числа словоупотреблений:

помнить (43), *вспомнить* (12), *вспоминать* (20), *поминать* (5), *оглянуться* (1), *тосковать* (1), *припоминать* (7), *припомнить* (5), *помянуть* (2), *узнавать* (7), *запоминать* (2), *запомнить* (10), *выучить* (1), *твердить* (1), *запомниться* (5), *напоминать* (2), *напомнить* (2), *воскресать* (1), *восстать* (1), *всплывать* (1), *мелькнуть* (4), *мелькать* (1), *промелькнуть* (2); *хранить* (9), *сохранить* (4) *повторять* (2); *беречь* (9), *поберечь* (1); *обессмертить* (1); *забыть* (55), *забывать* (5), *позабыть* (8), *перезабыть* (1), *угаснуть* (1), *стираться* (2), *стереть* (2), *исчезнуть* (1), *погребать* (1).

Отмечено 238 таких словоупотреблений, в том числе причастий и деепричастий. Среди них нет глаголов, которые приобретают данные значения в индивидуально-авторском употреблении, таких как *мниться*, *мечтать*, *сниться*, которые будут рассматриваться нами отдельно.

Таблица 4

Некрасов	Ахматова
<i>помнить</i> (60) 11 с частицей <i>не</i>	<i>помнить</i> (43) с отрицанием 7
<i>сберечь</i> (1) <i>сохранить</i> (2) 1 с частицей <i>не</i> <i>сохранять</i> (1) <i>хранить</i> (7) 1 с частицей <i>не</i>	<i>беречь</i> (9) <i>поберечь</i> (1) <i>сохранить</i> (4) <i>хранить</i> (9)
<i>запомнить</i> (5) 1 с частицей <i>не</i>	<i>запоминать</i> (2) <i>запомнить</i> (10) <i>запомниться</i> (5)
<i>выучить</i> (1) 1 с частицей <i>не</i> <i>заучивать</i> (1) <i>твердить</i> (2) <i>усваивать</i> (1)	<i>выучить</i> (1) <i>твердить</i> (1)

<p>вспоминать (16) с отрицанием 1 вспоминаться (2) вспомнить (28) с отрицанием 1 вспомниться (2) вспомнать (1) оживить (5) оживлять (2) прихлынуть (1) тосковать (2) узнавать (2)</p>	<p>вспоминать (20) с отрицанием 2 вспомнить (12) с отрицанием 1 оглянуться (1) тосковать (1) узнавать (7)</p>
<p>припоминать (7) припомнить (18)</p>	<p>припоминать (7) припомнить (5)</p>
<p>поминать (7) поминаться (1) помянуть (10) 2 с частицей не</p>	<p>поминать (5) помянуть (2)</p>
<p>внушать (1) внушить (3) напоминать (3) напомнить (9) 1 с частицей не повторить (3) повториться (1) повторять (3)</p>	<p>напоминать (2) напомнить (2) повторять (2)</p>
<p>промелькнуть (1)</p>	<p>мелькать (1) мелькнуть (4) промелькнуть (2)</p>
	<p>воскресать (1)</p>
<p>запасть (1) запечатлеть (1) зашевелиться (1) попомнить (3) прихлынуть (1) упомнить (2)</p>	<p>восстать (1) всплывать (1) обессмертить (1)</p>
<p>забывать (10) 2 с отрицанием забыть (81) 26 с отрицанием забыться (5) 2 с отрицанием</p>	<p>забывать (5) забыть (55) 23 с отрицанием</p>
<p>позабывать (4) позабыть (26) 2 с отрицанием позабыться (4) 2 с отрицанием</p>	<p>перезабыть (1) позабыть (8) с отрицанием 3</p>

<i>изгладить</i> (2) <i>исчезнуть</i> (2) <i>кануть</i> (2) <i>оставить</i> (2) <i>сгинуть</i> (2)	<i>исчезнуть</i> (1) <i>погребать</i> (1) <i>стереть</i> (2) <i>стираться</i> (2) с отрицанием 1 <i>угаснуть</i> (1)

Как можно заметить, глаголы *помнить*, *вспомнить* и *вспоминать* преобладают у обоих поэтов: у Некрасова 104 словоупотребления из 357, у Ахматовой 75 словоупотреблений из 238.

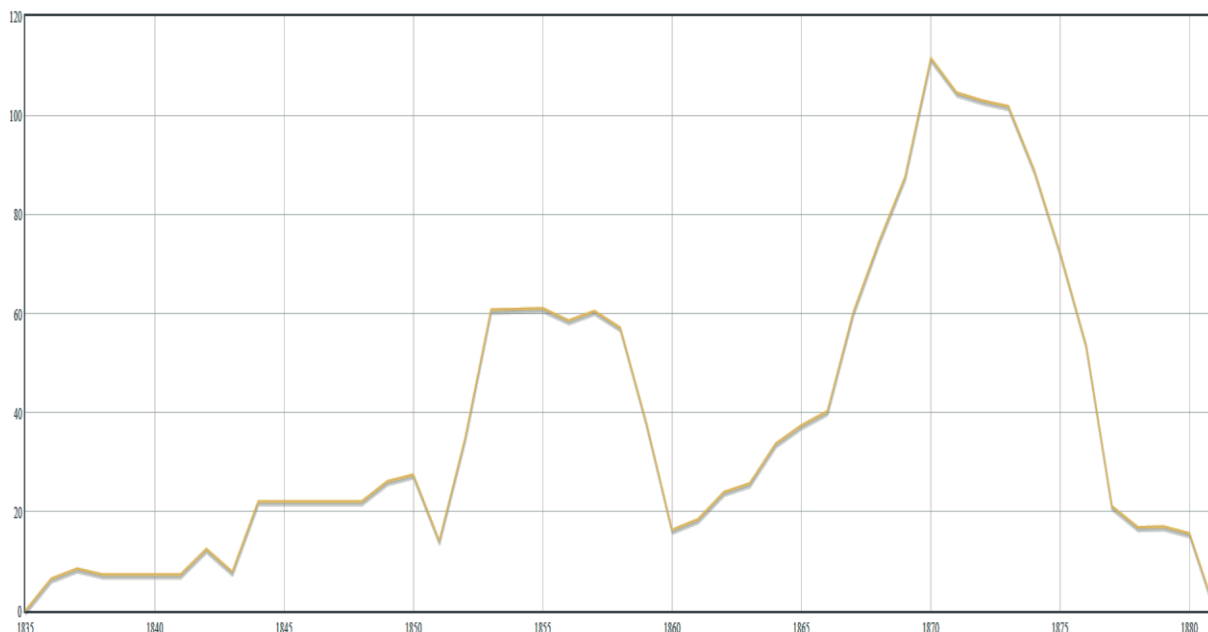
Покажем распределение по годам слова *помнить* в поэтическом языке Анны Ахматовой:

График 3

Данный график практически повторяет приведенный выше относительно слова *ПАМЯТЬ*, что является подтверждением усиления данного мотива в позднем творчестве Ахматовой.

Аналогичную картину можно увидеть на графике распределения по годам слова *помнить* в поэтическом языке Н.А. Некрасова:

Обратимся к анализу некоторых наиболее показательных поэтических текстов. Во многих стихотворениях Некрасова глагол *помнить* выполняет функцию оператора, переключающего внимание читателя или героя из настоящего в прошлое и выступает в роли вводного слова.

Здесь, я *помню*, в парадные дни
Странен был среди знати высокой
Человек без звезды на груди.

«Недавнее время», 1863-1871 [т. 3, с. 73]

Потом, я *помню*, целый год
Во сне я видел этот свод,

«Суд», 1866-1867 [т. 3, с. 29]

Так, *помню*, солнышко украдкой
Глядит, бывало, поутру...

«Несчастные», 1856 [т. 4, с. 48]

Так, *помню*, истошив напрасно
Всё буйство скорби и страстей,
Смирялась кротко и прекрасно
Вдруг Муза юности моей.

«Зачем насмешливо ревнуешь...», 1852-1855 [т. 1, с. 157]

Глаголы *вспоминать* и *вспомнить*, несмотря на видовое различие, соотносятся у Некрасова с длительным отрезком времени и передают глубокие переживания героя.

Чтоб в старости, бывшее *вспоминая*,
 Могли мы повторять, смеясь:
 «А *помнишь* ли, гурьба какая
 На этот праздник собралась?
 <А. Е. Мартынову>, 1859 [т. 2, с. 51]

Вошла – и *всё* я *вспомнила*:
 Свечами воску ярого
 Обставлен, среди горенки
 Дубовый стол стоял,
 На нем гробочек крохотный...
 «Кому на Руси жить хорошо», 1865-1877 [т 5, с. 159]

Всё, что кануло и сгинуло
 В треволненьях жизни сей,
Всё я *вспомнил*, всё прихлынуло
 К сердцу...
 «Филантроп», 1853 [т. 1, с. 118]

Я *вспомнил* всё... одним *воспоминаньем*,
 Одним прошедшим я живу...
 «Да, наша жизнь текла мятежно...», 1850 [т. 1, с. 73]

У Анны Ахматовой эти слова интерпретируются иначе. Примером того, что поэтесса уделяет особое внимание глаголам памяти, может служить отрывок из «Поэмы без героя» (1941), посвящённой тем, погибшим во время ленинградской блокады:

И была для меня та тема,
 Как раздавленная хризантема
 На полу, когда гроб несут.
 Между «*помнить*» и «*вспомнить*», други,
 Расстояние, как от Луги

До страны атласных баут²²⁷.

[т. 3., с. 194]

Глагол *помнить* имеет значение «удерживать в памяти, не забывать»²²⁸; глагол *вспомнить* – «восстановить, возобновить в памяти (прошлое, забытое)».²²⁹

Давая комментарий этому стихотворению, А.С. Демидова отмечает, что глагол *вспомнить* передаёт быстро проходящее чувство, а *помнят* обычно долго.²³⁰ Автор пишет, что город *Лу́га* является для Ахматовой самым худшим из всех городов. Он находится на расстоянии 137 километров от Ленинграда и в своё время был границей оседлости для тех людей, которые были освобождены из ГУЛАГа. От этого места до Венеции – *страны атласных баут* – огромное расстояние. Но нельзя забыть, как пахнет после похорон *раздавленная хризантема*.²³¹

Глагол *вспомнить* имеет значение внезапно нахлынувшего и быстро исчезающего чувства. Это значение подтверждается многими строками поэзии Анны Ахматовой, этот глагол обычно сопровождают наречия *на лету, сразу*:

«Но, верно, *вспомню на лету*, / Как запылал Ташкент в цвету...» [«Еще одно лирическое отступление», 1943, т. 2, кн. 1, с. 51]; «И *сразу вспомнит*, как поклялся он / Беречь свою восточную подругу» [«Когда о горькой гибели моей...», 1917, т. 1, с. 321].

Глагол *помнить* в то же время часто употребляется вместе со словами *всё, долго и каждый*, подчеркивающими продолжительность этого действия: «Я *помню все* в одно и то же время» [«Творчество», 1959, т. 2., кн. 2, с. 20]; «И ты отвечаешь: «*Долго ж ты помнишь* свою потерю» [«Я подымаю трубку.

²²⁷ До Венеции. *Баута* – известная венецианская карнавальная маска.

²²⁸ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб: Норинт, 2006. – С. 915.

²²⁹ Там же. – С. 161.

²³⁰ Демидова А. С. Ахматовские зеркала: Комментарий актрисы. – М.: ПРОЗАиК, 2010. – С. 333.

²³¹ Там же. – С. 334.

Я называю имя...», 1957, т. 2, кн. 1, с. 197]; «Здесь *помню каждую* ветку / И каждый силуэт» [«Белый дом», 1914, т. 1, с. 200].

В значении долгого сохранения в памяти событий употребляются общеязыковые метафорические глаголы *хранить*³ – никогда не забывать, всегда помнить²³²; *сохранить*⁵ – надолго удержать в памяти²³³; *беречь*² – стараться сохранять в первоначальном виде; не утрачивать (обычно так говорят о чувствах, воспоминаниях).²³⁴ Эти глаголы встречаются у обоих поэтов: у Некрасова – «Былого величья *хранит* она тень» [«Колизей», 1839, т. 1, с. 202]; «Может быть, *не сохраню* я / В бедной памяти моей / Ни очей, ни поцелуя» [«Слеза разлуки», 1840, т. 1, с. 340]; у Ахматовой – «И комната, где окна слишком узки, / *Хранит* любовь и *помнит* старину» [«Вечерняя комната», 1911, т. 1, с. 45]; «Но образ твой, твой подвиг правый / До часа смерти *сохраню*» [«О нет, я не тебя любила...», 1917, т. 4, с. 154]; «А ты письма мои *береги*, / Чтобы нас рассудили потомки...» [«Столько просьб у любимой всегда!..», 1913, т. 1, с. 114].

Глагол *припомнить* окрашен в поэтическом языке Ахматовой нежностью и легкой грустью: «Тогда *припомни* час единый, / Вечерний удаленный час» [«Последнее письмо», 1913, т. 1, с. 129]; «Я проснулась и *припомнила*: / Милый, нынче праздник твой» [«8 ноября 1913», т. 1, с. 133]. Приставка *при-* придает этому глаголу дополнительное значение «приближение прошлого к настоящему моменту».

Таким же настроением окрашен глагол *припомнить* и в следующих некрасовских строках:

Припомнил он игры ребяческих лет
В далеком Юрзуфе, над морем.

«Княгиня М. Н. Волконская» (Русские женщины, 2), 1872 [т. 4, с. 148]

²³² Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб: Норинт, 2006. – С. 1453.

²³³ Там же. – С. 1243.

²³⁴ Там же. – С. 72.

Следует отметить высокую степень экспрессивности стихотворных текстов Некрасова, связанных с воспоминаниями о счастливых днях:

В *тоске по юности* моей
И в *муках* разрушенья
Прошедших невозвратных дней
Припомнив впечатленья
«Памяти Асенковой», 1854-1855 [т. 1, с. 146]

Дни благословенные, дни многоотрадные
Промелькнувшей радости,
Снова *уловляю я памятью жадною*
Нектар вашей сладости.
«Дни благословенные», 1839 [т.1, с.251]

Должна я увидеть его...
Умру я, *тоскуя по муже*...
«Княгиня М. Н. Волконская» (Русские женщины, 2), 1872 [т. 4, с. 148]

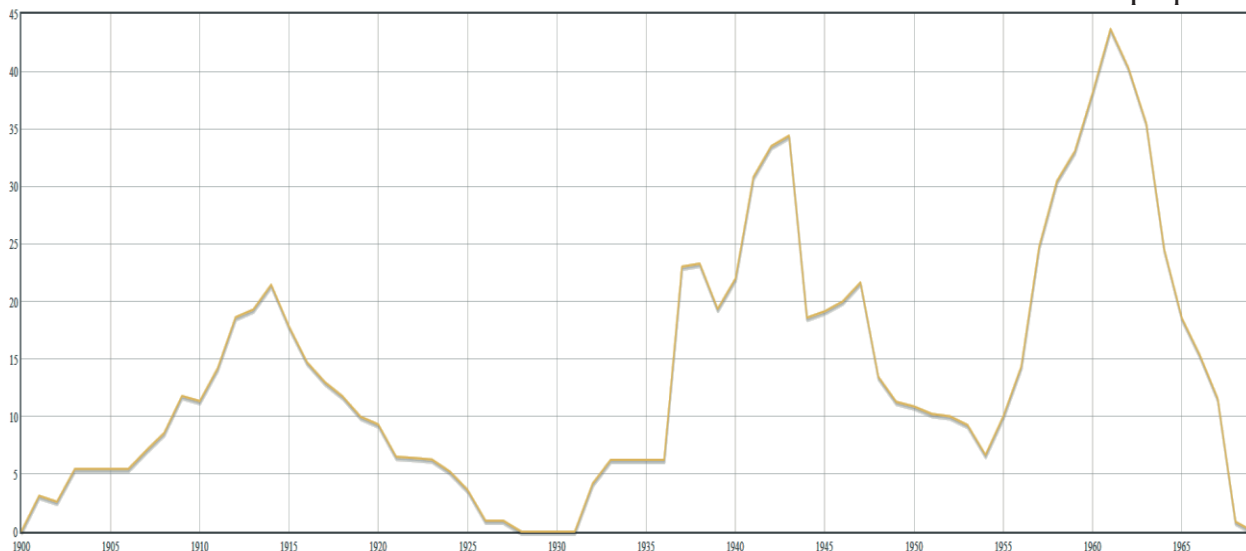
В последнем примере глагол *тосковать* употреблен в значении ‘вспоминать с тоской’, его значение усиливается благодаря соседству с глаголом *умереть*: *Умру я, тоскуя*.

В том же значении глагол *тосковать* встречается в поэтическом языке Ахматовой в стихотворении «Все тоскует о забытом...» (1911).

Глагол *забыть* преобладает у обоих поэтов: у Некрасова 81 словоупотребления из 357, у Ахматовой 55 словоупотреблений из 238.

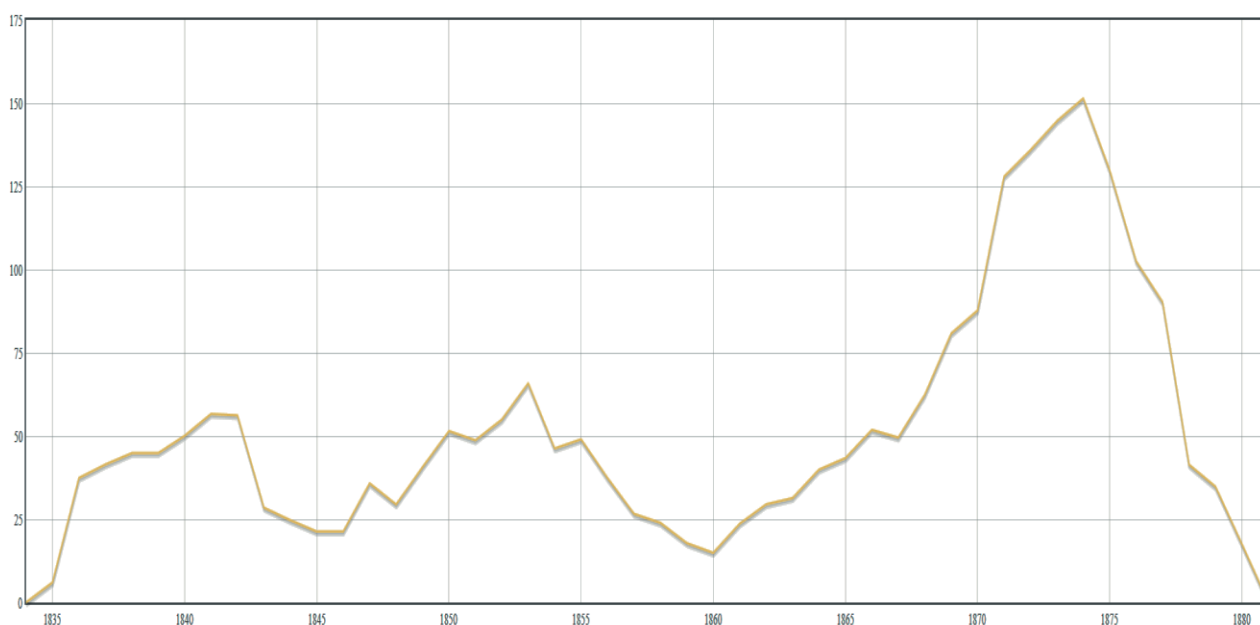
Покажем распределение по годам наиболее частотного слова *забыть* в поэтическом языке Анны Ахматовой. Следует отметить, что форма несовершенного вида этого глагола встречается значительно реже:

График 5

Распределение по годам слова *забыть* в поэтическом языке Н.А. Некрасова показано на графике, приведенном ниже, где можно увидеть похожую картину – возрастание употребления данного слова во второй половине творческого пути.

График 6

Глаголы *стереть*, *стираться* в значении ‘забвения’ являются общеупотребительными, но у Анны Ахматовой проявляется их внутренняя форма, она становится отчетливой.

Возникают, *стираются лица*,
Мил сегодня, а завтра далек.

«Подражание И.Ф.Анненскому...», 1911 [т. 1., с. 54]

Но с души *не стирается* метка
Незначительной встречи с тобой.

«О тебе *вспоминаю* я редко», 1913 [т. 1, с. 163]

Еще не замер смех, струятся слезы,
Пятно чернил не стерто со стола, -
И, как печать на сердце, поцелуй...

«Есть три эпохи у воспоминаний...», 1945 [т. 2, кн. 1, с. 99]

В последних двух примерах эти глаголы употреблены с отрицательной частицей *не* и таким образом попадают в поле памяти, а не забвения.

Тема забвения возникает в таких стихотворных строках:

Где есть паук и *пыль на всем лежит*,
Где *истлевают пламенные письма*...

[т. 2, кн. 1, с. 99]

Глагол *истлевать* имеет то же значение, что и глагол *забываться*. Дом приравнивается к могиле: *Куда как на могилу ходят люди / А возвратившись, моют руки с мылом*. Глагольное словосочетание *ходить на могилу* (в значении ‘помнить’) противопоставлено иносказательному *мыть руки с мылом* (в значении ‘желать забыть’).

Как считает О.В. Симченко, память для человека является преисподней его души, в определённом смысле царством мертвых. Не может быть случайным, что лирическая героиня Анны Ахматовой в некоторых стихотворениях говорит о себе как об умершей, говорит о том, что живет в доме, который ей приснился.²³⁵ У Ахматовой память и забвение часто отождествляется с домом:

Теперь меня *позабудут*,

²³⁵ Симченко О. В. Тема памяти в творчестве Анны Ахматовой // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1985. Т. 44. № 6. – С. 516.

И книги *сгниют* в шкафу.

«И увидел месяц лукавый...», 1946 [т. 4, с. 415].

Я *прошлое* в доме моем *берегу*,

Над *прошлым* тайно *колдую*

«Пришли и сказали: «Умер твой брат» ...», 1910 [т. 1, с. 27]

Забвение представлено также в метафорических глаголах, включающих семантический компонент ‘уничтожение’: *истлеть, истлеть, сгнить, стираться, погребать*. Эти глаголы получают символическое значение: *Все унеслось прозрачным дымом, / Истлело в глубине зеркал... «Тот город, мной любимый с детства», 1929, [т. 1, с. 417]*

В заключительной части стихотворения «Есть три эпохи у воспоминаний...» (1945) значение невольного забвения выражают глаголы, которые объединены семантическим значением отрицания памяти: *не с кем вспоминать, не с кем плакать, меняться (меняются названья городов), не призывать, забыть путь, уходить (от нас уходят тени)*.

На многоплановый характер образа памяти в поэме Ахматовой «Реквием» указывает И.Б. Ничипоров в статье, посвящённой поэтическому творчеству Анны Ахматовой и Александра Галича. Он обращает особое внимание на то, что героиня не хочет принимать беспамятства, приравнивает его к безумию: *надо память до конца убить*. Эпилог поэмы «Реквием» содержит вызов, который героиня бросает забвению как следствию тоталитарной системы: *Хотелось бы всех поименно назвать, / Да отняли список, и негде узнать.*²³⁶ Эта часть поэмы насыщена глаголами, которые прямо или косвенно связаны с поминовением усопших, с вечной памятью о них:

Опять *поминальный* приблизился час.

Я *вижу*, я *слышу*, я *чувствую* вас...

[т. 3., с. 29]

²³⁶ Ничипоров И.Б. Тема памяти в поэзии А. Ахматовой и А. Галича [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37212.php> (дата обращения: 04.10.2017).

Глаголы *видеть, слышать, чувствовать* значат «помнить». Эти глаголы объединяются в одной строке, что придаёт всему тексту интонацию, похожую на заклинание, нарастающую благодаря тому, что повторповторяются одни и те же глагольные формы первого лица единственного числа и используется экспрессивное наречное сочетание *всегда и везде*:

О них *вспоминаю* всегда и везде,
О них *не забуду* и в новой беде...
[Т. 3., с. 29]

В словах *память, вспоминать, поминальный, поминать* выражается мысль о том, что никогда невозможно забвеньё, эти слова приводят читателя к размышлениям о каменном памятнике, в котором запечатлено страдание, которое поэт разделил с тысячами своих соплеменников.²³⁷

Пусть так же оне *поминают* меня
В канун моего погребального дня.
[Т. 3., с. 29]

Форма повелительного наклонения *пусть поминают* также соответствует стилистике заклинания, в последних строках поэмы ей созвучны глаголы *пусть струится, пусть гулит, пусть идут*:

И *пусть* с неподвижных и бронзовых век
Как слезы *струится* подтаявший снег,
И голубь тюремный *пусть гулит* вдали,
И тихо *идут* по Неве корабли.
«Реквием», 1940 [Т. 3., с. 30]

Ту же функцию выполняет анафора, которая предшествует этим строкам: в начале соседних строк, следующих за глаголом *боюсь*, повторяется глагол *забыть*.

Затем, что и в смерти блаженной *боюсь*

²³⁷ Зайцев В. А. Лекции по истории русской поэзии XX века (1940-2000). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. – С. 135.

Забывать громыхание черных марушь,
Забывать, как постылая хлопала дверь
 И выла старуха, как раненый зверь.

«Реквием», 1940 [т. 3., с. 30]

Повторение глаголов памяти и забвения характерно и для других поэтических текстов Анны Ахматовой.

Голоса пленительные звуки.

Помню, помню, как они чисты.

«По полу лучи луны разлились», 1909 [т. 1, с. 13]

Вспоминай же, мой ангел, меня,

Вспоминай хоть до первого снега.

«Не стражай меня грозной судьбой...», 1959 [т. 2, кн. 2, с. 18]

Забуду дни любви и славы,

Забуду молодость мою,

«О нет, я не тебя любила...», 1917 [т. 4, с. 154]

У Некрасова такой повтор иногда звучит как заклинание:

Не помни дней паденья,

Тоски, унынья, озлобленья, –

Не помни бурь, *не помни* слез,

Не помни ревности угроз!

«Прости», 1856 [т. 2, с. 30]

Вспомни, он набожен был;

Вспомни, он руку свою тороватую

Вечно раскрытой держал...

«Папаша», 1860 [т. 2, с. 69]

Позабыл я, что значит игра,

Позабыл я, что значит охота!

«В. И. Асташеву», 1866 [т. 2, с. 244]

У Ахматовой глаголы *помнить* и *забыть* могут быть взаимозаменяемы при отрицании ими действия, которое они называют. Среди 62

словоупотреблений глагола *забыть* отмечено 17 случаев использования их в значении ‘помнить’: *не забыть* (11), *как забыть* (2), *не мог забыть* (2), *не хочу забыть* (1), *забыть не дано* (1).

Приведем характерные примеры словоупотребления такого рода:

И волны на берег плывут, как тогда / Им нас не забыть, не забыть никогда [«Ты к морю пришел, где увидел меня...», 1906, т. 2, кн. 2, с. 252]; *Но как забыть, что я слыхала / Биенье сердца твоего?* [«Сочтенных дней осталось мало...», 1910-е годы, т. 1, с. 340]; *Но забыть мне не дано / Вкус вчерашних слез* [«Последняя», 1964, т. 2., кн. 2, с. 205].

Среди 42 словоупотреблений глагола *помнить* отмечено 6 случаев использования его в значении ‘забыть’: *не помнить* (5), *помнить не надо* (1). Можно также включить в эту группу следующие примеры: *не вспомнить* (2), *не вспоминать* (3), *не надо вспоминать* (1), *вспоминать не смей* (1).

Важно отметить, что употребление глагола *забыть* с отрицанием, когда усиливается значение «помнить», отличается от такого же использования глагола *помнить*: у Ахматовой *не помнить* не означает «забыть», а только подчеркивает боль воспоминания: «Где венчались мы – *не помним*, / Но сверкала эта церковь / Тем неистовым сияньем» [«Будем вместе, милый, вместе...», 1915, т. 1, с. 236]; «Не делаем ее в душе своей / Предметом купли и продажи, / Хворая, бедствуя, немотствуя на ней, – / О ней *не вспоминаем* даже» [«Родная земля», 1960, т. 2, кн. 2, с. 120].

У Н.А. Некрасова 11 примеров употребления глагола *помнить* с частицей *не* в значении ‘забыть’ и 25 случаев употребления глагола *забыть* с частицей *не* со значением ‘помнить’:

Да что со мной?

Не помню, хоть убей!

Я выбралась на улицу

Пуста.

«Кому на Руси жить хорошо», 1865-1877 [т. 5, с. 92]

Я утешительного слова
 В изгнании жизни *не забыл*.
 «Изгнанник», 1839 [т. 1, с. 196]

Им *не забыть* своих детей,
 Погибших на кровавой ниве,
 Как не поднять плакучей иве
 Своих поникнувших ветвей...
 «Внимая ужасам войны...», 1855-1856 [т. 2, с. 14]

Характерными метафорами воспоминания выступают в лирике обоих поэтов надпись или рисунок. У Н.А. Некрасова среди других произведений можно выделить стихотворение «Я посетил твоё кладбище...» (1856), где глагол *рисоваться* используется в значении ‘вспоминаться’. Особое внимание хотелось бы обратить на глагол *забыться*, который связан с пробуждением воспоминания в душе лирического героя. Значение этого глагола заключает в себе, как нам кажется, парадоксальную мысль: для того, чтобы вспомнить кого-то, необходимо забыть самого себя.

И образ твой светлей и чище
Рисуется душе моей.
 <...>
 Забудусь, ты *передо мною*
 Стоишь – жива и молода ...
 [т. 2., с. 32]

Память является мысленным возвращением человека в своё прошлое или из прошлого. У Анны Ахматовой это значение часто приобретают глаголы движения: *идти, уходить, проходить (перед глазами), пробраться, бежать*. Вместе с этими глаголами, как правило, употребляются наречия с временным или пространственным значением: *давно, всегда, медленно, туда, навстречу*.

И, задыхаясь от стыда и гнева,
Бежим туда, но (как во сне бывает)

Там все другое: люди, вещи, стены,
И нас никто не знает – мы чужие
[т. 2, кн. 1, с. 99.]

Расталкивая года,
По январям и июлям
Я *проберусь туда*.

Поэма «Путем всея земли», 1940 [т. 3, с. 31]

И *медленно* от нас *уходят тени*,
Которых мы уже не призываем...

«Северные элегии (шестая)», 1945 [т. 2, кн. 1, с. 100]

Из прошлого восставши, молчаливо
Ко мне навстречу *тень моя идет*.

«Царскосельские строки», 1921 [т. 4, с. 292]

И все *проходит перед глазами*
Давно без них, всегда без них.

«Вторая годовщина», 1946 [т. 2, кн. 1, с. 121]

Приведённый отрывок имеет соотношение с общезыковым глагольным сочетанием *стоять перед глазами*, которое имеет значение «все время помниться».

Движение вниз как метафора воспоминания сближает образ памяти у Ахматовой и Некрасова. Так, в упомянутом раньше ахматовском стихотворении «Подвал памяти» (1916) читаем:

Не часто я у памяти в гостях,
Да и она всегда меня морочит.
Когда *спускаюсь с фонарем в подвал,*
Мне кажется – опять глухой обвал
За мной *по узкой лестнице* грохочет.

[т. 4, с. 227]

Похожие строки находим в поэме Н.А. Некрасова «Мать» (1850-1877):

Незримой лестницей с недавних юных дней
 Я к детству *нисходил*, ту жизнь *припоминая*,
 Когда еще была ты нянею моей
 И ангелом-хранителем, родная.
 [т. 4, с. 256]

Глагол *провалиться* в стихотворении Н.А. Некрасова «Детство» (1873) также символизирует возвращение в прошлое:

Я провалилась в развалины,
Внутри запустелого здания,
 Где не бывала со времени
 Службы последней...
 [т. 3, с. 122]

С другой стороны, это может быть и движение вверх, выраженное глаголом *восстать*.

Из прошлого восставши, молчаливо
 Ко мне навстречу тень моя идет.

А. А. Ахматова. «Все души милых на высоких звездах...», (1921) [т. 4, с. 292]

Ещё одна группа содержит такие глаголы ментальной сферы, как *сниться*, *мечтать*, *мниться*. Их употребление как правило бывает связано с воспоминаниями, которые относятся к другому миру, потустороннему, нереальному.

И вновь *мечтала* я о той далекой воле,
 О той стране, где я была с тобой ...
 «Лилии», 1905 [т. 1, с. 5]

Но *мнится* мне: в сорок четвертом,
 И не в июне ль первый день,
 Как на шелку возникла стертом
 Твоя страдальческая тень.
 «Вторая годовщина», 1946 [т. 2, кн. 1, с. 121]

Сплю. – Мне *снится* молодость наша,
 Та, ЕГО миновавшая чаша,
 «Поэма без героя», 1945 [т. 3, с. 94]

Прошлое рисуется как другое пространство, а воспоминание – как возвращение. Глаголы *вернуться*, *возвратиться* могут метафорически приравниваться к *вспоминать*.

Все опять *возвратится* ко мне:
 Раскаленная ночь и томленье
 (Словно Азия бредит во сне),
 Халимы соловьиное пенье,
 И библейских нарциссов цветенье...
 «Все опять возвратится ко мне...», 1943 [т. 2, кн. 1, с. 56]

Это значение усиливается в поэтических текстах словами *туда*, *там*, *оттуда*, *тогда*, *тот*.

Сегодня я *туда* вернусь,
 Где я была весной,
 «Четыре времени года», 1959 [т. 2, кн. 2, с. 17]

Я в беспамятстве дней *забывала* течение годов,
 И *туда не вернусь!*
 «Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли...», 1957 [т. 2, кн. 1, с. 202]

И если *вернется та* ночь и к тебе
 В твоей для меня непонятной судьбе
 Ты знай, что приснилась кому-то
 Священная эта минута.
 Из цикла «Ташкентские страницы», 1959 [т. 2, кн. 2, с. 24]

Иль музыка ей *возвращала* снова
 Последнюю из *тех* пяти бесед,
 И чудилось несказанное слово
 И *с того света* присланный ответ.
 «Когда уже к неведомой отчизне...», 1959 [т. 2, кн. 2, с. 12]

У лирического героя Некрасова *тогда* ассоциируется с сожалением о прошлом, с чувством вины и раскаяния:

Твержу с упреком и тоскою:

«Зачем я не ценил *тогда?*»

«Я посетил твое кладбище...», 1856 [т. 2., с. 32]

Не знал я той, что мне внимала,

Не знал души твоей *тогда*.

«Так умереть? – ты мне сказала...», 1877 [т. 3, с. 226]

Исполнены горечи от невозможности вернуться строки Ахматовой, которые звучат как заклинание:

Все *тогда* по-тогдашнему было,

По-тогдашнему было *тогда*.

«И меня по ошибке пленило...», 1960 [т. 2, кн. 2, с. 78]

Сквозь призму памяти *тогда* – это всегда лучше, чем сейчас.

Отчего же ты не старьей,

А такой, как был *тогда?*

«Веет ветер лебединый...», 1918 [т. 1, с. 325]

Ах, нет, я *забыла*,

Я люблю вас, я вас любила

Еще тогда!»

«Хочешь знать, как все это было? ...», 1910 [т. 1, с. 32]

Бежим *туда*, но (как во сне бывает)

Там все другое: люди, вещи, стены

«Есть три эпохи у воспоминаний...», 1945 [т. 2, кн. 1, с. 99]

И волны на берег плывут, *как тогда*,

Им нас *не забыть*, *не забыть* никогда.

«Ты к морю пришел, где увидел меня...», 1906 [т. 2, кн. 2, с. 252]

Есть подобные строки и у Некрасова:
 Все мечты *туда* летят,
 Где родимый дым струится,
 «Послание к другу (из-за границы)», 1845 [т. 1, с. 23]

Отождествление памяти с болью встречаем в стихотворении
 Н.А. Некрасова «Несчастные» (1856).

Купаясь в омуте глубоком,
Переживая старину,
Душа болит.
 [т. 4, с. 48]

В стихотворении Некрасова «Катерина» (1866) четыре раза звучит
 рефреном народная пословица *Милого побои не долго болят*, то есть не долго
 помнятся, быстро забываются.

Есть солдатик – Федя, дальняя родня,
 Он один жалеет, любит он меня;
 А и поколотит – не велик наклад –
 Милого побои *не долго болят!*
 [т. 4, с. 57]

В поэтических текстах Ахматовой встречаем связанный с мотивом
 памяти глагол *заболеть*:

Заболеть бы как следует, в жгучем бреду
 Повстречаться со всеми опять...
 «Заболеть бы как следует, в жгучем бреду...», 1922 [т. 1, с. 388]

Глагольное сочетание *отзываться болью* выступает как синоним
 глагола вспоминать:

Как тихий, но явственный стук из подполья,
 И сердце на стук *отзывается болью.*
 «Опять подошли «незабвенные даты» ...», 1944-1945 [т. 2, с. 87]

На причудливом переплетении иносказательных смыслов глаголов
 памяти и забвения построено стихотворение Ахматовой 1957 года.

Этой *ивы* листы в девятнадцатом веке увяли...
 Чтобы в строчке стиха *серебриться свежее стократ*,
 Одичалые розы пурпурным *шиповником* стали,
 А лицейские гимны все так же заздравно звучат.
 Полстолетья прошло... Щедро взыскана дивной судьбою,
 Я в беспамятстве дней *забывала* течение годов, –
 И туда *не вернусь!* Но *возьму и за Лету* с собою
 Очертанья живые моих царскосельских садов.
 [т. 2, кн. 1, с. 202]

Увянувшие ивы символизируют забвение, *серебриться свежее* – воскреснуть в памяти, *стать шиповником* – увековечить память (ср. ахматовское *Но в память той не встречи / Шиповник посажу*), и, наконец, парадоксальное *не вернусь* (забуду) и *возьму за Лету* (не забуду).

Кроме приведенного *взять за Лету* – не забыть, можно отметить другие словосочетания, которые включают существительное *Лета* и прилагательное *Летейский*, производное от него. Это такие словосочетания, как *миновать Лету* в значении ‘обрести память’, *не веять Летейской стужей*, то есть «не быть забытым»: «Хочешь мне сказать по секрету, / Что уже миновала Лету / И иною дышишь весной»; «Но *не веет Летейской стужей*, / И в руке его теплота» [Поэма без героя, 1945, т. 3, с. 99].

Мотив памяти могут воплощать глаголы, которые называют действия, свойственные самой памяти. О.Г. Ревзина в своей статье «Память и язык» пишет о том, что *память* и *воспоминания* персонифицируются, они могут общаться с человеком и воздействовать на него. Как иллюстрацию автор приводит ряд примеров из поэзии Анны Ахматовой: *память морочит*, *воспоминанье точит* и другие.²³⁸ Мы можем продолжить этот ряд олицетворений примерами из нескольких стихотворений Ахматовой: *Прошлогодних сокровищ моих <...> / Злая память никак не истратит*

²³⁸ Ревзина О. Г. Память и язык // Критика и семиотика. Вып. 10. Новосибирск, 2006. – С. 21.

[«Мартовская элегия», 1960, т. 2, часть 2, с. 71]; *И память хищная передо мной колышет* / Прозрачный профиль твой за стеклами карет? [«Тень», 1940, т. 4, с. 244]; Там *строгая память, такая скупая теперь*, / Свои терема мне открыла с глубоким поклоном [«Бежецк», 1921, т. 1, с. 377]; И что *память яростная мучит*, Пытка сильных – огненный недуг! [«И когда друг друга проклинали...», 1909, т. 1, с. 18].

Как показывают наши подсчеты, более половины глагольных словоупотреблений, имеющих семантический признак ‘память’ или «забвение», относятся к раннему периоду творчества Анны Ахматовой – с 1904 до 1925 года. Из 226 словоупотреблений в этих произведениях нами была выявлена 121 единица. С течением времени мотив любовной памяти вытесняется мотивом исторической памяти, который связан с трагическими событиями жизни России, Анна Ахматова переживала их как личное горе.

Из памяти, как груз отныне лишней,
Исчезли тени песен и страстей.

«Памяти 19 июля 1914», 1916 [т. 1, с. 269]

Глагол *исчезнуть* в значении «забыться, быть забытым» дважды встречается у Некрасова – в словосочетаниях *исчезнуть из памяти* и *мой исчезнет след* («меня забудут»):

Его клянет и просит у небес
В удел земной, как милости, безумья,
Чтоб страшный день *из памяти исчез!*..

«День рожденья», 1840 [т. 1, с. 343]

Умру – и мой *исчезнет след!*

Надежда вся на музу!

«Горе старого Наума», 1874 [т. 3, с. 145]

3.8 Прилагательные с семантическим компонентом ‘память’ в поэтическом языке Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой

В русской поэзии прилагательные с семантическим компонентом ‘память’ занимают особое место. Определяя что-то как *памятное* или *забытое*, поэт обнаруживает свое отношение к прошлому.

У Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой такие прилагательные используются достаточно часто. Они являются одним из важнейших средств художественной изобразительности.

В поэтическом языке Некрасова выявлено 18 прилагательных в полной и краткой форме с семантическим компонентом ‘память’: *памятный* (5), *бессмертный* (5), *могильный* (4), *надгробный* (1), *незабвенный* (5), *неизгладимый* (2), *наследственный* (6), *беспамятный* (1), *забытый* (6), *запустелый* (1), *затерянный* (1), *заглохший* (2); в том числе авторские словоупотребления прилагательных *былой* (8), *минувший* (1), *пережитый* (1), *прошедший* (1), *прошлый* (1), *пыльный* (1). Общее число словоупотреблений – 52.

Эти прилагательные образуют следующие 33 атрибутивных словосочетания: *памятные роли*, *памятное место*, *бессмертный мост*, *бессмертный муж*, *бессмертная фраза*, *бессмертная участь*, *могильная плита* (2 раза), *могильный венок*, *могильный плющ*, *надгробный камень*, *незабвенные черты*, *незабвенный миг*, *незабвенный подвиг*, *незабвенное известье*, *незабвенный вечер*, *неизгладимый след* (2 раза), *наследственные нравы*, *наследственная долина*, *наследственное имение*, *наследственная праздность*, *наследственные владения*, *наследственные болота*, *забытый край*, *забытый друг*, *забытая сторона*, *забытая деревня*, *забытые стихи*, *запустелое здание*, *затерянный храм*, *заглохшая могила* (2).

Среди всех приведенных словосочетаний к устойчивым общеупотребительным оборотам можно отнести *памятное место, памятные дни, могильная плита, надгробный камень, неизгладимый след*.

Прилагательные *былой, минувший, пережитый, прошедший, прошлый, пыльный* представлены у Некрасова в следующих словосочетаниях: *былая краса, былые дни (2 раза), былые друзья, былое деяние, былые года, былое величие, былое событие, минувшая старина, пережитые чувства, прошедшая слава, прошлое счастье, пыльная тетрадь*.

Особенно показателен отрывок из стихотворения Н.А. Некрасова «Наследство» (1855), где выстраивается ряд слов, объединенных антитезой «память – забвение»:

Так я люблю воспоминать
 О днях и чувствах пережитых,
 Читая пыльную тетрадь
 Моих стихов – давно забытых...
 [т. 1, с. 155]

В поэзии Ахматовой нами отмечено 21 такое прилагательное: *мемориальный (1), заветный (9), бессмертный (8), негасимый (2), нетленный (2), кладбищенский (1), могильный (5), надгробный (5), незабвенный (3), незабываемый (1), памятный (5), памятливый (1), поминальный (5), забытый (4), забывчивый (3), беспмятный (2), покинутый (1)*; в том числе авторские словоупотребления прилагательных *залетейский (1), летейский (2), прошлый (2), пыльный (1)*. Общее число словоупотреблений – 63.

Эти прилагательные образуют 54 атрибутивных словосочетания: *памятная земля (2 раза), памятное окно, памятный звук, памятный месяц, памятливая смерть, заветные свечи (2 раза), заветное кольцо, заветные ладанки, заветный платок, заветные заметки, заветные имена, заветный пень (2), бессмертный квартет, бессмертный берег, бессмертный лоб, бессмертные черты, бессмертная любовь, бессмертная роза (2 раза),*

бессмертный любовник, кладбищенский чертополох, могильная плита, могильная хвоя, могильная роза, могильная чалма, могильный ров, надгробные плиты, надгробное сиянье, надгробный псалом, надгробный камень, надгробный хоровод, незабвенный поцелуй, незабвенные даты, незабвенная (я), негасимая пламя, негасимая свеча, нетленный день, нетленный луч, мемориальная доска, поминальный час, поминальный день (3 раза), памятливая смерть, забытые минуты, всех забывчивых, беспмятный страх, покинутый дом, летейские поля, Летейская стужа, залетейская тень. Среди приведенных словосочетаний только три можно отнести к устойчивым общеупотребительным оборотам: *могильная плита, надгробный камень, мемориальная доска.* Все остальные несут на себе неуловимый отпечаток ахматовского слога. Л.Я. Гинзбург подметила отличительную особенность поэзии Ахматовой, говоря, что она не является поэзией переносных смыслов. Как правило, значения слов у неё не переосмысляются метафорически, но существенно преобразуются контекстом, сложным и неожиданным соотношением признаков.²³⁹

Мой бывший дом еще следил за мною
 Прищуренным, неблагоприятным оком,
 Тем *навсегда* мне *памятным* окном.
 «Так вот он – тот осенний пейзаж...», 1942 [т. 2, кн. 1, с. 18]

Где море билось, где чернел утес, –
 Их выпили в вине, вдохнули с пылью жаркой
 И с запахом *бессмертных роз.*
 «Кого когда-то называли люди...», 1945 [т. 4, с. 299]

Следует отметить авторское употребление прилагательных *пыльный* в значении ‘забытый’ и *прошлый* в значении ‘памятный’:

... Обрывки *пыльных опер*
 И ангельские голоса из смерти:

²³⁹ Гинзбург, Л.Я. О лирике. – М.: Интрада, 1997. – С. 322.

Карузо, Тигта Руффо и Шаляпин.

«Поэма о начале века», 1944-1945 [т. 3, с. 38]

Принеси же мне ветку клена

Или просто травинки зеленых,

Как ты *прошлой весной* приносил.

«Постучи кулачком – я открою...», 1942 [т. 2, кн. 1, с. 21]

Неужели ты обидишь

Так, как *в прошлый раз*.

«Здравствуй! Легкий шелест слышишь...», 1913 [т. 1, с. 131]

Анализируя стихотворение Ахматовой «В последний раз мы встретились тогда...» (1914), В.В. Виноградов обращает внимание на двойственность значений эпитета *последний*, выделяет два противоположных значения: спокойное, эпическое – «предшествующий» и скорбное, трагическое – «конечный».²⁴⁰

В *последний раз* мы встретились тогда

На набережной, где всегда встречались

[т. 1, с. 171]

«Весы» смыслов по мере приближения развязки склоняются ко второму значению – истощенности отношений. Прилагательное *последний* становится несомненным символом горькой памяти.

Общими в поэтическом языке Некрасова и Ахматовой являются имена прилагательные *беспамятный, бессмертный, незабвенный, памятный, могильный, надгробный, забытый, пыльный, прошлый*.

Прилагательное *бессмертный* принадлежит высокому стилю и толкуется как «сохраняющий своё влияние, воздействие; незабываемый, вечный».²⁴¹ Это прилагательное – синоним слова *незабвенный*.

²⁴⁰ Виноградов, В.В. О поэзии Анны Ахматовой // Виноградов, В.В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. – М.: Наука, 1976. – С. 395.

²⁴¹ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2006. – С. 75.

В поэме Некрасова «Недавнее время» (1863-1871) встречается словосочетание *бессмертная фраза*:

Только юноша гений тогда,
Произнесший *бессмертную фразу*:

«В настоящее время, когда...»

[т. 3. с. 87]

Как указывается в комментариях к полному собранию сочинений Н.А. Некрасова, здесь автор имел в виду Н.А. Добролюбова, который высмеял либеральный публицистический штамп, распространенный в то время, прославлявший реформы 1860-х гг. В некрологе Чернышевского Добролюбов был назван «гениальным юношей».²⁴²

Когда читаешь ахматовское стихотворение «То лестью новогоднего сонета...» (1965), которое состоит всего лишь из одного четверостишия, не сразу понимаешь суть, спрятанную за строками, хотя все слова знакомы. Здесь так же, как и у Некрасова, содержится загадка. Ахматова рассказывает о двух реальных событиях из личной жизни и отсылает к тому времени, когда И. Бродский написал ей сонет из ссылки, и к эпизоду, когда четверо молодых музыкантов (с ними был и Бродский) приезжали к ней на дачу и устраивали для неё концерты:

То лестью новогоднего сонета,
Из каторжных полученного рук,
То голосом *бессмертного квартета*,
Когда вступала я в волшебный круг...

[т. 2, кн. 2, с. 230]

Интересны поэтические тексты, постороенные на семантической оппозиции «память – забвение». Так, в стихотворении, состоящем из одной строки, используются прилагательные-антонимы *забывчивый* и *памятливый*: «Как жизнь *забывчива*, как *памятлива* смерть» (1961), олицетворяются жизнь

²⁴² Некрасов, Н.А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Т.3. – Л.: Наука, 1981-2000. – С.432.

и смерть. Жизнь не напоминает нам о себе, и мы забываем о ней, не ценим (что имеем, не храним), но смерть приходит в назначенный час. Через три года Анна Ахматова вновь вернется к этой мысли. Здесь нет антонимичного прилагательного, но оно подразумевается:

Беспамятна лишь жизнь, – такой не назовем
Ее сестру, – последняя дремота
В назначенный вчера, сегодня входит дом,
И целый день стоят открытыми ворота. ...

«Беспамятна лишь жизнь, – такой не назовем...», 1964 [т. 2, кн. 2, с. 221]

Скрытое противопоставление памяти и забвения можно увидеть и в последней строфе стихотворения Н. А. Некрасова «Наследство» (1855):

Так я люблю *воспоминать*
О днях и чувствах *пережитых*,
Читая *пыльную* тетрадь
Моих стихов – давно *забытых*...

[т. 1, с. 155]

Пережитые чувства памятны лирическому герою, и любовь к этой памяти преодолевает забвение. Здесь прилагательные *пыльный*, *забытый* приобретают значение «памятный».

Прилагательные часто образуют перифрастические сочетания, которые создают высокий, торжественный стиль. В этом отношении показательным является стихотворение «Есть три эпохи у воспоминаний...» (1945). В его первой части воспоминания представляются как храм, под его *благословенным сводом* находится душа героини и блаженствует тело:

Есть три эпохи у воспоминаний.
И первая – как бы вчерашний день.
Душа под *сводом их благословенным*,
И тело в их блаженствует тени.

[т. 2, кн. 1, с. 99].

Во второй части также развивается оппозиция *душа – тело*. Воспоминание для лирической героини Ахматовой и духовно, и телесно одновременно:

И, как печать на сердце, *поцелуй*,
Единственный, прощальный, *незабвенный*...
[т. 2, с. 99]

Прилагательное *незабвенный* показывает, как углубляются следы поцелуя в воспоминаниях героини. В близком значении данное прилагательное употребляется Некрасовым в поэме «Русские женщины» (1872) в словосочетании *незабвенные черты*:

Они им покажут, вздохнув от души,
Черты незабвенные ваши,
И в память прабабки, погибшей в глуши,
Осушатся полные чаши!..
[т. 4, с. 170]

Когда Анна Ахматова пишет о влюбленности, о тех пронзительных, невыносимых мучениях, которые она испытывала в личной жизни, она не рассказывает о себе напрямую, а говорит о случайных подробностях, которые, «удержанные памятью любящей женщины, теряют свой случайный характер настолько, что могут выстраиваться как мир предвестий и предзнаменований».²⁴³

В лирике обоих поэтов прилагательное *памятный* служит для активизации ощущений, связанных с воспоминаниями:

Простую речь невольно украшая
Остатками когда-то милых ей,
А ныне смутно *памятных ролей*
Н. А. Некрасов. «Так говорила <...> актриса отставная...», 1856 [т. 2, с. 21]

Памятным мне будет *месяц* вьюжный,

²⁴³ Кашкарова, О.Н. Поэтический дискурс ранней лирики А.А. Ахматовой // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2008, № 2. – С. 37.

Северный встревоженный февраль.

А. А. Ахматова. «Словно ангел, возмутивший воду...», 1916 [т. 1, с. 255]

В личной жизни Ахматовой были не только хорошие воспоминания, в её памяти всегда были следы, о которых она хотела забыть. В обрисовке психологического состояния героини в стихотворении «Уж я ль не знала бессонницы...» (1940) особую роль играет эпитет *забытые минуты*. Прилагательное *забытый*, значение которого усилено наречием *навек*, используется для описания любовного недуга и определяет не только воспоминания, но и внутренний мир героини.

И что там в тумане – Дания,
 Нормандия, или тут
 Сама я бывала ранее,
 И это – переиздание
 Навек *забытых минут*?
 [т. 1, с. 491]

В стихотворении «Наследство» (1855) Некрасов говорит, что любит вспоминать забытые стихи, написанным им. Здесь память и забвение приравниваются друг другу. Словосочетания *пыльная тетрадь*, *забытые стихи*, *пережитые чувства и дни* передают осознание неизбежности забвения и вместе с тем то, к чему тянется человеческая память (*люблю вспоминать*):

Так я люблю вспоминать
 О днях и чувствах *пережитых*,
 Читая *пыльную тетрадь*
 Моих *стихов* – давно *забытых*...
 [т. 1, с. 155]

Как отмечает Е.В. Малышкин, всякое воспоминание локально, связано с определенным местом, и в этом смысле сама память всегда бывает

локальной.²⁴⁴ В стихотворении Ахматовой «Путем вся земля» (1940) таким локусом выступает *покинутый дом* – «забытое место». Здесь мы видим авторское употребление прилагательного *покинутый* в значении ‘забытый’.

Спокойно обходит
Покинутый дом,
 Где ночь на исходе.
 [т. 3, с. 34]

Как пишет О.Н. Кашкарова, в поэтическом языке А. Ахматовой эпитеты являются стержнем композиции, ее эмоционально-смысловым центром, принципиально меняют значение частей стихотворения, придают им новые эмоциональные оттенки.²⁴⁵ Так, эпитеты *могильный* и *надгробный* связаны с горестными и печальными моментами жизни.

И в памяти, словно в узорной укладке:
 Седая улыбка всезнающих уст,
Могильной чалмы благородные складки...

А.А. Ахматова. «И в памяти, словно в узорной укладке...», 1944 [т. 2, кн. 1, с. 63]

Из роз *могильного венка*
 Цветок он вырвал равнодушно,
 Пошел – исчез в толпе бездушной...

Н. А. Некрасов. «Покойница», 1839 [т. 1, с. 227]

Словосочетания с прилагательным *надгробный* у обоих поэтов символизируют и память, и забвение:

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит...

А. А. Ахматова. «Август», 1940 [т. 1, с. 481]

Крылатых грез толпой воздушной

²⁴⁴ Малышкин, Е. В. Метафоры памяти в истории философской мысли: дис. ... д-ра филос. наук. – СПб., 2015. – С. 105.

²⁴⁵ Кашкарова, О.Н. Поэтический дискурс ранней лирики А.А. Ахматовой // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2008, № 2. – С. 40.

Воображенье насели
И от моей могилы душею
Надгробный камень отвали!

Н. А. Некрасов. «Вступление к песням», 1876 [т. 3, с. 185]

Подводя итог, приведем сопоставительную таблицу употребления общеязыковых и авторских прилагательных с семантическим компонентом ‘память’ у Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой.

Таблица 5

Н.А. Некрасов	А.А. Ахматова
<p><i>памятный</i> (5) <i>незабвенный</i> (5) <i>бессмертный</i> (5) <i>могильный</i> (4) <i>надгробный</i> (1) <i>неизгладимый</i> (2) <i>наследственный</i> (6) <i>былой</i> (8) <i>пережитый</i> (1) <i>минувший</i> (1) <i>прошедший</i> (1) <i>прошлый</i> (1)</p>	<p><i>памятный</i> (5) <i>незабвенный</i> (3) <i>бессмертный</i> (8) <i>негасимый</i> (2) <i>нетленный</i> (2) <i>могильный</i> (5) <i>надгробный</i> (5) <i>незабываемый</i> (1) <i>памятливый</i> (1) <i>заветный</i> (9) <i>поминальный</i> (5) <i>мемориальный</i> (1) <i>кладбищенский</i> (1) <i>прошлый</i> (2)</p>
<p><i>забытый</i> (6) <i>беспамятный</i> (1) <i>затерянный</i> (1) <i>заглохший</i> (2) <i>запустелый</i> (1) <i>пыльный</i> (1)</p>	<p><i>забытый</i> (4) <i>залетейский</i> (1) <i>летейский</i> (2) <i>беспамятный</i> (2) <i>забывчивый</i> (3) <i>покинутый</i> (1) <i>пыльный</i> (1)</p>

Мы видим, что девять прилагательных, в значении которых есть семантический компонент ‘память’, совпадают в поэтическом языке Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой. Авторское употребление прилагательных,

у которых значение не толкуется через семантический компонент 'память', показывает близость мироощущения и поэтической манеры обоих поэтов.

3.9 Наречия и предлоги с семантическим компонентом 'память' в поэтическом языке Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой

Группа наречий в составе лексико-семантического поля «память» является малочисленной. В исследованных произведениях Н.А. Некрасова нами отмечены наречия и наречные сочетания *без памяти* (3), *на память* (4), *по старой памяти* (1):

Шальной, почти *без памяти*,

Я на машину сел.

«Кому на Руси жить хорошо», 1865-1877 [т. 5, с. 53]

Лежит старик *без памяти*

(Не встанет, так и думали!

«Кому на Руси жить хорошо», 1865-1877 [т. 5, с. 92]

Он к коню забыл пощаду,

Гнал *без памяти* его...

«Баба-яга, костяная нога», 1840 [т. 1, с. 310]

В примечаниях к поэме «Русские женщины» Некрасов пишет о посещении Пушкиным Гурзуфа и о памятном ему кипарисе: «О друге своем кипарисе упоминает сам Пушкин в известном письме к Дельвигу: «В двух шагах от дома рос кипарис; каждое утро я посещал его и привязался к нему чувством, похожим на дружество».

Туристы его навещают,

Сядут под ним и *на память* с него

Душистые ветки срывают...

«Княгиня М.Н. Волконская [Русские женщины, 2]», 1872 [т. 4, с. 168]

Теперь и слезы лью над банкою помадной,
Которую она *на память* мне дала.

«Расторгнут наш союз корыстью кровожадной...», 1844

Свиданья сладкую минуту
На память сердцу запишу.

«Незабвенная», 1839 [т. 1, с. 220]

Лишь труп охладельный *на память* остался
И в душной могиле давно погребен.

«Могила брата», 1839 [т. 1, с. 247]

По старой памяти я прочь,
А он за мной – бедовый!..

«Вступили кони под навес...», 1874

У А.А. Ахматовой выявлено два наречия – *на память* (4) и *наизусть* (2).

Не давай мне ничего *на память*,
Знаю я, как память коротка.

«Не давай мне ничего на память...», 1959 [т. 2, кн. 2, с. 38]

Кто-то взял *на память*
Мой белый башмачок

«...И на ступеньки встретить...», 1913 [т. 1, с. 118]

Что тебе *на память* оставить,
Тень мою?

«Знаешь сам, что не стану славить...», 1946 [т. 2, кн. 1, с. 117]

Та, е г о миновавшая чаша;
Я ее тебе наяву,
Если хочешь, отдам *на память*,

«Второе посвящение [Поэма без героя, 2]», 1945 [т. 3, с. 168]

Все помнили все это *наизусть*,
все с каждою сроднились запятою.

«Пауки в окне», 1958 [т. 2, кн. 1, с. 212]

У *наизусть* затверженных прогулок
Соленый привкус – тоже не беда.

«Ленинград в марте», 1941 [т. 1, с. 494]

Все приведенные наречия или являются фразеологизованными единицами (*без памяти, на память*), или входят в состав фразеологизмов (*по старой памяти, помнить наизусть, затвердить наизусть*).

Производными от слова ПАМЯТЬ являются предлоги: *памяти* в значении «в честь (кого-н. умершего или какого-н. важного события в прошлом)», *в память* – «в честь (умершего), для сохранения памяти о погибших», а также *в память о* – в том же значении (Ожегов). В близком значении употребляются производные предлоги *на память* и *на память о*. В отличие от наречия *на память*, которое примыкает к глаголу, предлог *на память* является частью формы существительного родительного падежа (ср. у Ахматовой *на память чуда*).

В поэзии предлог *памяти* используется, как правило, в заголовках или подзаголовках, определяя тем самым особый жанр стихотворения, так называемый «In memoriam», посвященного ушедшим из жизни людям или какому-либо событию. В творчестве А.А. Ахматовой 11 таких произведений: самое раннее из них – «*Памяти 19 июля 1914*» (1916) – посвящено дате начала Первой мировой войны. Остальные десять: «*Памяти Сергея Есенина*» (1925); «*Памяти Пильняка*» (1938); «*Вот это я тебе, взамен могильных роз...*». *Памяти М.А. Булгакова* (1940); «*Памяти Вали*» (1943); «*Учитель. Памяти Иннокентия Анненского*» (1945); «*Памяти друга*» (1945); «*Памяти Александра Блока*» (1946); «*И сердце то уже не отзовется...*». *Памяти Н. Пунина* (1953); «*Памяти Анты*» (1960) и «*Памяти В.С. Срезневской*» (1964).

И. Бродский в статье «Скорбная Муза» пишет о том, что стихи Ахматовой, посвященные памяти мертвых, не служат увековечиванию погибших. «Она стремилась совладать с бессмысленностью существования, внезапно развернувшейся перед ней уничтожением источников смысла, приручить мучительную бесконечность, населив вечность тенями близких. <...> Смерть ничего не изменила в их облике – так как же можно

использовать их в качестве отправной точки для возвышающих и возвышенных рассуждений».²⁴⁶

В самих текстах стихотворений Ахматовой использованы предлоги *в память*, *на память* и *на память о* (2): и «Но *в память* той невестречи / Шиповник посажу» («Другая песенка», 1956); «А *на память* чуда взял кольцо» («Словно ангел, возмутивший воду...», 1916); «И.М. Басалаеву *на память о* нашем Ташкенте» («Отрывок, 1945); «И каждый посадил по деревцу <...> *на память о* великом дне Победы («Приморский парк Победы», 1950).

У Некрасова есть пять стихотворений, написанных в память ушедшим: «*Памяти* Белинского» (1851-1853); «*Памяти* Асенковой» (1854-1855); «*Памяти* Добролюбова» (1864); «Кузнец» (*Памяти* Н.А. Милютин) (1872); «Поэту» (*Памяти* Шиллера) (1874).

В тексте стихотворений нами отмечено два случая употребления предлогов *в память* и *на память*:

И *в память* прабабки, погибшей в глуши,
Осушатся полные чаши!..

«Княгиня М. Н. Волконская» [Русские женщины, 2], 1872 [т. 4, с. 170]

И с тех пор при себе кинжала рукоятью
На память друга я как жизнь ее храню.
«Рукоять», 1839 [т. 1, с. 199]

3.10 Общеупотребительные и поэтические фразеологизмы

с компонентом 'память' в произведениях

Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой

Некоторые фразеологизмы упоминались нами в предыдущих параграфах, посвященных существительным, прилагательным, глаголам и наречиям. Большинство устойчивых выражений в поэтическом языке

²⁴⁶ Бродский И. Скорбная Муза / пер. А. Колотова // Юность. 1989. № 6. С. 67.

Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой являются общеязыковыми, но в то же время встречается достаточное количество авторских фразеологических сочетаний.

В произведениях Н.А. Некрасова отмечены следующие общеупотребительные устойчивые словосочетания:

- 1) атрибутивные словосочетания: *памятное место, памятный день, вечная память, память коротка, могильная плита, надгробный камень, неизгладимый след, тоска по юности;*
- 2) глагольные сочетания: *сохранить в памяти, жить в памяти, хранить на память, остаться на память, дать на память, спеть вечную память, помнить наизусть, жить воспоминаньем, помянуть добром, помянуть худом, поминай как звали, поставить памятник, воздвигнуть памятник, оставить след, запасть в душу, стоять передо мной, нейти с ума, потерять память, предать забвенью;*
- 3) наречное сочетание *по старой памяти;*
- 4) выражения *нет и в помине, дай бог памяти! вечная память! было время, temento mori.*

Можно отметить, что в состав 13 из 33 приведенных устойчивых словосочетаний входит слово *ПАМЯТЬ*.

В большинстве случаев включение в поэтический текст общеязыковых фразеологизмов придают ему оттенок тонкой иронии, характерной для многих произведений Некрасова. Как пишет Е.В. Ермилова, ирония у Некрасова во многих случаях проявляется как протест против романтического отношения к действительности. В этом противоречии заключается в определенной степени позиция поэта, который хочет замаскировать свое лирическое чувство покровом легкой иронии.²⁴⁷

²⁴⁷ Ермилова, Е.В. Некрасов // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1983-1994. Т. 7. 1991. – С. 76-84. С.79.

Спели церковники память ей вечную,
Чай, уж теперь ее гложет, сердечную,
Червь подземельный!..

«Кумушки», 1863 [т. 2, с. 146]

Дай бог памяти! Гисторий

Слышал пропасть!

«Сказка о царевне Ясносвете», 1840 [т. 1, с. 345]

Теперь и слезы лью над банкою помадной,

Которую она на память мне дала.

«Расторгнут наш союз корыстью кровожадной...», 1844

Но мир Долгорукой еще не забыл,

А Бирона нет и в помине.

«Княгиня М. Н. Волконская» [Русские женщины, 2], 1872 [т. 1, с. 170]

Где нам твердит *memento mori*

Своею смертью «Атеней».²⁴⁸

«Что подделывает наша внутренняя гласность», 1860 [т. 2, с. 282]

Некрасовский стиль, по мысли К.И. Чуковского, характеризует «беспримерное изобилие стилевых разновидностей».²⁴⁹ Некрасову были свойственны и предметность изображения, и нескрываемая ирония, и «стремление к пышной декламации, к витийственной речи».²⁵⁰ К высокому, книжному стилю относится словосочетание *оставить неизгладимый след*, которое органически входит в следующие некрасовские строки наряду с номинациями *гнетущие впечатления, стезя, желанная пристань*.

На мне года гнетущих впечатлений

Оставили неизгладимый след.

«Умру я скоро. Жалкое наследство...», 1867 [т. 3, с. 40]

²⁴⁸ «Атеней» – журнал либерального направления, издававшийся в Москве в 1858-1859 гг.

²⁴⁹ Чуковский, К.И. Мастерство Некрасова / К.И. Чуковский. – М.: Художественная литература, 1971.

²⁵⁰ Там же.

На жизненной стезе
Оставив след загадочный и странный,
 Являясь ангелом в грозе
 И демоном у пристани желанной, –
 Погибла ты...
 «Несчастные», 1856 [т. 4, с. 38]

В произведениях А.А. Ахматовой также выявлены общеязыковые устойчивые выражения:

- 1) атрибутивные словосочетания: *памятная земля, могильная плита, надгробный камень, мемориальная доска, братская могила, безымянная могила, забытая могила, память коротка;*
- 2) глагольные сочетания: *отзываться болью, восстать из прошлого, проходить перед глазами, вспомнить на лету, взять на память, оставить память, оставить на память, отдать на память, давать на память, жить в памяти, запасть в душу, проходить перед глазами, оглянуться назад, войти в историю, помянуть в молитве, воздвигнуть памятник, терять память, исчезнуть из памяти, забыть путь, забыть страх;*
- 3) выражение *нет в помине*

Общими в произведениях Некрасова и Ахматовой являются фразеологизмы *могильная плита, надгробный камень, память коротка, давать на память, запасть в душу, воздвигнуть памятник, нет в помине.*

Тональность стихотворений, включающих устойчивые словосочетания с семантическим компонентом ‘память’, у Ахматовой иная, чем у Некрасова. Она более однородная и, как правило, минорная. Ахматовская поэзия исполнена сдержанного трагизма и безысходности.

Как тихий, но явственный стук из подполья,
 И сердце на стук *отзывается болью.*
 «Опять подошли «незабвенные даты» ...», 1944-1945 [т. 2, кн. 1, с. 87]

Если хочешь, *отдам на память*,
Словно в глине чистое пламя
Иль подснежник в могильном рву.

«Второе посвящение [Поэма без героя, 2]», 1945 [т. 3, с. 168]

Вдовою у *могилы безымянной*
Хлопочет запоздалая весна.

«Памяти друга», 1945 [т. 2, кн. 1, с. 110]

Из памяти, как груз отныне лишней,
Исчезли тени песен и страстей.

«Памяти 19 июля 1914», 1916 [т. 1, с. 269]

Не *давай* мне ничего *на память*,
Знаю я, как *память коротка*.

«Не давай мне ничего на память...», 1959 [т. 2, кн. 2, с. 38]

Да в стране болот и пашен
И в помине башен нет.

«Небо мелкий дождик сеет...», 1916 [т. 1, с. 265]

Термин «поэтическая фразеология» впервые был применен академиком В.В. Виноградовым в работе «Стиль Пушкина» (1941).

Образной основой поэтических фразеологизмов, как пишет в своей диссертации Н.В. Кудрина, обычно выступают такие слова, как *огонь*, *пламя*, *жар*, *пыл*, *свет* и др., которые являются традиционными символами и обладают размытым значением.²⁵¹

В стихотворении Ахматовой 1942 года «Многое еще, наверно, хочет...» знаменательные строчки: «У меня не выяснены счета / С пламенем, и ветром, и водой...». Антиномия «память – забвение» реализуется в поэзии Ахматовой в оппозиции «вода – огонь», которая участвует в создании авторской «поэтической фразеологии».

²⁵¹ Кудрина, Н.В. Предметные фразеологизмы в поэзии Анны Ахматовой: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Кудрина Наталья Викторовна. – Курган, 2008.- 236 с.

Вода олицетворяет память, огонь – забвение. Например, в ахматовских поэтизмах *отразиться, как в чистой воде, касаться вод* (об иве – дереве памяти), *всплывать со дна погибших лет*

И то зеркало, где, *как в чистой воде,*
Ты сейчас *отразиться* мог.

«Наяву», 1946 [т. 2, кн. 1, с. 123]

У берега серебряная *ива*
Касается сентябрьских ярких *вод*.
Из прошлого восставши, молчаливо
Ко мне навстречу тень моя идет.

«Все души милых на высоких звездах...», 1921 [т. 4, с. 292]

Всегда нарядней всех, всех розовой и выше,
Зачем *всплываешь ты со дна погибших лет*

«Тень», 1940 [т. 1, с. 482]

Этим строкам созвучны некрасовские поэтические фразеологизмы *купаться в омуте глубоком, переживая старину; прихлынуть к сердцу*.

Купаясь в омуте глубоком,
Переживая старину,
Душа болит.

«Несчастные», 1856 [т. 4, с. 48]

Всё, что кануло и сгнуло
В треволненьях жизни сей,
Всё я вспомнил, всё *прихлынуло*
К сердцу...

«Филантроп», 1853 [т. 1, с. 118]

Интересно, что мотив воды есть и в значении глагола *кануть* – «быстро погрузиться в воду, пойти ко дну» (Ушаков). Таким образом, здесь вода выступает как амбивалентный символ и памяти, и забвения.

Интересно, что образы росы и тумана связаны с воспоминанием об утраченном времени в романе А.В. Иванова «Сердце Пармы», отрывок из которого приводит в своей статье Л.О. Чернейко: «Для метафизики сознания проекции (метафоры, метаморфозы, сравнения) представляют собой возможность активизации индивидуального опыта, раздвигающей границы

«предмета-для-всех» за счет введения в них его нетривиального видения:
*Печаль, что лето прошло, легла теплой росой на душу, как летний туман на
 прибрежные воды... (А. Иванов. Сердце Пармы)». ²⁵²*

У Некрасова образ огня как забвения появляется в стихотворении
 «Земляку» (1839).

Что на пиру воображенья
 Нарядом пышным и цветным
 Рядили мы, в пылу забвенья, —
 То было призрак, было дым.
 [т. 1, с. 213]

Уничтожение памяти воплощается в поэтических текстах Ахматовой в
 фразеологических словосочетаниях *предать огню, выжечь огнем*:

Все, все *предать огню!* И царь перечислял
 И башни, и врата, и храмы – чудо света,
 Как будто для него уже *иссякла Лета*,
 «Александр у Фив», 1961 [т. 2, кн. 2, с. 118]

Кто знает, как оно окаменело,
 Как *выжгло* сердце и *каким огнем*,
 Подумаешь!
 «Из седьмой северной элегии», 1958 [т. 2, кн. 1, с. 210]

Не только огонь уничтожает следы памяти, но и лед – как забвение того,
 что вода была водой. Неслучайно одно из значений прилагательного *ледяной*
 – «безучастный, невозмутимый». Этот мотив звучит в ахматовском
 стихотворении «Столько просьб у любимой всегда! ...» (1913). Лирическая
 героиня просит Бога помочь ей забыть возлюбленного, сохранить «светлый и
 ломкий» покров – лед забвения.

Как я рада, что нынче *вода*
Под бесцветным ледком замирает.
 И я стану – Христос, помоги! –
 На покров этот, светлый и ломкий...

²⁵² Чернейко, Л.О. Сравнение: универсальная форма языка подобий и ее организующая роль в структуре художественного текста // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 10. – М., 2016. – С. 636.

[т. 1, с. 114]

В позднем стихотворении «Меня и этот голос не обманет...» (1956) появляется авторский эпитет *оледенелый* (забытый), образуя поэтический фразеологизм *оледенелые года*.

Все уезжают – я должна остаться...
 Стоят *оледенелые года*.
 И с кем-то можно наспех попрощаться
 У лестницы, ведущей в никуда.
 [т. 2, кн. 2, с. 187]

Во многих стихотворениях Ахматовой происходит перверсия оппозиции, и уже огонь олицетворяет память (*огненный недуг, костер, жар сердца*), а вода – забвение (*холодный ключ забвенья, пить воды Леты*).

И что *память яростная мучит*,
 Пытка сильных – *огненный недуг!*
 «И когда друг друга проклинали...», 1909 [т. 1, с. 18]

«Скажи, скажи, зачем *угасла память*,
 И, так томительно лаская слух,
 Ты отняла блаженство повторенья?..»
 «В то время я гостила на земле...», 1913 [т. 1, с. 146]

О, есть *костер, которого не смеет*
Коснуться ни забвение, ни страх,
 И если б знал ты, как сейчас мне любви
 Твои сухие, розовые губы!
 «Не будем пить из одного стакана...», 1913 [т. 1, с. 141]

Последний ключ – *холодный ключ забвенья*.
 Он слаще всех *жар сердца утолит*. Пушкин
 «Есть три эпохи у воспоминаний...», 1945 [т. 2, кн. 1, с. 99]

И мою бесславную славу
Осиянным забвением смой.
 «Тяжела ты, любовная память...», 1914 [т. 1, с. 195]

...я *воды Леты пью*.
 Мне доктором запрещена унылость.
 «Решка» [Поэма без героя, 11], 1940-1965 [т.3, с. 111]

Таким образом, поэтические фразеологизмы выступают как особый стилеобразующий фактор в создании идиостиля Некрасова и Ахматовой. Фразеология памяти определяет особенности мировоззрения поэтов, характеризует отношение авторов к миру, создают неповторимый эмоциональный фон.

3.11 Выводы

В третьей главе были рассмотрены стихотворения и поэмы Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой с точки зрения реализации в них единиц лексико-семантического поля «память». Слова с компонентом ‘память’ присутствуют во многих стихотворениях и поэмах обоих поэтов и выражают их отношение к времени.

С памятью связаны в поэтическом мире Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой особые знаки, такие как *письмо, цветок, кольцо, зеркало, свеча, крест, книга*, которые позволяют читателю постичь мир души и героев, глубже почувствовать тонкую связь человека и воспоминаний, запечатленную в художественном тексте. *Тень, след, пятно, пыль, ветер* и другие слова, которые обнаруживаются в поэтическом языке Некрасова и Анны Ахматовой, выступают как метафоры памяти.

Идиостиль каждого поэта и каждое его произведение имеют свою систему меморативных образов. Употребление слов с семантическим компонентом ‘память’ часто совпадают в поэтическом языке Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой. Авторское употребление слов и их стилистическая окраска доказывают близость обоих поэтов в отношении к памяти и забвению.

Заключение

В книге были выявлены особенности семантики и функционирования лексических единиц, составляющих ЛСП «память» в русской языковой картине мира и в поэтическом языке Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой.

В первой главе была обобщена информация об изучении памяти древнейшими и современными философами, об отражении темы памяти в исследованиях по биологии, физиологии, психологии, а также в лингвистике и литературоведении.

Было описано лексико-семантическое поле «память» в русском языке: а) определены принципы отбора лексических единиц в состав изучаемого поля; б) осуществлено структурирование данного поля на основе учёта однородной денотативной направленности входящих в него слов; в) определена специфика номинаций, входящих в описываемое поле с точки зрения их структурных и частеречных характеристик, а также их происхождения.

Значения слов лексико-семантического поля «память» охарактеризованы по данным толковых и этимологических словарей; были выявлены синонимические и антонимические отношения между ними; описана фразеология и паремиология, включающая эти единицы. Были описаны особенности концептуализации единиц данного лексико-семантического поля на основе приобретения ими метафорических значений.

В третьей главе лексические единицы лексико-семантического поля «память» были исследованы в их эстетической функции на материале стихотворений и поэм Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой, были определены общие и индивидуально-авторские особенности их употребления в языке обоих поэтов. Проведенное исследование показало, что лексико-семантическое поле «память» является важнейшей составляющей поэтического языка Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой.

Большинство символических образов в поэзии Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой совпадают. Самыми характерными символами памяти в поэтическом языке Некрасова являются слова *буква, книга, письмо, скрижали, могила, саркофаг, крест, колокольный звон, пятно, отпечаток, тень, руины, развалины, обломки, подвал, месть*; в поэтическом языке Анны Ахматовой – это такие слова как *письмо, книга, могила, погребальные звоны, крест, пятно, след, тень, осколки, подвал, дно, месть*.

Внутренняя мотивация метафор забвения у обоих поэтов также очень близка. Забвение в поэзии Некрасова воплощается в таких словах, как *тернии* (заросли терновника), *плющ, мох, трава, зарастать, пыль, слой пыли, мрак*; в поэтическом языке Ахматовой это *чертополох, крапива, плесень, тлен, истлеть, пыль, развалины, обвал, покров тьмы*.

Словесные символы памяти и забвения, выявленные нами в поэтическом языке Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой, ещё раз подтверждают, что существуют преемственные связи между художественными направлениями XIX и XX века. Символизм берет свое начало в романтизме М.Ю. Лермонтова, от акмеизма протягивается нить к реалистическим зарисовкам А.С. Пушкина и Н.А. Некрасова.

На основании полной выборки из произведений Н.А. Некрасова (433 стихотворения и 11 поэм) и Анны Ахматовой (945 стихотворений и 6 поэм) были получены следующие результаты. Слова с семантическим компонентом ‘память’ были зафиксированы в 225 произведениях Некрасова (214 стихотворений и все поэмы), что составляет $\approx 51\%$ от общего числа, и в 360 произведениях Ахматовой (354 стихотворения и все поэмы) – $\approx 38\%$ от общего числа.

В поэзии Некрасова было выявлено 109 лексических единиц с семантическим компонентом ‘память’: 36 существительных, среди них лишь 3 со значением ‘забвение’ – 266 вхождений; 49 глаголов: из них 37 со значением ‘помнить’ и 12 со значением ‘забывать’ – 357 вхождений; 18

прилагательных – 52 вхождения; 3 наречия и наречных сочетания – 8 вхождений; и 3 предлога – 7 вхождений. Общее число словоупотреблений – 690.

В поэзии Анны Ахматовой употреблено 98 лексических единиц с семантическим компонентом ‘память’: 33 существительных, среди них 6 со значением ‘забвение’ – всего 170 вхождений; 38 глаголов: из них 29 со значением ‘помнить’ и 9 со значением ‘забывать’ – 238 вхождений; 21 прилагательное – 64 вхождения; 2 наречия – 6 вхождений; и 4 предлога – 15 вхождений. Общее число словоупотреблений – 493.

Высокая частотность употребления слов с семантическим компонентом ‘память’ у Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой показывает, что мотив памяти является неотъемлемой частью их поэтических текстов.

Проведённое сопоставительное исследование лексических единиц семантического поля «память» в их эстетической функции в поэтическом языке Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой позволяет определить общие и индивидуальные черты их использования в идиостилях обоих поэтов. Поэзию Н.А. Некрасова и А.А. Ахматовой объединяет особое внимание к теме памяти и связанные с этой темой образные ассоциации.

Библиография

Литература

1. Августин, Б.А. Исповедь / Б.А. Августин // Психология памяти: Хрестоматия / под ред. Гиппенрейтер Ю.Б., Романова В.Я. – М.: ЧеРо, 1998. – С. 14-26.
2. Авраменко, А.П. А. Блок и Н. Некрасов / А.П. Авраменко // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1992. – №2. – С. 3-9.
3. Авраменко, А.П. А. Блок и русские поэты XIX века / А.П. Авраменко. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 246 с.
4. Агафонов, А.Ю. Психология мнемических явлений: Учебное пособие / А.Ю. Агафонов, Е.Е. Волчек. – Самара: Универс-групп, 2005.
5. Адамович, Г.В. Анна Ахматова [Электронный ресурс] / Г.В. Адамович // Адамович Г.В. Критическая проза / сост. О.А. Коростелева. – М., 1996. С. 207-213. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/adamovich-ahmatova.htm>
6. Адмони, В.Г. Лаконичность лирики Ахматовой / В.Г. Адмони // «Царственное слово». Ахматовские чтения. Вып. 1. – М.: Наследие, 1992. – С. 29-40.
7. Айхенвальд, Ю.И. Анна Ахматова / Ю.И. Айхенвальд // Анна Ахматова: Pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 238-254.
8. Альми, И.Л. О некоторых особенностях поэтики Н.А. Некрасова / И.Л. Альми // Респ. сб. научных трудов. Вып. 53. – Ярославль, 1978. – С. 15-26.
9. Анна Ахматова: pro et contra: антология: в 2 т. / вступ. ст. Н.Н. Скатова; сост., коммент., послесловие С.А. Коваленко. – СПб.: Рус. Христиан. гуманитар. акад., 2001-2005. – 992 с.
10. Апресян, Ю.Д. Коннотация как часть прагматики слова / Ю.Д. Апресян // Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.

11. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 464 с.
12. Апресян, Ю.Д. Память / Ю.Д. Апресян, А.К. Жолковский, И.А. Мельчук // Толково-комбинаторный словарь русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. – Wien: Wiener Slavistischer Almanach, 1984. – С. 559–571.
13. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2-х т. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 464 с.; 767 с.
14. Аристотель. О памяти и припоминании / Аристотель // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 158-173.
15. Артемова, Г.О. Психология применения интеллектуальных систем в гуманитарной сфере Учебное пособие. Часть 1. / Г.О. Артемова, Н.Ф. Гусарова. – СПб.: НИУ ИТМО, 2012. – 138 с.
16. Артюховская, Н.И. Акмеизм и раннее творчество А. Ахматовой (поэт и течение): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Артюховская Нинель Ивановна. – М., 1982. – 24 с.
17. Арутюнова, Н.Д. Время: модели и метафоры / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. – С. 51-61.
18. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
19. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
20. Афанасьев, А.Н. Древо жизни / А.Н. Афанасьев. – М.: Современник, 1982. – 464 с.

21. Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. / О.С. Ахманова. – 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 296 с.
22. Ахматова, А.А. Тайны ремесла / А.А. Ахматова; сост., вступ. ст. и примеч. Н.В. Вьялициной. – М.: Сов. Россия, 1985. – 144 с.
23. Баевский, В.С. К эволюции стиха некрасовской лирики / В.С. Баевский // Н.А. Некрасов и русская литература. Межвуз. сб. Вып. 40. – Ярославль, 1975. – С. 114-133.
24. Баранчеева, Е.И. «Запечатленные образы» и их языковое воплощение: память как невидимый орган / Е.И. Баранчеева // Проблемы интерпретационной лингвистики: типы восприятия и их языковое воплощение: межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: Издательство НГПУ, 2013. – С. 80–87.
25. Баранчеева, Е.И. Особенности вербализации процессов памяти: лексикографические рамки и дискурсивная репрезентация / Е.И. Баранчеева // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2014. – № 4 (20). – С. 114–123.
26. Баталова, Т.П. Символика русского пути в поэзии Н.А. Некрасова 1846-1866 годов: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Баталова Тамара Павловна. – Коломна, 2006.
27. Бахтин, М.М. К эстетике слова / М.М. Бахтин. – М.: Наука, 1974. – 416 с.
28. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
29. Бергсон, А. Творческая эволюция. Материя и память / А. Бергсон; пер. с фр. – Минск: Харвест, 1999. – 1408 с. – (Классическая философская мысль).
30. Беркли, Дж. Сочинения / Дж. Беркли; сост., общ. ред. и вступит. статья И.С. Нарского. – М.: Мысль, 1978. – 556 с.
31. Блонский, П.П. Память и мышление / П.П. Блонский. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с. (Серия «Психология-классика»)

32. Богомолов, Н.А. Постсимволизм (общие замечания) / Н.А. Богомолов // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). – М.: Наследие Москва, 2001. – С. 381-681.
33. Богомолов, Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм / Н.А. Богомолов. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 560 с.
34. Бондарева, Л.М. К метафорике памяти (статический и динамический аспекты) / Л.М. Бондарева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – Вып. 4. – С. 70-78.
35. Брагина, Н.Г. Память в языке и культуре / Н.Г. Брагина. – М.: Языки славянских культур, – (Studia Philologica). 2007. – 520 с.
36. Бродский, И. Нобелевская лекция / И. Бродский // Сочинения Иосифа Бродского. В 7 т. Т. I. – СПб.: Пушкинский фонд, 1997. – С. 15.
37. Бройтман, С.Н. Русская лирика XIX – начала XX в. в свете исторической поэтики: субъектно-образная структура / С.Н. Бройтман. – М.: РГГУ, 1997. – 307 с.
38. Будникова, Л.И. Некрасов и русские символисты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Будникова Лариса Иосифовна. – М., 1978. – 15 с.
39. Булгаков, С.Н. Философия имени. Изд. второе, стереотипное / С.Н. Булгаков. – СПб.: Наука, 2008. – 448 с.
40. Бурдина, С.В. «Реквием» А. Ахматовой: география и модель пространства / С.В. Бурдина // Филологические заметки: Межвуз. сб. научн. тр. Вып. 4: в 2 ч. – Пермь; Скопье; Любляна, 2006. Ч. 2. – С. 22-31.
41. Бурдина, С.В. Поэмы Анны Ахматовой. «Вечные образы» культуры и жанр / С.В. Бурдина. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 312 с.
42. Бухштаб, Б.Я. Некрасов. Проблемы творчества / Б.Я. Бухштаб. – Л.: Советский писатель, 1989. – 348 с.
43. Васильева, А.С. Категории пространства и времени в поэзии А.А. Ахматовой (на примере анализа одного стихотворения) / А.С. Васильева

- // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. Вып. №69. – С. 46-48.
44. Васильева, Е.Г. Некрасовский цикл «О погоде» (социально-утопические мотивы) / Е.Г. Васильева // Русская литература. – 1995. – №2. – С. 147-153.
45. Васильева, Е.Г. Социальная утопия Некрасова (на материале поэмы «Несчастные») / Е.Г. Васильева // Карабиха. Вып. 11. Историко-литературный сб. – Ярославль, 1993. – С. 83-90.
46. Вацуру, В.Э. Комментарии к произведениям Некрасова 1845-1867 / В.Э. Вацуру // Полное собрание сочинений и писем в 15 т., т. 1. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1981. – С. 565-706.
47. Вежбицка, А. Восприятие: семантика абстрактного словаря / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 18. – С. 336-369.
48. Виленкин, В.Я. Образ «тени» в поэтике Анны Ахматовой / В.Я. Виленкин // Вопросы литературы. – 1994. – Вып. 1. – С. 57-67.
49. Виноградов, В.В. О поэзии Анны Ахматовой / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. – М.: Наука, 1976. – С. 367-459.
50. Виноградов, В.В. О символике А.Ахматовой / В.В. Виноградов // Литературная мысль. Альманах I. Пг.: Колос, 1922. – С.92-237.
51. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959.
52. Винокур, Г.О. Избранные работы по русскому языку / Г.О. Винокур. – М. Гос. уч.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1959. – 492 с.
53. Выготский, Л.С. Психология развития человека. / Л.С. Выготский – М.: Издательство Смысл; Эксмо, 2005. – 1136 с.
54. Вьялицина, Н.В. Традиции Н.А. Некрасова в дореволюционной лирике А. Ахматовой / Н.В. Вьялицина // Н.А. Некрасов и русская литература

- второй половины XIX-начала XX в. – Ярославль: Яросл. пед. ин-т, 1979. – С. 53-68.
55. Вялицина, Н.В. Традиции русской классической поэзии в дореволюционном творчестве А.Ахматовой: сборники «Вечер», «Четки», «Белая стая»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Вялицина, Наталья Васильевна. – Ленинград, 1981. – 229 с.
56. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 699 с.
57. Гадамер, Х.-Г. Философия и поэзия / Х.-Г. Гадамер // Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – С. 116-125.
58. Гадиага, Д. Быт и бытие человека в изображении Н.А. Некрасова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Гадиага Демба. – Л., 1990. – 21 с.
59. Гаспаров, Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века / Б.М. Гаспаров. – М.: Наука, 1993. – 304 с.
60. Гаспаров, Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М.: Новое Литературное Обозрение, 1996. – 348 с.
61. Гаспаров, М.Л. Поэтика «серебряного века» / М.Л. Гаспаров // Русская поэзия «серебряного века». 1890-1917. – М.: Наука. 1993. – С. 5-44.
62. Гаспаров, М.Л. Избранные труды. Т. II. О стихах / М.Л. Гаспаров. – М.: Языки русской литературы, 1997. – 504 с.
63. Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Наука, 2000. 495 с.
64. Герасимов, И.Г. Ионно-молекулярная модель памяти: материальные носители доставки и хранения информации / И.Г. Герасимов, А.А. Яшин // Вестник новых медицинских технологий. – 2013. – Т. 20, № 4. – С. 171-176.

65. Герасимов, И.Г. Ионно-молекулярная модель памяти. Механизмы поиска информации в библиотеке памяти / И.Г. Герасимов, А.А. Яшин // Вестник новых медицинских технологий. – 2014. – Т. 21, № 4. – С. 137-141.
66. Герштейн, Э.Г. Секреты Ахматовой [Электронный ресурс] / Э.Г. Герштейн // Знамя. – 1999. – № 4. – С. 132-146. – URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/gershtejn-sekrety-ahmatovoj.htm>
67. Гинзбург, Л.Я. О лирике / Л.Я. Гинзбург. – М.; Л.: Советский писатель, 1974. – С.311-397.
68. Гоббс, Т. Сочинения в 2 т. Т. 1 / Т. Гоббс; пер. с лат. и англ.; сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов. – М.: Мысль, 1989. – 622 с.
69. Голайденко, Л.Н. Прилагательные со значением памяти: воспоминания и их функционирование в художественной прозе / Л.Н. Голайденко // Вестник Челяб. гос. пед. ун-та. – 2012. – № 8. – С. 205-215.
70. Городецкий Б.Ю. К проблеме семантической типологии / Б.Ю. Городецкий. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 564 с.
71. Григорьев, В.П. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Основные задачи и перспективы / В.П. Григорьев // Язык русской поэзии XX века. – М.: ИРЯ РАН, 1989. – С. 4-13.
72. Григорьев, В.П. Опыт описания идиостилей. Велимир Хлебников / В.П. Григорьев // Очерки истории языка русской поэзии 20 века. Поэтический язык и идиостиль. Общие вопросы / под ред. В.П.Григорьева. – М.: Наука, 1990. – С. 96-164.
73. Григорьев, В.П. Поэтика слова. На материале русской советской поэзии / В.П. Григорьев. – М.: Наука, 1979. – 344 с.
74. Григорьева, О.Н. Стилистика русского языка. – М.: НВИ-Тезаурус, 2000. 164 с.
75. Григорьева, О.Н. Цвет и запах власти. – М.: Наука-Флинта, 2004. 248 с.

76. Гришунин, А.Л. «Родина» Некрасова в ряду прочих произведений о «возвращении на родину» / А.Л. Гришунин // Н.А. Некрасов и его время: Межвуз. сб. Вып.1. – Калининград, 1975. – С. 22-26.
77. Громова, Е.А. Память и её резервы / Е.А. Громова. – М.: Знание, 1983. – (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Биология»; № 8). – 64 с.
78. Грязнова, А.Т. Лингвопоэтический анализ художественного текста: подходы и направления: монография / А.Т. Грязнова. – М.: МПГУ, 2018. – 324 с.
79. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии / Э. Гуссерль. – М.: Лабиринт, 1994. – 107 с.
80. Данскова, Т.Н. Концепт «любовь» и его словесное воплощение в индивидуальном стиле А.Ахматовой: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Данскова Татьяна Васильевна. – Воронеж, 2000. – 195 с.
81. Даренский, В.Ю. Поэзия как метафизическая память, Философия, искусство, метафизика / В.Ю. Даренский // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2011. – №2(10). – С. 68-80.
82. Декарт, Р. Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и франц. Т. 1 / Р. Декарт; сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. – М.: Мысль, 1989. – 654 с.
83. Демидова, А.С. Ахматовские зеркала: Комментарий актрисы / А.С. Демидова. – М.: ПРОЗАиК, 2010. – 400 с.
84. Демидова, А.С. Ахматовские зеркала [Электронный ресурс] / А.С. Демидова. – М.: Изд-во «ПРОЗАиК», 2009. – URL: <http://www.demidova.ru/books/ahmzerkala/text/6.php>
85. Дмитровская, М.А. Философия памяти / М.А. Дмитровская // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1991. – С. 78-85.
86. Долинин, А.С. Акмеизм / А.С. Долинин // Заветы. – 1913. – № 5. – С. 152-162.

87. Дорофеева, Т.В. Архитектоника ранних книг А.А. Ахматовой «Вечер», «Четки», «Белая стая»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Дорофеева Татьяна Владимировна. – М., 2011. – 26 с.
88. Ермилова, Е.В. Акмеизм / Е.В. Ермилова // Теория литературы. Т.IV. Литературный процесс. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. – С. 263-274.
89. Ермилова, Е.В. Некрасов / Е.В. Ермилова // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1983-1994. Т. 7. 1991. – С. 76-84.
90. Ерохина, И.В. Реминисцентная полифония в эпилоге «Реквиема» Анны Ахматовой / И.В. Ерохина // Folia Litteraria Rossica. Acta Universitatis Lodzianis. №3. Lodz: Primum Verbum, 2010. – P. 24-32.
91. Жаккар, Ж.-Ф. И течет «великая река»: заметки о «Реквиеме» Анны Ахматовой / Ж.-Ф. Жаккар // «Как в прошедшем грядущее зреет...»: Полувековая парадигма поэтики Серебряного века. Сб. научных работ / под ред. Л. Кихней и И. Ерохиной. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2012. – С. 211-227.
92. Жилиякова, Э.М. Христианские мотивы и образы в творчестве Н.А. Некрасова (1830-1850-е годы) / Э.М. Жилиякова // Проблемы исторической поэтики. – 1998. – С.270-272.
93. Жирмунский, В.М. Творчество Анны Ахматовой / В.М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1973. – 198 с.
94. Жолковский, А.К. Между могилой и памятником. Заметки о финале ахматовского «Реквиема» (1940) / А.К. Жолковский // От Кибирова до Пушкина. Сборник в честь 60-летия Н.А. Богомолова. – М.: НЛЮ, 2011. – С. 114-142.
95. Жолковский, А.К. Черты поэтического мира Ахматовой // Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст. – М.: Прогресс, 1996. – С. 261-290.

96. Жолковский, А.К. Блуждающие сны: из истории русского модернизма / А.К. Жолковский. – М.: Советский писатель, 1992. – 429 с.
97. Зайцев, В.А. Лекции по истории русской поэзии XX века (1940-2000) / В.А. Зайцев. – М.: Изд-во МГУ, 2009. – 384 с.
98. Зализняк, А.А. Феномен многозначности и способы его описания / А.А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2004. – №2. – С. 20-46.
99. Зализняк, Анна А. Концептуализация забвения по данным русского языка [Электронный ресурс] / Анна А. Зализняк. – URL: www.ksu.ru/cogsci04/sod.php3
100. Зализняк, Анна А. Концептуализация памяти и забвения в русском языке // А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. Константы и переменные русской языковой картины мира. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 696 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
101. Зинченко, П.И. Вопросы психологии памяти / П.И. Зинченко // Психологическая наука в СССР в 2-х тт. Т. 1. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. – 599 с.
102. Зинченко, П.И. Непроизвольное запоминание / П.И. Зинченко. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961.
103. Зинченко, Т.П. Когнитивная и прикладная психология / Т.П. Зинченко. – М.: МОДЭК, 2000. – 608 с.
104. Золян, С.Т. К проблеме описания поэтического идиолекта / С.Т. Золян. – М.: Известия АН СССР, 1986. – 156 с.
105. Золян, С.Т. О соотношении языкового и поэтического смыслов / С.Т. Золян. – Ереван. Изд-во Ереван. ун-та, 1985. – 104 с.
106. Золян, С.Т. От описания идиолекта – к грамматике идиостиля // Язык русской поэзии XX в.: сб. научных трудов / С.Т. Золян. – М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1989. – С. 97-110.
107. Золян, С.Т. Семантика и структура поэтического текста / С.Т. Золян. – Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1991. – 312 с.

108. Золян, С.Т. Семантическая структура слова в поэтической речи / С.Т. Золян. – Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 40. – №6. – 1981. С. 509-520.
109. Зыкова, И.В. Фразеологический знак: к вопросу об объеме его культурной памяти / И.В. Зыкова // Мир русского слова. – 2013. – № 1. – С. 43-49.
110. Иванов, В.В. «Поэма без героя»: Поэтика поздней Ахматовой и фантастический реализм / В.В. Иванов // Ахматовский сборник. – Париж: 1989. – С. 131-135.
111. Иванов, Вяч.Вс. Об эволюционном подходе к культуре / Вяч.Вс. Иванов // Тыняновский сборник: Вторые тыняновские чтения. – Рига, 1986. С.173-180.
112. Иванов, Вяч.Вс. Семантика / Вяч.Вс. Иванов // Литературный энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 58-72.
113. Ильюченко, Р.Ю. Память хорошая, память плохая / Р.Ю. Ильюченко. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. – 161 с.
114. Илюшин, А.А. Поэзия Некрасова / А.А. Илюшин. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 73 с.
115. Иомдин, Б. Л. Ментальная лексика: память и её функционирование // Проспект активного словаря русского языка / Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2010. – С. 465-493.
116. Калиниченко, С.Г. Психофизиология: учеб. пособие / С.Г.Калиниченко, О.А. Коротина. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2010.
117. Караулов, Ю.Н. Структура лексико-семантического поля / Ю.Н. Караулов // Филологические науки. – 1972. – № 1. – С. 57-68.
118. Карпенко, С.М. Концепт «память» в поэтической картине мира Н.С. Гумилёва и А.А. Ахматовой: сопоставительный аспект / С.М. Карпенко // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2014. – №9 (150). – С. 47-53.

119. Карпов, А.С. Царственное слово (Анна Ахматова) / А.С. Карпов // Карпов А.С. Избранные труды. Русская литература XX века. Страницы истории: В 2 т. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – Т. 2. – С. 3 -71.
120. Кассирер, Э. Сила метафоры / Э. Кассирер // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 33-44.
121. Кашкарова, О.Н. Поэтический дискурс ранней лирики А.А. Ахматовой / О.Н. Кашкарова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2008. – № 2. – С. 34-41.
122. Кихней, Л.Г. Акмеизм: Миропонимание и поэтика / Л.Г. Кихней. – М.: МАКС-Пресс, 2001. – 184 с. [2-е изд-е: М.: Панета, 2005. 184 с.].
123. Кихней, Л.Г. Аксиология повседневных вещей в поэтике акмеизма / Л.Г. Кихней, Е.В. Меркель // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2015. № 1 (33). С. 129–138.
124. Кихней Л. Г. Поэзия А. Ахматовой: Тайны ремесла / Л.Г. Кихней. – М.: Диалог МГУ, 1997. – 146 с.
125. Клинг, О.А. Своеобразие эпического в лирике А.А.Ахматовой / О.А. Клинг // Царственное слово: Ахматовские чтения. Вып.1. – М., 1992. – С.59-70.
126. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
127. Когнитивная психология. Учебник для вузов / под ред. В.Н. Дружинина, Д.В. Ушакова. – М.: Пер Сэ, 2002. – 480 с.
128. Коковина, Н.З. Категория памяти в русской литературе XIX века: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Коковина Наталья Захаровна. – Тверь, 2004. – 346 с.
129. Колобаева, Л.А. Философия и литература: параллели, переклички и отзвуки. – М.: Русский импульс, 2013. – 224 с.
130. Корецкая, И.В. Акмеизм / И.В. Корецкая // История всемирной литературы: В 9 т. Т.8. – М., 1994. – С.106-112.

131. Корман, Б.О. Лирика Некрасова / Б.О. Корман. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1964. – 388 с.
132. Кормилов, С.И. Поэтическое творчество Анны Ахматовой / С.И. Кормилов. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 128 с.
133. Коротяев, А.И. Роль генетической и умственной систем информации в возникновении и развитии жизни на Земле / А.И. Коротяев, С.А. Бабичев. – Нальчик: Эльбрус, 2009. – 236 с.
134. Котюрова, М.П. Идиостиль / М.П. Котюрова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н.Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С.95–99.
135. Кочнова, К.А. Дифференциация понятия «лексико-семантическое поле» в рамках изучения языковой картины мира [Электронный ресурс] / К.А. Кочнова // Филология и литературоведение. – 2015. – № 5. – URL: <http://philology.snauka.ru/2015/05/1370>
136. Кочнова, К.А. Лексико-семантическое поле «Природное время» в языковой картине мира А.П.Чехова: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Кочнова Ксения Александровна. – Нижний Новгород, 2005.– 178 с.
137. Кралин, М.М. Примечания / М.М. Кралин // Ахматова А. Сочинения: В 2 т. Т. 1. – М.: Правда, 1990. – С. 366-438.
138. Кралин, М.М. «Победившее смерть слово»: (Об истоках творчества Анны Ахматовой) / М.М. Кралин // Нева. – 1988. – №7. – С. 198-200.
139. Кралин, М.М. Некрасовская традиция у Анны Ахматовой / М.М. Кралин // Кралин М.М. Победившее смерть слово (Статьи об Анне Ахматовой и воспоминания о ее современниках). – Томск: Водолей, 2000. – 383 с.
140. Кралин, М.М. Некрасовская традиция у Анны Ахматовой / М.М. Кралин // Некрасовский сборник. Т.8. VIII. – Л.: Наука, 1983. – С. 74-86.
141. Краснов, Г.В. Некрасов в кругу современников / Г.В. Краснов. – Коломна, 2002. – 216 с.
142. Краснов, Г.В. Некрасов и Пушкин: поэтический диалог / Г.В. Краснов //

- Карабиха. Вып. 111. Историко-литературный сборник. – Ярославль, 1997. – С. 59-66.
143. Креницын, А.Б. Романтические мотивы в поэме Некрасова «Мороз, красный нос» / А.Б. Креницын // Памяти Анны Ивановны Журавлевой: сборник статей / сост. Г.В. Зыкова, Е.Н. Пенская. – М.: Три квадрата, 2012. – С.515-534.
144. Кронгауз, М.А. Семантика. Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / М.А. Кронгауз. – 2-ое изд. испр. и доп. – М.: ИЦ «Академия», 2005. – 352 с.
145. Круглова, Т.С. Адресованная лирика русского модернизма: Поэтологический аспект: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Круглова Татьяна Сергеевна. – М., 2013. – 482 с.
146. Кубрякова, Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова *память* // Логический анализ языка. Культурные концепты / Е.С. Кубрякова; отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1991. – С. 85-91.
147. Кубрякова, Е.С. Язык и знание / Е.С. Кубрякова. – М: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
148. Кудрина, Н.В. Предметные фразеологизмы в поэзии Анны Ахматовой: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кудрина Наталья Викторовна. – Курган, 2008. – 236 с.
149. Куликова, Е.Ю. «Прогулки с Пушкиным» Анны Ахматовой / Е.Ю. Куликова // European Social Science Journal. – 2014. – № 7 (3). – С. 239-246.
150. Куликова, Е.Ю. Пространство и его динамический аспект в лирике акмеистов / Е.Ю. Куликова; отв. ред. Ю.Н. Чумаков. – Новосибирск, ИФЛ СО РАН: Изд-во «Свиныйн и сыновья». – 2011. – С. 306-342.
151. Купчик, Е.В. Метафора памяти в русской поэзии / Е.В. Купчик // Вестник Тюменского гос. ун-та. – 2011. – № 1. – С. 154-159.
152. Куренкова, Т.Н. Лексико-семантическое поле и другие поля в современной лингвистике / Т.Н. Куренкова // Вестник Сибирского

- государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетнева. – 2006. – № 4. – С. 173-178.
153. Лакофф, Дж. Метафоры которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
154. Лебедев, С.А. История философия науки, Учебно-методическое пособие / С.А. Лебедев, В.А. Рубочкин. – М.: Изд-во МГУ, 2010. – 200 с.
155. Лебедев, Ю.В. О духовно-нравственных истоках поэзии Н.А. Некрасова / С.А. Лебедев // Филология и школа. – 2003. – №1. – С. 311-326.
156. Левин, Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика / Ю.И. Левин. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 824 с.
157. Левин, Ю.И. Инвариантные структуры в философском тексте: Вл. Соловьев / Ю.И. Левин // Серебряный век в России. Избранные страницы. – М.: Радикс, 1993. – С. 5-87.
158. Левин, Ю.И. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма / Ю.И. Левин [и др.] // Russian Literature. – 1974. – № 7/8. – Р. 47-82.
159. Леденев, А.В. Модернистские течения в литературе рубежа XIX-XX веков / А.В. Леденев // История рус. лит-ры XX века: В 2 ч. Ч.1. – М.: Юрайт, 2013. – С. 40-48.
160. Лекманов, О.А. Концепция «серебряного века» и акмеизма в записных книжках Ахматовой / О.А. Лекманов // НЛЮ. – 2000. – № 46. – С. 216-230.
161. Леонтьев, А.Н. Развитие памяти (1931) / А.А. Леонтьев // Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности: Ранние работы / под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. – М: Смысл, 2003. – С. 27-206.
162. Липгарт, А.А. Основы лингворезтики: Учебное пособие / А.А. Липгарт. – М.: КомКнига, 2006. – 168 с.
163. Лихачёв, Д.С. Ахматова и Гоголь / Д.С. Лихачёв // Лихачёв Д.С.

- Литература – реальность – литература. – Л., 1981. – С. 173–180.
164. Лихачёв, Д.С. Письма о добром и прекрасном / Д.С. Лихачёв; сост. и общая ред. Г.А. Дубровской. 3-е изд.– М.: Детская литература, 1989. – 238 с.
165. Локк, Дж. Сочинения в 3-х т.: Т. I / Дж. Локк; ред. I т., авт. вступит, статьи и примеч. И.С. Нарский; пер. с англ. А. Н. Савина. – М.: Мысль, 1985. – 621 с.
166. Лосев, А.Ф. Бытие. Имя. Космос / Лосев, А.Ф. – М.: Мысль, 1993. – 958 с.
167. Лосев, Л. Герой «Поэмы без героя» / Л. Лосев // Ахматовский сборник. – Париж, 1989. – С. 109-122.
168. Лосский, В.Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие / В.Н. Лосский. – М.: СЭИ, 1991. – 275 с.
169. Лосский, Н.О. Мир как органическое целое / Н.О. Лосский // Лосский Н.О. Избранное. – М.: Правда, 1991. – С.338-480.
170. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
171. Лотман, Ю.М. Н.А.Некрасов «Последние элегии» // Ю.М. Лотман. Анализ художественного текста / Ю.М. Лотман. – М.: Просвещение, 1972. – С. 204-214.
172. Лотман, Ю.М. Память в культурологическом освещении / Ю.М. Лотман // Ю.М. Лотман Семиосфера. – СПб: Искусство-СПБ, 2004. – 704 с.
173. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста / Ю.М. Лотман. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 704 с.
174. Лотман, Ю.М. Текст в тексте / Ю.М. Лотман // Труды по знаковым системам XIV. Тарту, Вып. 5,6,7. – Тарту, 1981. – 95 с.
175. Лукоянова, Ю.К. Восприятие времени в русской языковой картине мира (на материале произведений В.Токаревой). Русская и сопоставительная

- филология: Лингвокультурологический аспект / Ю.К. Лукоянова. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. – С.150-155.
176. Лурия, А.Р. Память // А.Р. Лурия. Лекции по общей психологии. – СПб.: Питер, 2004. – 320 с.
177. Малахова, Н.В. Образы-мотивы в «Панаевском» цикле Некрасова // Педагогический опыт: теория, методика, практика: материалы IV Междунар. науч.–практ. конф. (Чебоксары, 30 окт. 2015 г.). В 2 т. Т. 1 / Н.В. Малахова; редкол.: О.Н. Широков [и др.] – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – № 3 (4). – С. 339-344.
178. Малышкин, Е.В. Две метафоры памяти / Е.В. Малышкин. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. – 246 с.
179. Малышкин, Е.В. Метафоры памяти в истории философской мысли: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03 / Малышкин Евгений Витальевич. – СПб., 2015. – 341 с.
180. Маркелова, В.М. Лексико-семантическое поле «тревога» в лирике А.А.Блока: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Маркелова Виктория Михайловна. – Арзамас, 2009.
181. Мартьянова, С.А. «Поэма без героя» А.А. Ахматовой в контексте русской философской культуры XX века [Электронный ресурс] / С.А. Мартьянова // Сайт: Анна Ахматова: «Ты выдумал меня». – URL.: [akhmatova.org> articles/martianova.htm](http://akhmatova.org/articles/martianova.htm)
182. Мережковский, Д.С. Две тайны русской поэзии: Некрасов и Тютчев / Д.С. Мережковский // Д.С. Мережковский. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 416-482.
183. Мережковский, Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы / Д.С. Мережковский // Д.С. Мережковский. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. – СПб.: Наука, 2007.

184. Меркель, Е.В. Категория времени у ранней Ахматовой в контексте акмеистического дискурса (на материале сборников «Вечер» И «Четки») [Электронный ресурс] / Е.В. Меркель // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. – URL: www.science-education.ru/118-14465.
185. Меркель, Е.В. Поэтическая семантика акмеизма: миромоделирующие образы и мотивы (Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам): дис. ...д-ра филол. наук: 10.01.01 / Меркель Елена Владимировна. – Нерюнгри, 2015. – 491 с.
186. Микешина, Л.А. Философия науки. Учебное пособие / Л.А. Микешина. – М.: Флинта, 2005. – 464 с.
187. Мишина, Г.В. Образотворческая триада *детство – природа – Храм* в произведениях Н.А. Некрасова: дис. ...канд. филол. наук: 10.01.01 / Мишина Галина Витальевна. – Стерлитамак, 2007. – 174 с.
188. Мищенко, С.В. Метафоризация мифологизированного времени в различных лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Мищенко Светлана Валерьевна. – Тула, 2005. – 160 с.
189. Москвин, В.П. Понятие ‘символ’: опыт параметрического анализа / В.П. Москвин // Филологические науки. – 2014. – № 1. – С. 17-25.
190. Москвин, В.П. Русская метафора: параметры классификации / В.П. Москвин // Филологические науки. – 2000. – № 2. – С.66-74.
191. Мостовская, Н.Н. Феномен Пушкина в творческом сознании Тургенева и Некрасова / Н.Н. Мостовская // Материалы международной пушкинской конференции. – Псков, 1996.
192. Мостовская, Н.Н. Храм в творчестве Некрасова / Н.Н. Мостовская // Русская литература. – 1995. – №1. – С. 194-202
193. Мусатов, В.В. «В то время я гостила на земле...». Лирика Анны Ахматовой / В.В. Мусатов. – М.: Изд-во «Словари.ру», 2007. – 496 с.

194. Мусатов, В.В. Центральная коллизия в «Поэме без героя» Анны Ахматовой / В.В. Мусатов // Творчество писателя и литературный процесс. Жанрово-стилевые проблемы. – Иваново, 1987. – С. 59-69.
195. Мусатов, В.В. К проблеме анализа лирической системы Анны Ахматовой / В.В. Мусатов // Царственное слово: Ахматовские чтения. Вып. 1. – М., 1992. С. 103 – 110.
196. Муфазалова, Л.С. Концепт память в русской языковой картине мира / Л.С. Муфазалова // Вестник ИрГТУ. – 2014. – №9 (92). – С324-327.
197. Найман, А.Г. Рассказы о Анне Ахматовой: из книги «Конец первой половины XX века» / А.Г. Найман. – М.: Художественная литература, 1989. – 302 с.
198. Насруллаева, С.Ф. Хронотоп в ранней лирике Анны Ахматовой: Книги стихов «Вечер» и «Четки»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Насруллаева Саида Фажрудиновна. – Махачкала, 1997. – 208 с.
199. Небольсин, С.А. О жанре «Памятника» в наследии Ахматовой / С.А. Небольсин // Тайны ремесла. Ахматовские чтения. Вып. 2. – М.: Наследие, 1992. – С. 30-38.
200. Недоброво, Н.В. Анна Ахматова // А.А. Ахматова: pro et contra / Н.В. Недоброво; вступ. ст. Н.Н. Скатова; сост., коммент., послесловие С.А. Коваленко. – СПб.: РХГИ, 2001. – С.117-138.
201. Ничипоров, И.Б. Тема памяти в поэзии А. Ахматовой и А. Галича [Электронный ресурс] / И.Б. Ничипоров. – URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37212.php>
202. Новиков, А.Л. Эскиз семантического поля / Л.А. Новиков // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2011. – №2. – С. 8-17.
203. Новиков, Л.А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков. – М.: Высшая школа, 1982. – 97 с.

204. Озерова, Е.Г. Когнитивные аспекты апперцепции памяти. / Е.Г.Озерова, Н. В. Попиль // Сетевой научно-практический журнал Научный результат, Серия Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2014. – №2. – С. 88-93.
205. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация / под. ред. В.П. Григорьева. – М.: Наука, 1995. – 263 с.
206. Павлович, Н.В. Язык образов: Парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н.В. Павлович. – М.: Ин-т русского языка РАН, 1995. – 491 с.
207. Пайков, Н.Н. Феномен Некрасова / Н.Н. Пайков. – Ярославль, 2000. – 199 с.
208. Панов, М.В. Ритм и метр в русской поэзии. Статья вторая: Словесный ярус / М.В. Панов // М.В. Панов Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 842 с.
209. Паперно, И.А. О природе поэтического слова. Богословские источники спора Мандельштама с символизмом / И.А. Паперно // Литературное обозрение. – 1991. – № 1. – С. 29-36.
210. Пахарева, Т.А. Миф об акмеизме в творчестве Анны Ахматовой / Т.А. Пахарева // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 4. – Симферополь, 2006. – С. 3-9.
211. Пахарева, Т.А. Художественная система Анны Ахматовой / Т.А. Пахарева. – Киев: КГУ, 1994.
212. Платон, Ф. // Платон. Собрание соч. в 4-х т. Т. 2. / Ф. Платон; общ. ред. А. Ф. Лосева и др.; авт. вступит, статьи А.Ф. Лосев; примеч. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1990. – 428 с.
213. Плотин. Об ощущении и памяти / Плотин; перевод Д.В. Бугай // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 158-173.
214. Поберезкина, П.Е. Анна Ахматова и Александр Пушкин: сороковые

- годы / П.Е. Поберезкина // Русская литература. – 2004. – № 3. – С. 220-224.
215. Поберезкина, П.Е. Вокруг Ахматовой / П.Е. Поберезкина. – М.: ИЦ «Азбуковник», 2015. – 320 с.
216. Полевые структуры в системе языка / под ред. З.Д.Поповой. – Воронеж: Издательство Воронеж. ун-та, 1989. – 198 с.
217. Полтавцева, Н.Г. Анна Ахматова и культура «серебряного века» («вечные образы» культуры в творчестве Ахматовой) / Н.Г. Полтавцева // Царственное слово: Ахматовские чтения. – М., 1992. Вып. 1. – С. 41-59.
218. Попиль, Н.В. Коннотативные смыслы концепта «память» (на материале текстов И.А. Бунина и А.И. Куприна) / Н.В. Попиль // Научные ведомости, Серия Гуманитарные науки. 2016. № 28(249). Выпуск 32. – С. 28-33.
219. Постовалова, В.И. «Памяти животворящий свет...» (к герменевтике литургического воспоминания) / В.И. Постовалова // Предвосхищение и язык: Материалы Всероссийской научной конференции, сентябрь 2012 год. – М.: Изд-во СГУ, 2012. – С. 51-82
220. Потebня, А.А. Теоретическая поэтика: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / А.А. Потebня. – СПб.: СПбГУ, 2003. – 373 с.
221. Потebня, А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
222. Потebня, А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потebня; ред. коллегия: М.Ф. Овсянников (пред.) и др. Сост., вступит, статья и примеч. И. В. Иваньо и А. И. Колодной. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.
223. Прийма, Ф.Я. Блок и Некрасов / Ф.Я. Прийма // Александр Блок. – Л.: Наука, 1987. – С.536
224. Прийма, Ф.Я. Некрасов и русская литература / Ф.Я. Прийма. – Л. Наука, 1987. – 264 с.

225. Прозоров, Ю.М. Некрасов и русский романтизм: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Прозоров Юрий Михайлович. – Л., 1980. – 25с.
226. Радченко, А.Н. Ассоциативная память. Нейронные сети. Оптимизация нейропроцессоров / А.Н. Радченко. – СПб.: Наука, 1998. – 261 с.
227. Ревзина, О.Г. Безмерная Цветаева: Опыт системного описания поэтического идиолекта / О.Г. Ревзина. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2009. – 600 с.
228. Ревзина, О.Г. Память и язык / О.Г. Ревзина // Критика и семиотика. – Вып. 10. – Новосибирск, 2006. – С. 10-24.
229. Ревзина, О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта: дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл.: 01.02.01 / Ревзина Ольга Григорьевна. – М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 1998. – 86 с.
230. Редькин, В.А. Поиски форм организации времени и пространства в поэмах А. Ахматовой / В.А. Редькин // Ахматовские чтения. – Тверь, 1991. – С. 95-107.
231. Рикёр, П. Память, история, забвение / П. Рикёр; пер. с франц. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с. (Французская философия XX века).
232. Роговер, Е.С. Развитие эстетического идеала Некрасова в 40-х начале 60-х гг. и революционно-демократическая критика / Е.С. Роговер // Некрасов и его время. Межвуз. сб. Вып. 3. 1977. – С. 5-26
233. Роговин, М.С. Проблемы теории памяти: научно-метод. пособие / М.С. Роговин. – М.: Высшая школа, 1977. – 181 с.
234. Рослый, А.С. Интерпретация стихотворения А. Ахматовой «Сколько просьб у любимой всегда» в свете дантовской семантики / А.С. Рослый // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Ч. 2. – Ростов н/Д., 2005. – С. 97-104.
235. Рубинчик, О.Е. «Там за островом, там за садом...»: Тема Китежа у Анны

- Ахматовой / О.Е. Рубинчик // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 3. – Симферополь: Крымский Архив, 2005. С. 46-66.
236. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Издательство «Питер», 2000. – 712 с.
237. Руденко, М.С. Религиозные мотивы в поэзии Анны Ахматовой / М.С. Руденко // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1995. № 4. – С. 66-77.
238. Руднев, П.А. Метрический репертуар Н.А. Некрасова / П.А. Руднев // Труды по русской и славянской филологии. XXIV. – Тарту, 1975. – С. 93-121
239. Руднев, П.А. Полиметрические композиции Н.А. Некрасова / П.А. Руднев // Н.А. Некрасов и русская литература. Вып. 40. – Ярославль, 1975. – С. 141-160.
240. Савостин, И.Г. Сюжет дороги в поэзии Некрасова. («Последние элегии») // Жанр и композиция литературного произведения / И.Г. Савостин. – Калининград, 1978. Вып. 4. – С. 70-79.
241. Сапин, М.Р. Анатомия человека / М.Р.Сапин, Э.В.Швецов; изд. 2-е. – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 368 с.
242. Свердлов, М.И. Художественная идея у Анны Ахматовой / М.И. Свердлов // Новое в школьных программах. Русская поэзия XX. / сост. С.Ф. Дмитренко. – 3-е изд. – М.: Издательство МГУ, 2003. – 208 с.
243. Святополк-Мирский, Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 / Д.П. Святополк-Мирский; пер. с англ. Р. Зерновой; 5. изд., испр. и доп. – Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2014. – 876 с.
244. Сегал, Д.М. Литература как охранная грамота / Д.М. Сегал. – М.: Водолей Publishers, 2006. – 976 с.
245. Седакова, О.А. Наследство Некрасова в русской поэзии [Электронный ресурс] / О.А. Седакова. – URL: <http://olgasedakova.com/Poetica/221>
246. Седакова, О.А. Шкатулка с Зеркалом. Об одном глубинном мотиве А.А.

- Ахматовой / О.А. Седакова // Тр. по знаковым системам. Вып. XVII. Тарту, 1984. – С. 93-108.
247. Серова, М.В. «Цветы» в поэтическом мире Анны Ахматовой [Электронный ресурс] / М.В. Серова // Интернет-портал «Россия в красках». – URL: <http://ricolor.org/>
248. Силантьев, И.В. Поэтика мотива / И.В. Силантьев. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 296 с.
249. Симченко, О.В. Тема памяти в творчестве Анны Ахматовой / О.В. Симченко // Изв. АН СССР. – Серия литературы и языка. – 1985. – Т. 44. – № 6. – С. 506-517.
250. Скатов, Н.Н. Некрасов в поэтическом мире Александра Блока / Н.Н. Скатов // Н.А. Некрасов. Современники и продолжатели. Очерки. – М.: 1986. – С. 234-293.
251. Скатов, Н.Н. Некрасов / Н.Н. Скатов. – М.: Молодая гвардия, 1994. – 411 с.
252. Скатов, Н.Н. Некрасов и русская лирика второй половины XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Скатов Николай Николаевич. – Л., 1970. – 31 с.
253. Скатов, Н.Н. «Я лиру посвятил народу своему»: О творчестве Н.А. Некрасова / Н.Н. Скатов. – М.: Просвещение, 1985. – 175 с.
254. Сквозников, В.Д. Рефлексия и маска (лирика Некрасова) / В.Д. Сквозников // Российский литературоведческий журнал. – М., 1993. №1. – С. 56-76
255. Скоробогатова, Т.И. Фразеология и историческая память: интериоризация нового знания в лингвистике (на материале французского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Скоробогатова Таисия Ивановна. – Майкоп, 2013. – 52 с.

256. Скоромыслова, Н.В. Фразеосемантическое поле психических процессов памяти: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Скоромыслова Наталья Викторовна. – М., 2003. – 176 с.
257. Служевская, И.П. Китежанка. Поэзия Ахматовой: Тридцатые годы / И.П. Служевская. – М.: НЛЮ, 2008. – 136 с.
258. Смирнов, А.А. Просветительский идеал и романтическая ориентация в поэзии Н.А. Некрасова / А.А. Смирнов // V Некрасовские чтения. Тезисы докладов. – Ярославль, 1990. – С.9-11.
259. Смирнов, И.П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем / И.П. Смирнов // Смирнов, И.П. Смысл как таковой. – СПб.: Академический проект, 2001. – С.15- 225.
260. Смирнов, И.П. Психодиахронологика: Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней / И.П. Смирнов. – М.: НЛЮ, 1994. – 352 с.
261. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. Высших учебных заведений / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др.; под ред. В. А. Белошапковой. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 928 с.
262. Солсо, Р.Л. Когнитивная психология / Р.Л. Солсо; пер. с англ. – М.: Тривола, 1996. – 600 с.
263. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // Труды по языкознанию. – М.: Логос, 1997. – С. 99-149.
264. Тарановский, К.Ф. О поэзии и поэтике / К.Ф. Тарановский. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 432 с.
265. Телия, В.Н. Коннотативный анализ семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
266. Темненко, Г.М. Анна Ахматова: опыты интертекстуальных и имманентных прочтений / Г.М. Темненко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2013. – 476 с.

267. Темненко, Г.М. Романтизм преодолённый, но непреодолимый. На материале творчества А. Ахматовой / Г.М. Темненко. // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник / сост. и науч. ред. Г.М. Темненко. Вып.2. – Симферополь: Крымский архив, 2004. – С. 18-36.
268. Теория функциональной грамматики / под. ред. А.В.Бондарко, М.А.Шелякина. – Л.: Наука, 1987. – 348 с.
269. Теплинский, М.В. О романтическом характере лирики Некрасова. Полемиические заметки / М.В. Теплинский // Карабиха. Вып.1. Историко-литературный сборник. – Ярославль, 1991. – С.46-53.
270. Тивьяева, И.В. Теоретические подходы к исследованию памяти в современном отечественном языкознании / И.В. Тивьяева // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 4. – С. 165-170.
271. Тименчик, Р.Д. О «библейской» тайнописи у Ахматовой / Р.Д. Тименчик // Звезда. – 1995. – № 10. – С. 201-207.
272. Тименчик, Р.Д. Заметки об акмеизме / Р.Д. Тименчик // Russian Literature. – 1974. – № 7/8. – P. 23-46.
273. Тименчик, Р.Д. Заметки об акмеизме. II / Р.Д. Тименчик // Russian Literature. – 1977. Vol. V. №3. – P. 281-300.
274. Тименчик, Р.Д. Заметки об акмеизме. III / Р.Д. Тименчик // Russian Literature. 1981. Vol. IX. № 2. P. 175-189.
275. Тименчик, Р.Д. К семиотической интерпретации «Поэмы без героя» / Р.Д. Тименчик // Труды по знаковым системам. Т. VI. – Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1973. Вып. 308. – С. 438-442.
276. Тименчик, Р.Д. Текст в тексте у акмеистов / Р.Д. Тименчик // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. – Тарту, 1981. Вып. 567. Труды по знаковым системам. 14. – С. 65-75.

277. Тихомирова, Е.А. Мотив памяти в лирике А.А. Ахматовой / Е.А. Тихомирова // Polilog. StudiaNeofilologiczne. SlupskAkademiaPomorskawSlupsku. – 2012. – № 2. – С. 359-370.
278. Топоров, В.Н. «Поэма без героя» А.Ахматовой в ритуальном аспекте / В.Н. Топоров // Анна Ахматова и русская культура начала XX века. Тезисы конференции (ИМЛИ). – М., 1989. – С. 15-21.
279. Топоров, В.Н. Ахматова и категория времени / В.Н. Топоров // Анна Ахматова и русская культура начала XX века. Тезисы конференции. – М., 1989. – С. 3-5.
280. Топоров, В.Н. Об ахматовской нумерологии и менологии / В.Н. Топоров // А. Ахматова и русская культура XX в.: Тезисы конференции. – М., 1989. – С. 6-14.
281. Триандис, Гарри К. Культура и социальное поведение / Гарри К. Триандис; пер. В.А. Соснина. – М.: Форум, 2007. – 382 с.
282. Тропкина, Н.Е. Вариативность «Поэмы без героя» Анны Ахматовой / Н.Е. Тропкина // Литература и фольклор. Вопросы поэтики. – Волгоград, 1990. – С. 131-140.
283. Тугушев, Р.Х. Общая психология. Учебник для вузов / Р.Х. Тугушев. Е.И. Гарбер. – Саратов. Научная книга, 2003. – 480 с.
284. Туровский, В.В. Память в наивной картине мира: забыть, вспомнить, помнить / В.В. Туровский // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1991. – С. 91-95.
285. Тынянов, Ю.Н. Проблемы стихотворного языка. Статьи / Ю.Н. Тынянов. – М.: Сов. писатель, 1965. – 301 с.
286. Тынянов, Ю.Н. Стиховые формы Некрасова. О пародии / Ю.Н. Тынянов // Ю.Н. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – С. 18-28, 284-310.
287. Тырышкина, Е.В. Русская литература 1890-х – начала 1920-х годов: от декаданса к авангарду / Е.В. Тырышкина. – Новосибирск: Изд.-во НГПУ,

2002. – 150 с.
288. Тюпа, В.И. Постсимволизм: Теоретические очерки русской поэзии XX века / В.И. Тюпа. – Самара: Ун-т Наяновой, 1998. – 155 с.
289. Тюрин, В.Б. Лексико-семантическое поле «Родина» в лирике Н.М. Рубцова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Тюрин Владимир Борисович. – Нижний новгород, 2017. – 480 с.
290. Тюрин, И.И. Поэтика отражений в лирике А. Ахматовой: «Северные элегии», «Полночные стихи» / И.И. Тюрин // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2006. – № 8. – С. 93-98.
291. Урбан, А.А. А. Ахматова. «Мне ни к чему одические рати...» / А.А. Урбан // Поэтический строй русской лирики. – Л., Наука, 1973. – С. 254-273.
292. Урысон, Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике / Е.В. Урысон. – М.: Языки славянских культур, 2003. – 224 с.
293. Уфимцева, А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира / А.А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 108–140.
294. Уфимцева, А.А. Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка / А.А. Уфимцева // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М.: Наука, 1961. – С. 30-63.
295. Фатеева, Н.А. Идиостиль (индивидуальный стиль) [Электронный ресурс] / Н.А. Фатеева // Энциклопедия «Кругосвет». – URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/IDIOSTIL_INDIVIDUALNI_STIL.html
296. Фатеева, Н.А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе / Н.А. Фатеева // Известия АН. Серия литературы и языка. 1997.

- Т. 56. № 5. – С.12- 21.
297. Фатеева, Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи / Н.А.Фатеева // Известия АН. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57. № 5. – С.25-38.
298. Флоренский, П.А. Анализ пространственности и <времени> в художественно-изобразительных произведениях / П.А. Флоренский // Флоренский П.А., священник. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. – М.: Мысль, 2000. – С. 79-421.
299. Флоренский, П.А. Имена / П.А. Флоренский. – М.: ТОО «Купина», 1993. – 290 с.
300. Флоренский, П.А. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи / ред. Игумен Андроник (Трубачев) / П.А. Флоренский. – М.: Академический проект, 2017. – 905 с. Серия: Философские технологии.
301. Флоренский, П.А. Строение слова / П.А. Флоренский // Контекст 1972. – М.: Наука, 1973. - С.348-375.
302. Флоренский, П.А. У водоразделов мысли / П.А. Флоренский. – М.: Правда, 1990. – 648 с.
303. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-сad, 1994. – 408 с.
304. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
305. Хайдеггер, М. Исток художественного творения / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. – М.: Гнозис, 1993. – С.47-116.
306. Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге: Избранные статьи позднего периода творчества / М. Хайдеггер. – М.: Высшая школа, 1991. – 192 с.
307. Хайрутдинова, Г.А. Об образно-ассоциативных связях лексемы *память*: в контексте концепции инвариантности образа / Г.А. Хайрутдинова //

- Ученые записки казанского университета, Гуманитарные науки. – 2015. – Том 157, кн. 5. – С. 246-252.
308. Халикова, Н.В. Категория образности художественного прозаического текста: автореф. дис. ... д-ра филол наук: 10.02.01 / Халикова Наталья Владимировна. – М., 2004. – 411 с.
309. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
310. Хейт, А. Анна Ахматова: Поэтическое странствие. Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой / А. Хейт. – М.: Радуга, 1991. – 383 с.
311. Цивьян, Т.В. «Поэма без героя Анны Ахматовой» (некоторые итоги изучения в связи с проблемой «текст-читатель») / Т.В. Цивьян // Цивьян Т.В. Семиотические путешествия. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. – С.159-168.
312. Цивьян, Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т.В. Цивьян. – Изд. 3-е, испр. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.
313. Чевтаев, А.А. Функции и семантика «Воспоминания» в ранней поэзии Н. Гумилева (о некоторых аспектах лирического сюжетостроения) / А.А. Чевтаев // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». Вып.4. – 2011. – С. 23-30.
314. Чейф, У.Л. Память и вербализация прошлого опыта [Электронный ресурс] / У.Л. Чейф. – URL: <http://www.classes.ru/grammar/156.new-in-linguistics-12/source/word documents/2.htm>
315. Червинская, О.В. Мифотворчество Анны Ахматовой / О.В. Червинская // Вопр. рус. лит. – Львов, 1989. Вып. 2 (54). – С. 3-12.
316. Чернейко, Л.О. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи / Л.О. Чернейко // Язык, сознание, коммуникация – Отв. ред. В.В. Красных - Вып. 30. М. МАКС Пресс, 2005. С. 43-73.
317. Чернейко, Л.О. Как рождается смысл. Смысловая структура

- художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования. Учебное пособие. – М.: Гнозис, 2009. – 208 с.
318. Чернейко, Л.О. Лингвистическая релевантность понятия «концепт» / Л.О. Чернейко // Текст. Структура и семантика: доклады XI международной конференции. Т. 1. – М., 2009. – С. 162-175.
319. Чернейко, Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. / Л.О. Чернейко, – М.: Либроком, 2010. – 367 с.
320. Чернейко, Л.О. Сравнение: универсальная форма языка подобий и ее организующая роль в структуре художественного текста // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 10. Материалы междунауч. конф. «Язык художественной литературы: традиционные и современные методы исследования» памяти Н.А. Кожевниковой. Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН Москва, 2016. – С. 631–642.
321. Черных, В.А. Мифоборчество и мифотворчество Анны Ахматовой / В.А. Черных // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 3. – Симферополь: Крымский Архив, 2005. – С. 3-22.
322. Чудаков, А.П. Слово и предмет в стихе Н.А. Некрасова / А.П. Чудаков // Чудаков А.П. Слово – вещь – мир: От Пушкина до Толстого. М. Литературное обозрение. – М.: Современный писатель, 1992. – 320 с.
323. Чуковский, К.И. Мастерство Некрасова / К.И. Чуковский. – М.: Художественная литература, 1971. – 711 с.
324. Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. – М.: Искусство, 1979. 447 с.
325. Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. – М.: Русский путь, 2006. – 584 с.
326. Шамне, Н.Л. Лингвистическая проекция категории памяти. Межкультурная коммуникация и сопоставительное изучение языков /

- Н.Л. Шамне, Л.Н. Ребрина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2013. № 3 (19). – С. 104-112.
327. Шаталова, О.В. Репрезентация концепта «память» в текстах русских элегий первой трети XIX века: Лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Шаталова Ольга Васильевна. – Уфа, 2005. – 250 с.
328. Шафиков, С.Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц: учебн. пособие / С.Г. Шафиков. – Уфа: Изд-во Башкирск. унта, 1999. – 89 с.
329. Шашкова, Е.В. Устойчивые образы в поэзии Н.А. Некрасова (родной дом и чужбина): монография / Е.В. Шашкова; Новгородский музей-заповедник. – Великий Новгород, 2010. – 127 с.
330. Шевцов, К.П. Что означают метафоры памяти / К.П. Шевцов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. № 4. Ч. 1. – С. 201-204.
331. Шеина, И.М. Лексико-семантическое поле как универсальный способ организации языкового опыта / И.М. Шеина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2010. – № 2. – С. 69-72.
332. Шеллинг, Ф.В.И. Сочинения: В 2 т. Т. 2 / Ф.В.И. Шеллинг. – М.: Мысль, 1989. – 576 с.
333. Ширина, С.А. Лексические единицы, обозначающие эмоции, в лирике Н.А. Некрасова: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / С.А. Ширина. – М., 1990. – 16 с.
334. Шичалин, Ю.А. Платон [Электронный ресурс] / Ю.А. Шичалин. – URL: <http://www.mgl.ru/library/24/Platon-Shichalin.html>
335. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. – М.: ЛКИ, 2008. – 280 с.

336. Шпет, Г.Г. Сочинения / Г.Г. Шпет. – М.: Правда, 1989. – 608 с.
337. Щеглов, Ю.К. Черты поэтического мира Ахматовой // Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст / А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов. – М.: АО Издательская группа «Прогресс», 1996. – 344 с.
338. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 255 с.
339. Эйхенбаум, Б.М. Некрасов / Б.М. Эйхенбаум // Сквозь литературу. – Л., Academia, 1927. – С. 233-279.
340. Эйхенбаум, Б.М. О поэзии / Б.М. Эйхенбаум. – Л., Советский писатель, 1969. – 552 с.
341. Энгельгардт, Б.М. Избранные произведения / Б.М. Энгельгардт. – СПб.: Изд-во СПбУ, 1995. – 322 с.
342. Эпштейн, М.Н. Природа, мир, тайник вселенной. Система пейзажных образов в русской поэзии / М.Н. Эпштейн. – М.: Высшая школа, 1990. – 304 с.
343. Эткинд, Е.Г. Кризис символизма и акмеизм / Е.Г. Эткинд // История русской литературы. XX век. Серебряный век. – М., Прогресс; Литера, 1995. – С. 460-487.
344. Эткинд, Е.Г. Единство Серебряного века / Е.Г. Эткинд // Эткинд Е.Г. Психопоэтика. СПб.: Искусство, 2005. – С. 506-521.
345. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. – С.193-230.
346. Яковлев, А.В. О семантике некоторых произведений Анны Ахматовой А.В. Яковлев // Русская литература. – 1992. – № 1. – С. 170-174.
347. Яковлева, Е.С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова / Е.С. Яковлева // Вопросы языкознания. – 1998. – №3. – С. 43-73.
348. Яковлева, Л.А. Апокалипсическая семантика в поэзии Анны Ахматовой:

- дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Яковлева Любовь Анатольевна. – Нерюнгри, 2014. – 208 с.
349. Яхьяпур, М. Категории времени и пространства в лирике А.А. Ахматовой и С. Сепехри / М. Яхьяпур, Д. Карими-Мотаххар, Ф. Мохаммади / М. Яхьяпур // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 2. – С. 179-187.
350. Яшина, А.А. Романтизация смерти в стихотворениях Н.А. Некрасова in memoriam / А.А. Яшина // Преподаватель XXI век. – 2016. – Том 2. – Вып. 4. – С. 589-598.
351. Яшина, А.А. Художественная танатология Н.А. Некрасова: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Яшина Анна Александровна. – М., 2017. – 178 с.

Словари

1. Азимов, Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Апресян, Ю.Д. Толково-комбинаторный словарь русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики / Ю.Д. Апресян, А.К. Жолковский, И.А. Мельчук. – Wien: Wiener Slavistischer Almanach, 1984. – 992 с.
3. Бирих, А. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник / А. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова / под ред. В.М. Мокиенко – СПб.: Фило-Пресс, 1998. – 704 с.
4. Большой медицинский словарь [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/medic2/33219>
5. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. – М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

6. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
7. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / под ред. В.Н. Телия. – М.: Аст-Пресс Книга, 2006. – 784 с.
8. Быстрова, Е.А. Учебный фразеологический словарь русского языка / Е.А. Быстрова, А.П. Окунева, Н.М. Шанский. – Л.: Просвещение, 1984. – 271 с.
9. Гайденок, П.П. Античная философия: Энциклопедический словарь. / П.П.Гайденок, М.А.Солопова, С. В. Месяц, А. В. Серегин, А. А. Столяров, Ю.А. Шичалин. – М.: Прогресс-Традиция. 2008. – 896 с.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. / В.И. Даль. – М.: Рипол классик, 2006.
11. Дерibas, В.М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка / В.М. Дерibas; 2-е изд. – М.: Русский язык, 1979. – 256 с.
12. Дмитриев, Д.В. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 1582 [2] с.
13. Епишкин, Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н.И. Епишкин. – М.: Словарное издательство ЭТС, 2010. – 5140 с.
14. Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3-х т. / Т.Ф. Ефремова. – М.: Астрель; АСТ, 2006.
15. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило; изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
16. Карпенко, Л.А. Краткий психологический словарь [Электронный ресурс] / Л.А.Карпенко, А.В.Петровский, М.Г. Ярошевский. – Ростов-на-Дону: ФЕНИКС, 1998. – URL: <https://psychology.academic.ru/1549>
17. Комлев, Н.Г. Словарь новых иностранных слов (с переводом, этимологией и толкованием) / Н.Г. Комлев. – М.: Изд-во Московского университета, 1995. – 141 с.

18. Краткий философский словарь / А.П. Алексеев, Г.Г. Васильев; под ред. А.П. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РГ-Пресс, 2012. –
19. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М.: Эксмо, 2006. – 944 с.
20. Лебедева, Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: краткий тематический словарь / Л.А. Лебедева. – М.: Флинта, 2011. – 300 с.
21. Михельсон, А.Д. 30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. По словарям: Гейзе, Рейфа и др. / сост. Михельсон. – М., 1866. – [4], 771 с.
22. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2007. – 784 с.
23. Москвин, В.П. Приёмы и стили: терминологический словарь. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017.
24. Москвин, В.П. Язык поэзии. Приёмы и стили. Терминологический словарь / В.П. Москвин. – М.: Изд-во «Флинта», 2017. Рец.: Клушина Н.И. Поэтическая речь: от А до Я // Медиаскоп. МГУ, 2017. Вып. 3.
25. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. исп. и доп. Авторы словарных статей: В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева и др. Под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. – 1488 с.
26. Новый толковый словарь русского языка для тех, кто хочет быть грамотным. / Ю.В. Алабугина, Е.Н.Шагалова, Л.А.Глинкина. – М.: АСТ, 2014. – 639 [1] с.
27. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. Институт русского языка им. Виноградова. 4-е изд., дополненное / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
28. Проспект активного словаря русского языка / Авторы: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова,

- М. Я. Гловинская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон; Рецензенты: В. З. Демьянков, Л. П. Крысин; Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 784 с.
29. Прохоров, А.М. (гл.ред.) Большой энциклопедический словарь, М.: Советская энциклопедия, 1993. – 1632 с.
30. Регинина, К.В. Устойчивые словосочетания русского языка / К.В. Регинина, Г.П. Тюрина, Л.И. Широкова; под. ред. Л.И. Широковой. – М.: Русский язык, 1980. – 296 с.
31. Рогожникова, Р.П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову: около 1500 устойчивых сочетаний русского языка / Р.П. Рогожникова. – М.: Астрель: АСТ, 2003. 416 с.
32. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. 3-ое изд., испр. и доп. / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
33. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т.1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н.Караулов, Г.А.Черкасова, Н.В.Уфимцева и др. – М.: Астрель; АСТ, 2002. – 784 с.
34. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; под. ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998. Т. 3. – 713 с.
35. Словарь иностранных слов современного русского языка. / Составитель: Т.В. Егорова. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.
36. Словарь образных выражений русского языка / Т.С. Аристова, М.Л. Кошкова, Е.А. Рысева и др.: под. ред. В. Н.Телия. – М.: «Отечество», 1995. – 368 с.
37. Словарь русского языка: В 4-х т. (МАС). / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985-1988.

38. Словарь современного русского литературного языка в 17 томах / под ред В.И. Чернышева. – М.: Академия Наук СССР, 1950-1965. (БАС)
39. Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. 2-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1983. – 688 с.
40. Словарь синонимов ASIS. В.Н. Тришин. 2013. [Электронный ресурс]. – URL: [http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/fc/slovar-207-182.htm#zag - 235108](http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/fc/slovar-207-182.htm#zag-235108)
41. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / А.Н. Баранов [и др.]. Под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. – М.: Мир энциклопедий: Аванта +, 2007. – 1135 с.
42. Словарь философских терминов / Научная редакция профессора В.Г.Кузнецова. – М.: ИНФРА-М, 2005. –731 с.
43. Современный словарь иностранных слов. Толкование, словоупотребление, словообразование, этимология. / Л.М. Баш, А.В. Боброва, и др. – М.: Цитатель, 2000. – 928 с.
44. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Г.Н. Складерской. – СПб.: Издательство «Филио-наук», 1998. – 700 с.
45. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова; отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: ИЦ «Азбуковник», 2011. – 1175 с.
46. Толковый словарь русского языка. В 4 томах / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996.
47. Толковый словарь современного русского языка / под. ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Аделант, 2013. – 800 с.
48. Универсальный словарь русского языка. – СПб.: ИГ «Весь», 2009.

49. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 (А-Д): пер с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986-1987.
50. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Федоров. 3-е издание исправленное. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878,[2] с.
51. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 544 с.
52. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. проф. А.Н. Тихонова / сост.: А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. Справочное издание: В 2 т. Т. 1. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 832 с.
53. Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. изд. 2-е, исп. и доп. / Н.М. Шанский; под ред. чл. кор. АН СССР С.Г. Бархударова. – М.: Просвещение. 1971. – 542 с.
54. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. Изд. 2-е. – М.: Локид-Пресс, 2005. – 880 с.
55. Энциклопедический словарь медицинских терминов / гл. ред. Б.В.Петровский. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1984. – 1591 с.
56. The Encyclopedia of the Cognitive Sciences. Ed. by R. A. Wilson and F. C. Keil, (University of Illinois, Urbana-Champaign and Yale University). – Cambridge, MA: The MIT Press (A Bradford Book), 1999.

Источники

1. Ахматова, А.А. Собр. соч.: В 6 т. – М., Эллис Лак, 1998.
2. Ахматова, А. Собрание сочинений: В 6 т. / сост., подгот. текста, коммент., статья Н.В. Королевой и С.А. Коваленко. – М.: Эллис Лак, 1998 – 2002.

3. Ахматова, А. Сочинения: В 2 т. / сост. и примеч. М.М. Кралина. – М.: Правда, 1990.
4. Записные книжки Анны Ахматовой. 1958 – 1966. – М. Torino, 1996.
5. Некрасов, Н.А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. / Николай Алексеевич Некрасов. – Л.: Наука, 1981-2000.
6. Некрасов, Н.А. Русские второстепенные поэты // Н.А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем в пятнадцати томах. Критика. Публицистика. Письма. Тома 11-15. Т.11. Кн. 2. Критика. Публицистика (1847-1869). – Л.: Наука, 1990.
7. Пушкин, А.С. Собрание сочинений: В 10 т. – М.: Художественная литература, 1959.
8. Самойлов, Д.С. Стихотворения / сост., подг. текста В. И. Тумаркин, вступ. статья А.С. Немзер. – СПб.: Академический проект, 2006. – 800 с.
9. Твардовский, А.Т. Собрание сочинений. В 6-и т. Т. 5. Статьи и заметки о литературе. Речи и вступления (1933–1970). Примеч. А. Дементьева и Р. Романовой. – М.: Художественная литература, 1980. – 463 с.

Приложения

Приложение 1.

Слова с семантическим компонентом «память»

в поэзии Н.А. Некрасова²⁵³

- Архив* (1): «Недавнее время» (1863-1871);
- Беспмятный* (1): «Недавнее время» (1863-1871);
- Беспмятство* (1): «Мать» (1850-1877);
- Бессмертный* (5): «Княгиня М.Н. Волконская» [Русские женщины, 2] (1872), «Недавнее время» (1863-1871), «В.Г. Белинский» (1855), «Колизей» (1839);
- Былой* (8): «Княгиня М.Н. Волконская» [Русские женщины, 2] (1872), «А. Е. Мартынову» (1859), «Несчастные» (1856), «Кабинет восковых фигур» (1843), «Сердцу» (1839), «Колизей» (1839), «Человек» (1838);
- Внушать* (1): «Притча» (1869);
- Внушить* (3): «Саша» (1854-1855), «Сердцу» (1839), «Сомнение» (1839);
- Воспоминание* (2): «Несчастные» (1856), «Мысль» (1838);
- Воспоминанье* (6): «Несчастные» (1856), «Прекрасная партия» (1852), «Да, наша жизнь текла мятежно...» (1850), «Баба-яга, костяная нога» (1840);
- Вспоминать* (16): «Великое чувство! У каждых дверей...» (1877), «Современники» (1875), «У Трофима» [Ночлеги, 3] (1874), «Бьется сердце беспокойное...» [Три элегии, 2] (1874), «Горе старого Наума» (1874), «Накануне светлого праздника» (1873), «Княгиня М.Н. Волконская» [Русские женщины, 2] (1872), «Дедушка» (1870), «Суд» (1866-1867), «Мороз, Красный нос» (1862-1863), «Коробейники» (1861), «На Волге» (Детство Валежникова) (1860), «А.Е. Мартынову» (1859), «Я посетил твое кладбище...» (1856), «Признание» (1839);
- Вспоминаться* (2): «Кому на Руси жить хорошо» (1865-1877), «Рыцарь на час» (1860-1862);
- Вспомнить* (28): «Кому на Руси жить хорошо» (1865-1877), «Угомонись, моя муза задорная...» (1876), «У Трофима» [Ночлеги, 3] (1874), «П.А. Ефремову» (1874), «Княгиня М.Н. Волконская» [Русские женщины, 2] (1872), «Дедушка» (1870), «Не рыдай так безумно над ним...» (1868), «Суд» (1866-1867), «Крещенские морозы» [О погоде, 4] (1863-1865), «Фельетонная букашка» [Песни о свободном слове, 5] (1865), «Мороз, Красный нос» (1862-1863), «Папаша» (1860), «На Волге» (Детство Валежникова) (1860), «Филантроп» (1853), «Да, наша жизнь текла мятежно...» (1850), «Обыкновенная история» (1845), «Баба-яга, костяная нога» (1840);
- Вспомниться* (2): «Кому на Руси жить хорошо» (1865-1877), «Первый шаг в Европу» (1860);

²⁵³ Некрасов, Н.А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. / Николай Алексеевич Некрасов. – Л.: Наука, 1981-2000.

- Вспомнить** (1): «Е.О. Лихачевой» (1873);
- Выучить** (1): «Кому на Руси жить хорошо» (1865-1877);
- Забвение** (2): «Княгиня М.Н. Волконская» [Русские женщины, 2] (1872), «Песня об «Аргусе»» (1863);
- Забвенье** (16): «Баюшки-баю» (1877), «Уныние» (1874), «Княгиня М.Н. Волконская» [Русские женщины, 2] (1872), «Балет» (1865-1866), «Мороз, Красный нос» (1862-1863), «На Волге» (Детство Валежникова) (1860), «В. Г. Белинский» (1855), «Саша» (1854-1855), «Филантроп» (1853), «Да, наша жизнь текла мятежно...» (1850), «Труженик» (1837-1843), «Земляку» (1839), «Колизей» (1839), «Разговор» (1839), «Смерти» (1838);
- Забывать** (10): «Недавнее время» (1863-1871), «Мороз, Красный нос» (1862-1863), «Несчастные» (1856), «Прекрасная партия» (1852), «А дни летят... Слой пыли гуще, шире...» [Из письма к Е.А. Некрасовой, 2] (1840), «Баба-яга, костяная нога» (1840), «Непонятная песня» (1839), «Землетрясение» (1839);
- Забывтый** (6): «Современники» (1875), «Княгиня М.Н. Волконская» [Русские женщины, 2] (1872), «Несчастные» (1856), «Мать» (1850-1877), «Разговор» (1839);
- Забывать** (81): «Зине» (1877), «Кому на Руси жить хорошо» (1865-1877), «Молебен» (1876), «Угомонись, моя муза задорная...» (1876), «Современники» (1875), «Пророк» (1874), «Горе старого Наума» (1874), «Элегия» (1874), «Уныние» (1874), «Накануне светлого праздника» (1873), «Княгиня М.Н. Волконская» [Русские женщины, 2] (1872), «Недавнее время» (1863-1871), «Княгиня Трубецкая» [Русские женщины, 1] (1871), «Притча» (1869), «С работы» (1867), «Газетная» (1863-1865), «Кому холодно, кому жарко!» [О погоде, 5] (1863-1865), «Железная дорога» (1864), «Кумушки» (1863), «Петербургское стихотворение» [Дружеская переписка Москвы с Петербургом, 2] (1859), «Утренняя прогулка» [О погоде, 1] (1858), «Прости» (1856), «Самодовольных болтунов...» (1856), «Внимая ужасам войны...» (1855-1856), «Несчастные» (1856), «Давно – отвергнутый тобою...» (1855), «Послание к Лонгинову» (1854), «Филантроп» (1853), «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» (1853), «За городом» (1852), «Муза» (1852), «Так это шутка? Милая моя...» (1850), «О вы, герои биллиарда!..» [Из фельетона «Теория бильярдной игры», 1] (1847), «Старушке» (1845), «Карп Пантелеич и Степанида Кондратьевна» (1844-1845), «И скучно, и грустно» [*Из фельетона «Преферанс и солнце»*, 1] (1844), «Кабинет восковых фигур» (1843), «А завтра публика что скажет?..» [*Из водевиля «Утро в редакции»*, 3] (1841), «Мелодия» (1840), «Баба-яга, костяная нога» (1840), «Величие души и ничтожность тела» (1840), «Сказка о царевне Ясносвете» (1840), «Водяной» (1839), «Земляку» (1839), «Турчанка» (1839), «Изгнанник» (1839), «Красавице» (1839), «Незабвенная» (1839), «Землетрясение» (1839), «Колизей» (1839), «Мысль» (1838), «Несчастные» (1856), «Наследство» (1855);
- Забыватье** (2): «О гласность русская! ты быстро зашагала...» (1860), «В больнице» (1855);

- Забиться* (5): «Кому на Руси жить хорошо» (1865-1877), «Плач детей» (1860), «Несчастные» (1856), «Я посетил твое кладбище...» (1856), «Прекрасная партия» (1852);
- Завет* (1): «Княгиня Трубецкая» [Русские женщины, 1] (1871);
- Заглохший* (2): «Весна» (1839), «Мысль» (1838);
- Заметка* (1): «Мать» (1850-1877);
- Запасть* (1): «Недавнее время» (1863-1871),
- Запечатлеть* (1): «Княгиня Трубецкая» [Русские женщины, 1] (1871);
- Запомнить* (5): «Кому на Руси жить хорошо» (1865-1877), «Княгиня М.Н. Волконская» [Русские женщины, 2] (1872), «Соловьи» (1870);
- Запустелый* (1): «Детство» (1873);
- Затерянный* (1): «Княгиня М.Н. Волконская» [Русские женщины, 2] (1872);
- Заучивать* (1): «Красавице» (1839);
- Защевелиться* (1): «Возвращение» (1864);
- Изгладить* (2): «Вступительное слово «Свистка» к читателям» (1863), «Несчастные» (1856);
- Исчезнуть* (1): «День рождения» (1840);
- Кануть* (2): «В полном разгаре страда деревенская...» (1863), «Филантроп» (1853);
- Кладбище* (23): «Кому на Руси жить хорошо» (1865-1877), «Современники» (1875), «Крещенские морозы» [О погоде, 4] (1863-1865), «Кому холодно, кому жарко!» [О погоде, 5] (1863-1865), «Кумушки» (1863), «Мороз, Красный нос» (1862-1863), «20 ноября 1861» (1861), «Сумерки» [О погоде, 3] (1859), «Утренняя прогулка» [О погоде, 1] (1858), «Влюбленному» (1856), «Несчастные» (1856), «В.Г. Белинский» (1855), «Ревность» (1845-1846), «Баба-яга, костяная нога» (1840), «Рыцарь» (1839), «Землетрясение» (1839);
- Летопись* (2): «Современники» (1875), «Княгиня М.Н. Волконская» [Русские женщины, 2] (1872);
- Мавзолей* (1): «Несчастные» (1856);
- Медаль* (5): «Кому на Руси жить хорошо» (1865-1877), «Современники» (1875);
- Мемуары* (1): «Суд» (1866-1867);
- Минувший* (1): «Мысль» (1838);
- Могила* (46): «Ты не забыта...» (1877), «Угомонись, моя муза задорная...» (1876), «Вступление к песням 1876-77 годов» (1876), «Современники» (1875), «Княгиня М.Н. Волконская» [Русские женщины, 2] (1872), «Кому холодно, кому жарко!» [О погоде, 5] (1863-1865), «Мороз, Красный нос» (1862-1863), «Рыцарь на час» (1860-1862), «Похороны» (1861), «Утренняя прогулка» [О погоде, 1] (1858), «Тишина» (1856-1857), «Прощанье» (1856), «Несчастные» (1856), «Памяти Асенковой» (1854-1855), «Саша» (1854-1855), «Пробил час!.. Не скажу, чтоб с охотой...» (1854), «Памяти Белинского» (1851-1853), «О письма женщины, нам милой...» (1852), «День рождения» (1840), «Слеза разлуки» (1840), «Весна» (1839), «Изгнанник» (1839), «Рыцарь» (1839), «Колизей» (1839), «Мысль» (1838);

- Могильный** (4): «Вступление к песням 1876-77 годов» (1876), «Несчастные» (1856), «Покойница» (1839), «Моя судьба» (1839);
- Монумент** (2): «Кому на Руси жить хорошо» (1865-1877), «Кому холодно, кому жарко!» [О погоде, 5] (1863-1865);
- Музей** (3): «Княгиня Трубецкая» [Русские женщины, 1] (1871), «Московское стихотворение» [Дружеская переписка Москвы с Петербургом, 1] (1859);
- Надгробный** (1): «Вступление к песням 1876-77 годов» (1876),
- Напоминать** (3): «Элегия» (1874), «Суд» (1866-1867), «Кабинет восковых фигур» (1843);
- Напомнить** (9): «Поэту» (1874), «Пророк» (1874), «Горе старого Наума» (1874), «Притча» (1869), «Портреты» (1842), «Сердцу» (1839), «Колизей» (1839), «Разговор» (1839);
- Наследие** (1): «Недавнее время» (1863-1871);
- Наследственный** (6): «Мать» (1850-1877), «Княгиня М.Н. Волконская» [Русские женщины, 2] (1872), «Первый шаг в Европу» (1860), «Убогая и нарядная» (1859), «Мы, посетив тебя, Дружинин...» (1854), «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» (1853);
- Наследство** (5): «Умру я скоро. Жалкое наследство...» (1867), «Крестьянские дети» (1861), «Сумерки» [О погоде, 3] (1859), «Наследство» (1855);
- Незабвенная** (1): «Незабвенная» (1839);
- Незабвенный** (5): «Княгиня М.Н. Волконская» [Русские женщины, 2] (1872), «Несчастные» (1856), «Послание к Лонгинову» (1854), «Филантроп» (1853), «Незабвенный вечер» (1839);
- Неизгладимый** (2): «Княгиня Трубецкая» [Русские женщины, 1] (1871), «Умру я скоро. Жалкое наследство...» (1867);
- Обряд** (1): «Современники» (1875);
- Обычай** (4): «Мать» (1850-1877), «Мысли журналиста при чтении программы, обещающей не щадить литературных авторитетов» (1860), «В альбом» (1837-1843), «Сказка о царевне Яносвете» (1840);
- Оживить** (5): «Кабинет восковых фигур» (1843);
- Оживлять** (2): «Кабинет восковых фигур» (1843), «Из повести «В Сардинии»» (1842);
- Оставить** (2): «Умру я скоро. Жалкое наследство...» (1867), «Песня об «Аргусе»» (1863);
- Отпечаток** (1): «Офелия» (1840);
- Памятник** (7): «Кому на Руси жить хорошо» (1865-1877), «Современники» (1875), «Мороз, Красный нос» (1862-1863), «Первый шаг в Европу» (1860), «В.Г. Белинский» (1855), «Блажен незлобивый поэт...» (1852);
- Памятный** (5): «Кому на Руси жить хорошо» (1865-1877), «Княгиня М. Н. Волконская» [Русские женщины, 2] (1872), «Княгиня Трубецкая» [Русские женщины, 1] (1871), «Так говорила <...> актриса отставная...» (1855-1856), «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» (1853);

Память (47): «Кому на Руси жить хорошо» (1865-1877), «Мать» (1850-1877), «Поэту» (1874), «Вступили кони под навес...» [Ночлеги, 1] (1874), «Кузнец» (1872), «Княгиня М. Н. Волконская» [Русские женщины, 2] (1872), «Недавнее время» (1863-1871), «Княгиня Трубецкая» [Русские женщины, 1] (1871), «Суд» (1866-1867), «Памяти Добролюбова» (1864), «Кумушки» (1863), «Орина мать солдатская» (1863), «Похороны» (1861), «На Волге» (Детство Валежникова) (1860), «Плач детей» (1860), «Княгиня» (1856), «В.Г. Белинский» (1855), «Праздник жизни – молодости годы ...» (1855), «Мне жаль, что нет теперь поэтов...» (1853), «Расторгнут наш союз корыстью кровожадной...» [Из фельетона «Хроника петербургского жителя», 2] (1844), «День рожденья» (1840), «Баба-яга, костяная нога» (1840), «Слеза разлуки» (1840), «Сказка о царевне Ясносвете» (1840), «Дни благословенные» (1839), «Рукоять» (1839), «Незабвенная» (1839), «Могила брата» (1839), «Человек» (1838);

Пережитый (1): «Наследство» (1855);

Повторить (3): «Дедушка» (1870), «Утренняя прогулка» [О погоде, 1] (1858), «Ангел смерти» (1839);

Повториться (1): «Недавнее время» (1863-1871);

Повторять (3): «Зине» (1877), «Бьется сердце беспокойное...» [Три элегии, 2] (1874), «А.Е. Мартынову» (1859);

Позабывать¹ (1): «Кому на Руси жить хорошо» (1865-1877);

Позабывать² (3): «Уныние» (1874), «Балет» (1865-1866);

Позабыть (26): «Зине» (1877), «Кому на Руси жить хорошо» (1865-1877), «При отъезде Дмитриева в Киев из Ярославля?» (1875), «Салтыкову» (1867-1875), «Современники» (1875), «Уныние» (1874), «Княгиня М.Н. Волконская» [Русские женщины, 2] (1872), «В.И. Асташеву» (1866), «Крещенские морозы» [О погоде, 4] (1863-1865), «Возвращение» (1864), «Рыцарь на час» (1860-1862), «20 ноября 1861» (1861), «Коробейники» (1861), «Княгиня» (1856), «Несчастные» (1856), «Да, наша жизнь текла мятежно...» (1850), «Вино» (1848), «Если, мучимый страстью мятежной...» (1847), «А дни летят... Слой пыли гуще, шире...» [Из письма к Е.А. Некрасовой, 2] (1840), «Провинциальный подьячий в Петербурге» (1840);

Позабыться (4): «Кому на Руси жить хорошо» (1865-1877), «Княгиня Трубецкая» [Русские женщины, 1] (1871), «На Волге» (Детство Валежникова) (1860), «Если, мучимый страстью мятежной...» (1847);

Погост (3): «Рассыльный» [Песни о свободном слове, 1] (1865), «Утренняя прогулка» [О погоде, 1] (1858), «Тишина» (1856-1857);

Помин (1): «Княгиня М.Н. Волконская» [Русские женщины, 2] (1872);

Поминать (7): «Кому на Руси жить хорошо» (1865-1877), «У Трофима» [Ночлеги, 3] (1874), «Дедушка» (1870), «Эй, Иван!» (1867), «Железная дорога» (1864), «Несчастные» (1856);

Поминаться (1): «Кому на Руси жить хорошо» (1865-1877);

Поминки (1): «Кому на Руси жить хорошо» (1865-1877);

Помнить (60): «Кому на Руси жить хорошо» (1865-1877), «Без роду, без племени» (1877), «Признания труженика» (1854-1874) «Детство» (1873), «Княгиня М.Н. Волконская» [Русские женщины, 2] (1872), «Недавнее время» (1863-1871), «Княгиня Трубецкая» [Русские женщины, 1] (1871), «Дедушка» (1870), «Пчелы» (1867), «Суд» (1866-1867), «Мороз, Красный нос» (1862-1863), «Деревенские новости» (1860), «До сумерек» [О погоде, 2] (1859), «А. Е. Мартынову» (1859), «Прости» (1856), «Внимая ужасам войны...» (1855-1856), «Как ты кротка, как ты послушна...» (1856), «Несчастные» (1856), «В.Г. Белинский» (1855), «Памяти Асенковой» (1854-1855), «В больнице» (1855), «Где твое личико смуглое...» (1855), «Зачем насмешливо ревнуешь...» (1852-1855), «Саша» (1854-1855), «Муза» (1852), «Еду ли ночью по улице темной...» (1847), «Старушке» (1845), «Послание к другу (из-за границы)» (1845), «Баба-яга, костяная нога» (1840), «Встреча душ» (1839), «Незабвенный вечер» (1839);

Помянуть (10): «Кому на Руси жить хорошо (1865-1877), «Признания труженика» (1854-1874), «Княгиня М.Н. Волконская» [Русские женщины, 2] (1872), «Княгиня Трубецкая» [Русские женщины, 1] (1871), «Легенда о некоем покаявшемся старце, или Седина в бороду, а бес в ребро» (1865), «На Волге» (Детство Валежникова) (1860), «Несчастные» (1856), «В.Г. Белинский» (1855), «Я рано встал, недолги были сборы...» [Последние элегии, 2] (1853-1855);

Попомнить (4): «Кому на Руси жить хорошо» (1865-1877), «Дедушка» (1870), «Коробейники» (1861);

Предание (2): «В.Г. Белинский» (1855), «Баба-яга, костяная нога» (1840),

Преданье (2): «Современники» (1875), «В.Г. Белинский» (1855);

Припоминать (7): «Мать» (1850-1877), «Суд» (1866-1867), «Тишина» (1856-1857), «Несчастные» (1856), «Сказка о царевне Ясносвете» (1840);

Припомнить (18): «Мать» (1850-1877), «Современники» (1875), «Княгиня М.Н. Волконская» [Русские женщины, 2] (1872), «Недавнее время» (1863-1871), «Княгиня Трубецкая» [Русские женщины, 1] (1871), «Суд» (1866-1867), «Гимн «Времени»» (1861), «Что поделявает наша внутренняя гласность» (1860), «Несчастные» (1856), «Памяти Асенковой» (1854-1855), «Застенчивость» (1852-1853), «Кабинет восковых фигур» (1843), «Изгнанник» (1839);

Прихлынуть (1): «Филантроп» (1853);

Промелькнуть (1): «Еду ли ночью по улице темной...» (1847);

Прошедший (1): «Памяти Асенковой» (1854-1855);

Прошлый (1): «Влюбленному» (1856);

Пыльный (1): «Наследство» (1855);

Развалины (9): «Поэту» (1877), «Современники» (1875), «Детство» (1873), «Княгиня Трубецкая» [Русские женщины, 1] (1871), «Колизей» (1839);

Руина (4): «Притча» (1869), «Рыцарь на час» (1860-1862), «Колизей» (1839);

Саркофаг (1): «Колизей» (1839);

Сберечь (1): «Несчастные» (1856);

- Сгинуть** (2): «Уныние» (1874), «Филантроп» (1853);
- След** (18): «Мать» (1850-1877), «Горе старого Наума» (1874), «Княгиня М.Н. Волконская» [Русские женщины, 2] (1872), «Княгиня Трубецкая» [Русские женщины, 1] (1871), «Умру я скоро. Жалкое наследство...» (1867), «Дешевая прогулка» (1862), «На Волге» (Детство Валежникова) (1860), «Несчастные» (1856), «Мне жаль, что нет теперь поэтов...» (1853), «Обыкновенная история» (1845), «Баба-яга, костяная нога» (1840), «Покойница» (1839), «Весна» (1839), «Незабвенная» (1839);
- Сохранить** (2): «Песня об «Аргусе»» (1863), «Слеза разлуки» (1840);
- Сохранять** (1): «Великое чувство! У каждого дверей...» (1877);
- Твердить** (2): «Что поделявает наша внутренняя гласность (1860), «Влюбленному» (1856);
- Тоска** (4): «Княгиня М.Н. Волконская» [Русские женщины, 2] (1872), «Убогая и нарядная» (1859), «Несчастные» (1856), «Памяти Асенковой» (1854-1855);
- Тосковать** (2): «Современники» (1875), «Княгиня М.Н. Волконская» [Русские женщины, 2] (1872);
- Узнавать** (2): «Мать» (1850-1877), «Несчастные» (1856);
- Упомнить** (2): «Кому на Руси жить хорошо» (1865-1877);
- Усваивать** (1): «Наборщики» [Песни о свободном слове, 2] (1865);
- Хранитель** (1): «Саша» (1854-1855);
- Хранить** (7): «Мать» (1850-1877), «Крестьянские дети» (1861), «Несчастные» (1856), «Изгнанник» (1839), «Тот не поэт» (1839), «Рукоять» (1839), «Колизей» (1839);
- Эпитафия** (2): «Недавнее время» (1863-1871), «Эпитафия» (1867);
- Эхо** (1): «Мать» (1850-1877);
- Юбилей** (1): «О.А. Петрову» (1875).

Приложение 2.

Слова с семантическим компонентом «память»

в поэзии А.А. Ахматовой²⁵⁴

Беречь (9): «И мальчик, что играет на волынке...» (1911), «Столько просьб у любимой всегда!..» (1913), «Сонет – Эпилог» (1956) (из цикла «Шиповник цветет») (1956), «Пришли и сказали: «Умер твой брат» ...» Н.Г.умилову» (1910), «У меня есть улыбка одна...» (1913), «Бесшумно ходили по дому...» (1914), «С первым звуком, слетевшим с рояля...» (1917), «Пока не свалюсь под забором...» (1921), «Нам есть чем гордиться и есть что беречь...» (1945);

²⁵⁴ Ахматова, А. Собрание сочинений: В 6 т. / сост., подгот. текста, коммент., статья Н.В. Королевой и С.А. Коваленко. – М.: Эллис Лак, 1998 – 2002.

- Беспамятный** (2): «Решка» [Поэма без героя, 11] (1940-1965), «Беспамятна лишь жизнь, – такой не назовем...» (1964);
- Беспамятство** (3): «Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли...» (1957), «Художнику» (1924), «Пока не свалюсь под забором...» (1921);
- Бессмертие** (1): «Я над ними склонюсь, как над чашей...» (1957);
- Бессмертный** (8): «То лестью новогоднего сонета...» (1965), «Через 23 года» (1963), «Сонет» (1963), «Ты первый сдался – я молчала...» (1959), «Первая песенка» (1956), «Кого когда-то называли люди...» (1945), «Как в трапезной - скамейки, стол, окно...» (1943), «Кавказское» (1927);
- Воскресать** (1): «Глава первая» [Поэма без героя, 5] (1940-1965);
- Воспоминание** (2): «Глава третья» [Поэма без героя, 8] (1940-1965);
- Восстать** (1): «Все души милых на высоких звездах...» (1921);
- Всплывать** (1): «Тень» (1940);
- Вспоминать** (20): «Покорно мне воображенье...» (1913), «Последнее письмо» (1913), «Белая ночь» (1914), «Из памяти твоей я выну этот день...» (1915), «Столько раз я проклинала...» (1915), «Вновь подарен мне дремотой...» (1916), «А ты теперь тяжелый и унылый...» (1917), «Ты – отступник: за остров зеленый...» (1917), Эпилог «Реквием» (1940), «Северные элегии (пятая)» (1945), «В разбитом зеркале» (из цикла «Шиповник цветет») (1956), «Не стражай меня грозной судьбой...» (1959), «Родная земля» (1960), «Первое предупреждение» (1963), «Поэма без героя» Глава третья (1940-1965),
- Вспомнить** (12): «По аллее проводят лошадок...» (1911), «И мальчик, что играет на волынке...» (1911), «Когда о горькой гибели моей...» (1917), «Маяковский в 1913 году» (1940), «Решка» («Поэма без героя») (1941), «Северные элегии (первая)» (1940-1942-1943), «Новогодняя баллада» (1922), «Черная вилась дорога...» (1913), «Еще одно лирическое отступление» (1943), «Ты кто-то из прежней жизни» (1958), «Почти в альбом» (1961);
- Выучить** (1): «Глава первая» [Поэма без героя, 5] (1940-1965);
- Годовщина** (5): «Сон» (1956), «Веет ветер лебединый...» (1918), «То пятое время года...» (1913);
- Дата** (3): «Из ленинградских элегий» (1956), «Падение Берлина» (1949), «Опять подошли «незабвенные даты» ...» (1944-1945);
- Дневник** (1): «Дневник путешествия» (1964);
- Забвение** (4): «Хулимые, хвалимые!...» (1960), «Кое-как удалось разлучиться...» (1921), «Тяжела ты, любовная память...» (1914), «Не будем пить из одного стакана...» (1913);
- Забвенье** (3): «Есть три эпохи у воспоминаний...» (1945), «Заплаканная осень, как вдова...» (1921);
- Забывать** (5): «Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли...» (1957), «Забудут? – вот чем удивили!...» (1957), «Алиса» (1911), «Пусть так теряют смысл слова» (1964);
- Забывчивый** (3): «Как жизнь забывчива, как памятлива смерть...» (1961), «Вместо мудрости – опытность, пресное...» (1913);

- Забывтое** (1): «Все тоскует о забытом...» [Алиса, 1] (1911);
- Забывтый** (3): «Уж я ль не знала бессонницы...» (1940), «Многим» (1922), «Над черною бездной с тобою я шла...» (1904);
- Забывать** (55): «Глава четвертая и последняя» [Поэма без героя, 9] (1940-1965), «Глава первая» [Поэма без героя, 5] (1940-1965), «Памяти В.С. Срезневской» (1964), «Последняя» [Песенки] (1964), «Пятая роза» (1963), «Сонет-эпилог» (1960-1962), «Самой поэме» (1960), «Если бы ты музыкой была...» (1959), «Пауки в окне» (1958), «Забудут? – вот чем удивили» (1957) «Воды не хватит в Тихом океане...» [Корея в огне, 2] (1950), «Пора забыть верблюжий этот гам...» (1944-1950), «Есть три эпохи у воспоминаний...» (1945), Послесловие «Ленинградского цикла» (1944), «Разве я стала совсем не та...» (1944), «Третью весну встречаю вдали...» (1944), «А в книгах я последнюю страницу...» (1943), «Памяти Вали» (1943), «Опять поминальный приблизился час...» (1940), «Вот это я тебе, взамен могильных роз...» (1940), «Данте» (1936), «Уводили тебя на рассвете...» [Реквием, 3] (1935), «Лотова жена» (1924), «Юдифь» (1922), «Как мог ты, сильный и свободный...» (1922), «Путник милый, ты далече...» (1921), «А, ты думал – я тоже такая...» (1921), «Петроград, 1919» (1920), «Сочтенных дней осталось мало...» (1910-1919), «О нет, я не тебя любила...» (1917), «Когда в тоске самоубийства...» (1917), «Смеркается, и в небе темно-синем...» (1916), «Покинув рощи родины священной...» [2] (1914-1916), «Нет, царевич, я не та...» (1915), «Все мне видится Павловск холмистый...» (1915), «Я не знаю, ты жив или умер...» (1915), «Тамаре Платоновне Карсавиной» (1914), «Вижу, вижу лунный лук...» (1914), «Вместо мудрости – опытность, пресное...» (1913), «Черная вилаьсь дорога...» (1913), «Сегодня мне письма не принесли...» (1912), «Ты поверь, не змеиное острое жало...» (1912), «В ремешках пенал и книги были...» (1912), «Подражание И.Ф. Анненскому» (1911), «Сжала руки под темной вуалью...» (1911), «Хочешь знать, как все это было? ...» (1910), «Ты к морю пришел, где увидел меня...» (1906);
- Забыватье** (1): «Целый год ты со мной неразлучен...» (1914);
- Заветный** (9): Глава первая «Поэма без героя» [5] (1940-1965), «Через 23 года» (1963), «Родная земля» (1961), «И юностью манит, и славу сулит...» (1960), «Я над ними склонюсь, как над чашей...» (1957), «Когда я называю по привычке...» (1943), «Опять поминальный приблизился час...» (1940), «А, ты думал – я тоже такая...» (1921);
- Залетейский** (1): «Надпись на книге» (1940);
- Заметка** (2): «Я над ними склонюсь, как над чашей...» (1957), «Вечерняя комната» (1911);
- Запоминать** (2): «И мальчик, что играет на волынке...» (1911), «У самого моря» (1914);
- Запомнить** (10): «В последний раз мы встретились тогда...» (1914), «Небывалая осень построила купол высокий...» (1922), «Читая Гамлета» (1909), «Я пришла к поэту в гости...» (1914), «Третье и последнее» (1956) («Поэма без героя»), «Северные элегии (седьмая)» (1958), «Я любимого

- нигде не встретила...» (1914), «1 июня 1950» (1950), «У самого моря» (1914), «Царскосельская поэма «Русский трианон»» (1925-1965);
- Запомниться** (5): «Туманом легким парк наполнился...» (1911), «21 декабря 1949 года» (1949), «Петербургская повесть» («Поэма без героя») (1941), «По неделе ни слова ни с кем не скажу...» (1916), «Я пришла к поэту в гости...» (1914) Александру Блоку;
- Исчезнуть** (1): «Памяти 19 июля 1914» (1916);
- Кладбище** (7): Глава третья «Поэма без героя» [8] (1940-1965), «На смоленском кладбище» (1942), «А Смоленская нынче именинница...» (1921), «Мы не умеем прощаться...» (1917), «Лучше б мне частушки задорно выкликать...» (1914), «У кладбища направо пылил пустырь...» [Читая «Гамлета», 1] (1909);
- Кладбищенский** (1): «Борис Пастернак» (1936);
- Лета** (6): «Решка» [Поэма без героя, 11] (1940-1965), «Глава вторая» [Поэма без героя, 7] (1940-1965), «Александр у Фив» (1961), «Надпись на книге» (1940), «Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли...» (1957), «Второе посвящение» [Поэма без героя, 2] (1945);
- Летаргия** (1): «Надпись на неоконченном портрете» (1911);
- Летейский** (2): «Глава первая» [Поэма без героя, 5] (1940-1965), «С грозных ли площадей Ленинграда...» (1942);
- Литургия** (2): «Буду черные грядки холить...» (1916), «Молитва» (1915);
- Медальон** (1): «Все тоскует о забытом...» [Алиса, 1] (1911);
- Мелькать** (1): «Здесь все то же, то же, что и прежде...» (1912);
- Мелькнуть** (4): «Поздний ответ» (1940), «При музыке» (1958), «Я выбрала тех, с кем хотела молчать...» (1963), «Часть первая 1913 год» (1913);
- Мемориальный** (1): «Предыстория» (1940-1943);
- Метка** (1): «О тебе вспоминаю я редко...» (1913);
- Могила** (29): «Глава третья» [Поэма без героя, 8] (1940-1965), «Эпилог» [Поэма без героя, 12] (1940-1965), «Последняя» [Песенки] (1964), «Слушая пение» (1961), «Музыка» (1957), «Забудут? - вот чем удивили...» (1957), «Ты выдумал меня. Такой на свете нет...» (1956), «О десятых годах» (1955), «Дорогою ценой и нежданной...» (1946), «Дострадать до огня над могилой...» (1946), «Памяти друга» (1945), «Меня, как реку...» (1945), «Есть три эпохи у воспоминаний...» (1945), «Клятва» (1941), «Тихо льется тихий Дон...» [Реквием, 4] (1935-1940), «Семь тысяч три километра...» (1930-1939), «А Смоленская нынче именинница...» (1921), «Пятым действием драмы...» (1921), «Я гибель накликала милым...» (1921), «Проплывают льдины, звеня...» (1918), «Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой...» (1917), «Муза ушла по дороге...» (1915), «Утешение» (1914), «Пахнет гарью. Четыре недели...» (1914), «Похороны» (1911), «Из завещания Васильки» (1909), «Над черною бездной с тобою я шла...» (1904);
- Могильный** (5): «Глава первая [Поэма без героя, 5]» (1940-1965), «Второе посвящение [Поэма без героя, 2]» (1945), «И в памяти, словно в узорной

- укладке...» (1944), «Посвящение [Поэма без героя, 1]» (1940), «Вот это я тебе, взамен могильных роз...» (1940)
- Музей** (2): «Шутки – шутками, а сорок...» (1960), «Юность» (1940);
- Надгробный** (5): «Эпилог» [Поэма без героя, 12] (1940-1965), «... И теми стихами весь мир озарен...» (1961), «Сожженная тетрадь» (1961), «Август 1940» (1940), «Было душно от жгучего света...» [Смятение, 1] (1913);
- Наизусть** (2): «Пауки в окне» (1958), «Ленинград в марте 1941» (1941);
- Напоминать** (2): «Я не люблю цветы – они *напоминают*...» (1910-ые годы), «Пятая роза» Дм. Б<обыше>ву (1963);
- Напомнить** (2): «Строфы, не вошедшие в «поэму без героя»» (?), «Тень» (1940);
- Наследство** (8): «Строфы, не вошедшие в «Поэму без героя»» (1940-1965), «И очертанья «Фауста» вдали...» (1945), «Предыстория» (1940-1943), «Борис Пастернак» (1936), «Тот город, мной любимый с детства...» (1929), «Я не люблю цветы – они напоминают...» (1910-1919), «Завещание» (1914), «Все тоскует о забытом...» [Алиса, 1] (1911);
- Негасимый** (2): «Стряслось небывалое, злое...» (1963), «Уложила сыночка кудрявого...» (1940);
- Незабвенный** (3): «... и умирать в сознаньи горделивом...» (1963), «Есть три эпохи у воспоминаний...» (1945), «Опять подошли *незабвенные* даты» ...» (1944-1945);
- Незабываемый** (1): «Падение Берлина» (1949);
- Нетленный** (2): «Побег» (1914), «В ремешках пенал и книги были...» (1912);
- Обессмертить** (1): «О тебе вспоминаю я редко» (1913);
- Обряд** (3): «Смерть Софокла» (1958-1961), «Interieur» (1944), «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...» (1915);
- Оглянуться** (1): «Кое-как удалось разлучиться...» (1921);
- Отзвук** (2): «Москве» (1949), «Падение Берлина» (1949);
- Памятливый** (1): «Как жизнь забывчива, как *памятлива* смерть...» (1961);
- Памятник** (4): «Прошло пять лет – и залечила раны...» (1950), «Памяти Александра Блока» (1946), «Опять поминальный приблизился час...» [Реквием, 13] (1940), «Петроград, 1919» (1920);
- Памятный** (5): «Земля хотя и не родная...» (1964), «Так вот он - тот осенний пейзаж...» (1942), «Словно ангел, возмутивший воду...» (1916), «Каждый день по-новому тревожен...» (1913), «Ты знаешь, я томлюсь в неволе...» (1913);
- Память** (56): «Строфы, не вошедшие в «Поэму без героя»» (1940-1965), «Памяти В.С. Срезневской» (1964), «Стряслось небывалое, злое...» (1963), «И в памяти черной, пошарив, найдешь...» (1960), «Мартовская элегия» (1960), «Памяти Анты» (1960), «Не давай мне ничего *на память*...» (1959), «Не мешай мне жить – и так не сладко...» (1959), «И будешь ты из тех старух...» (1958), «Другая песенка» (1956), «Пусть кто-то еще отдыхает на юге...» (1956), «И сердце то уже не отзовется...». *Памяти* Н. Пунина (1953), «Приморский парк Победы» (1950), «Прошло пять лет – и залечила раны...» (1950), «Памяти Александра Блока» (1946), «Знаешь сам, что не стану

славить...» (1946), «*Памяти друга*» (1945), «Отрывок» И.М. Басалаеву *на память* о нашем Ташкенте (1945), «Второе посвящение» [Поэма без героя, 2] (1945), «Учитель». *Памяти* Иннокентия Анненского (1945), «De profundis! – Мое поколенье...» (1944), «И в *памяти*, словно в узорной укладке...» (1944), «*Памяти* Вали» (1943), «In memoriam» (1942), «Тень» (1940), «Подвал *памяти*» (1940), «Вот это я тебе, взамен могильных роз...» *Памяти* М.А. Булгакова (1940), «Приговор» [Реквием, 9] (1939), «*Памяти* Пильняка» (1938), «Ты прости мне, что я плохо правлю...» (1927), «*Памяти* Сергея Есенина» (1925), «Я именем твоим не оскверню уст...» (1924), «Хорошо здесь: и шелест и хруст...» (1922), «Бежецк» (1921), «*Памяти* 19 июля 1914» (1916), «Вновь подарен мне дремотой...» (1916), «Словно ангел, возмутивший воду...» (1916), «Из *памяти* твоей я выну этот день...» (1915), «Я не любви твоей прошу...» (1914), «Тяжела ты, любовная *память*...» (1914), «Белый дом» (1914), «Спокоен ход простых суровых дней...» (1914), «Последнее письмо» (1913), «Голос *памяти*» (1913), «...И на ступеньки встретить...» (1913), «В то время я гостила на земле...» (1913), «Умирая, томлюсь о бессмертье...» (1912), «Память о солнце в сердце слабеет...» (1911), «И когда друг друга проклинали...» (1909);

Перезабить (1): «И последнее» (1963);

Побережь (1): «Не хулил меня, не славил» (1915);

Повторять (2): «Все души милых на высоких звездах...» (1921), «Потускнел на небе синий лак...» (1912);

Позабить (8): Строфы, не вошедшие в «Поэму без героя» (1940-1965), «Не мешай мне жить – и так не сладко...» (1959), «Он не друг и не враг и не демон...» (1958), «И увидел месяц лукавый...» (1946), «Песня о песне» (1916), «Моей сестре» (1914), «Разлука» (1914), «Я пришла тебя сменить, сестра...» (1912);

Погост (2): «Буду тихо на погосте...» (1915), «За узором дымных стекол...» (1913);

Погребать (1): «Август 1940» (1940);

Покинутый (1): «Путем всея земли» (1940);

Помин (1): «Небо мелкий дождик сеет...» (1916);

Поминальный (5): «Опять *поминальный* приблизился час...» (1940), «Опять *поминальный* приблизился час...» [Реквием, 13] (1940), «Думали: нищие мы, нету у нас ничего...» (1915), «Лучше б мне частушки задорно выкликать...» (1914);

Поминать (5): «И вот одна осталась я ...» (1917), «Вот это я тебе, взамен могильных роз...» (Эпиграф *Памяти* М.А. Булгакова) (1940), «Опять *поминальный* приблизился час...» (1940), «Ты – отступник: за остров зеленый...» (1917), «Пива светлого наварено...» (1921);

Помнить (43): Строфы, не вошедшие в «Поэму без героя» (1940-1965), «Решка» («Поэма без героя») (1941), «Пауки в окне» (1958), «В то время я гостила на земле...» (1913), «Маяковский в 1913 году» (1940), «Ангел, три года хранивший меня...» (1921), «Ташкент зацветает» (1944), «По полу лучи

луны разлились» (1909), «Над водой» (1911), «Черная вилась дорога...» (1913), «Я видел поле после града...» (1913), «Ничего не скажу, ничего не открою» (1913), «Твой белый дом и тихий сад оставлю...» (1913), «Где, высокая, твой цыганенок...» (1914), «Завещание» (1914), «Белый дом» (1914), «Вижу, вижу лунный лук...» (1914), «Пустых небес прозрачное стекло...» (1914), «Будем вместе, милый, вместе...» (1915), «А! это снова ты. Не отроком влюбленным...» (1916), «Если в небе луна не бродит...» (1910-ые годы), «Так отлетают темные души ...» (1940), «Пора забыть верблюжий этот гам...» (1944-1950), «Дорогою ценой и нежданной» (1946), «По той дороге, где Донской» (1956), «Меня влекут дороги Подмосковья...» (1956), «Я поднимаю трубку. Я называю город» (1957), «Он не друг и не враг и не демон...» (1958), «Творчество» (1959), «О, как меня любили ваши деды...» (кнц. 1950-х нч.1960-х годов), «У самого моря» (1914), «Царскосельская поэма «Русский трианон»» (1925-1965), «Как соломинкой, пью мою душу...» (1911), «Вечерняя комната» (1911), «Пора забыть верблюжий этот гам...» (1944-1950), «Летний сад» (1959);

Помянуть (2): «Причитание» (1944), «И вот одна осталась я...» (1917);

Прапамять (1): «Это рысьи глаза твои, Азия...» (1945);

Припоминать (7): «Смеркается, и в небе темно-синем...» (1914-1916), «Как долог праздник новогодний...» (1910-ые годы), «Шелестит о прошлом старый дуб...» (1911), «Последнее письмо» (1913), «Косноязычно славивший меня» (1913), «Буду тихо на погосте...» (1915), «Сказка о черном кольце» (1936);

Припомнить (5): «Петербургская повесть» («Поэма без героя») (1941), «Когда в мрачнейшей из столиц» (1916), «Последнее письмо» (1913), «8 ноября 1913» (1913), Эпиграф «Кому и когда говорил...» (1958);

Промелькнуть (2): «Страх, во тьме перебирая вещи» (1921), «Царскосельская ода» (1961);

Прошлый (2): «Постучи кулачком – я открою...» [Щели в саду вырыты..., 2] (1942), «Здравствуй! Легкий шелест слышишь...» (1913);

Пыльный (1): «Поэма о начале века» (1944-1945);

Развалины (1): «Надпись на книге» (1930-1939);

Реквием (1): «Посвящение» [Реквием, 1] (1940);

Склеп (5): «Через много лет» (1962), «Путем всяя земли» (1940), «Здравствуй, Питер! Плохо, старый...» (1922), «Широко распахнуты ворота...» (1921), «Весенним солнцем это утро пьяно...» (1910);

След (13): Строфы, не вошедшие в «Поэму без героя» (1940-1965), «Последнее стихотворение» (1959), «Где дремала пустыня – там ныне сады...» (1949), «Постучи кулачком – я открою...» [«Щели в саду вырыты...», 2] (1942), «Поздний ответ» (1940), «Семнадцать месяцев кричу...» [Реквием, 7] (1935-1940), «Художнику» (1924), «Хорошо здесь: и шелест и хруст...» (1922), «Я горькая и старая. Морщины...» (1919), «Город сгинул, последнего дома...» (1916), «Покинув рощи родины священной...» (1914-1915), «Венеция» (1912), «Сад» (1911);

- Сохранить** (4): «О нет, я не тебя любила...» (1917), «Петроград, 1919» (1920), «На руке его много блестящих колец» (1910), «Ты первый, ставший у источника...» (1914?) *Ал. Блоку*;
- Стереть** (2): «Где дремала пустыня – там ныне сады» (1949), «Есть три эпохи у воспоминаний.» (1945);
- Стираться** (2): «Подражание И.Ф. Анненскому» (1911), «О тебе вспоминаю я редко» (1913);
- Твердить** (1): «Другая песенка» (1956);
- Тосковать** (1): «Все тоскует о забытом...» [Алиса, 1] (1911);
- Тризна** (3): «Ты кто-то из прежней жизни...» (1958), «Вот это я тебе, взамен могильных роз...» (1940), «Пятым действием драмы...» (1921);
- Угаснуть** (1): «В то время я гостила на земле» (1913);
- Узнавать** (7): «Сонет» (1963), «Август 1940» (1940), «О, жизнь без завтрашнего дня!...» (1921), «Перед весной бывают дни такие...» (1915), «У самого моря» (1914), «Белый дом» (1914), «Бессонница» (1912);
- Хранить** (9): «Вечерняя комната» (1911), «Маяковский в 1913 году» (1940), «Опять подошли «незабвенные даты»...» (1944-1945, 1959), «Я не любви твоей прошу...» (1914), «Со дня Купальницы-Аграфены...» (1913), «Завещание» (1914), «Я не любви твоей прошу...» (1914), «Тот август, как желтое пламя» (1915), «И анютиных глазок стая» (1961);
- Хранитель** (1): «Нас четверо» (1961);
- Эхо** (11): Строфы, не вошедшие в «Поэму без героя» (1940-1965), «Глава вторая» [Поэма без героя, 7] (1940-1965), «Эпилог» [Поэма без героя, 12] (1940-1965), «Не находка она, а утрата...» (1962), «Эхо» (1960): «Смерть поэта» (1960), «Не страшай меня грозной судьбой...» (1959), «Памяти Пильняка» (1938).